

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 1 (14)

Academic Journal

Series:

Philology. Journal of Language Relationship

Moscow 2016

ВЕСТНИК РГГУ

№ 1 (14)

Научный журнал

Серия

«Филология. Вопросы языкового родства»

Москва 2016

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталь, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Филология. Вопросы языкового родства»

Редакционная коллегия серии

В.А. Дыбо, гл. ред., акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), Г.С. Старостин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Т.А. Михайлова, отв. сек., д-р филол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова), А.В. Дыбо, д-р филол. н. (ИЯз РАН), А.С. Касьян, д-р филол. н. (ИЯз РАН), С.В. Кулланда, канд. ист. н. (ИВ РАН), М.А. Молина (ИЯз РАН), И.С. Якубович, канд. филол. н. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Г.С. Старостин, А.С. Касьян, М.А. Молина

УДК 800(05)
ББК 80/84я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2016. — № 1(14). — x + 70 с. — (Вестник РГГУ. Серия «Филология. Вопросы языкового родства»: Научный журнал).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2016. — No. 1(14). — x + 70 p. — (RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philology. Journal of Language Relationship: Academic Journal).

ISSN 2073-6320

<http://www.jolr.ru/>
journal@jolr.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 01.03.2016. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №53

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Florent Dieterlen, John Bengtson. Confirmation de l'ancienne extension des Basques par l'étude des dialectes de l'Europe de l'Ouest romane</i>	1
[Ф. Дитерлен, Дж. Бенгтсон. Древнее расселение басков по данным романских диалектов Западной Европы]	
<i>B. A. Дыбо. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков</i>	29
[Vladimir Dybo. Proto-Celtic accent system against the background of other north-western Indo-European languages]	
<i>Sergey Kullanda. Accentuation in early Malay and Javanese epigraphy</i>	59
[С. В. Кулланда. Акцентуация в ранней древнемалайской и древнеяванской эпиграфике]	

Book Reviews / Рецензии

Saskia PRONK-TIETHOFF. The Germanic loanwords in Proto-Slavic, 2013 (М. А. Живлов / Mikhail Zhivlov)	65
---	----

Contributors

John D. Bengtson — Evolution of Human Language Project, Santa Fe Institute; Association for the Study of Language in Prehistory, Minnesota, jdbengt@softhome.net

Florent Dieterlen — Université de Lausanne, florent.dieterlen@bluewin.ch

Vladimir Dybo — doctor of sciences (Philology), member of the Russian Academy of Sciences; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), vdybo@mail.ru

Sergey Kullanda — candidate of sciences (History), senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), s.v.kullanda@gmail.com

Mikhail Zhivlov — candidate of sciences (Philology), senior lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities; researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPА (Moscow), zhivlov@gmail.com

Сведения об авторах

Бенгтсон, Джон — Программа «Эволюция языка», Институт Санта-Фе, Нью-Мексико; Ассоциация изучения языка в доисторический период, Миннесота, jdbengt@softhome.net

Дитерлен, Флоран — Лозаннский университет, florent.dieterlen@bluewin.ch

Дыбо, Владимир Антонович — доктор филол. наук, акад. РАН; Институт славяноведения РАН (Москва), vdybo@mail.ru

Живлов, Михаил Александрович — канд. филол. наук, ст. преп. Центра компаративистики ИВКА РГГУ, науч. сотрудник ШАГИ РАНХиГС (Москва), zhivlov@gmail.com

Кулланда, Сергей Всеволодович — канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), s.v.kullanda@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@jolr.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@jolr.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или же непосредственно, обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Confirmation de l'ancienne extension des Basques par l'étude des dialectes de l'Europe de l'Ouest romane

The paper is a study of ancient Basque (Vasconic) substratal words remaining in the Romance dialects of France, Spain, Italy and Romance-speaking parts of Belgium and Switzerland. The demonstration begins with an illustrative presentation of three Basque words that have widespread coverage: *marro* for 'ram', *suge* for 'snake' and 'lizard', and *gapar* for 'wild rose'. They span an area extending from Spain and France into Switzerland and Italy. It is noted that there are many Vasconic words in Romance dialects spoken near the actual Basque Country: the most best-known are in Gascony where Vasconic was spoken at the beginning of our era, but some are also found to the South, West, and East, in Southern Navarre, Aragon and Rioja. These gradients without discontinuities are sufficient proof of the ancient presence of Vasconic languages in a large part of our proposed Vasconic territory. Linguistic evidence is followed by a discussion of recent results from population genetics in the molecular school: these are represented by maps of MtDNA H1 and H3; Y-chromosome S116; and haplogroup XV (Taq1), which are the main haplogroups among the Basques and cover most of the proposed Vasconic territory. Finally, we discuss the presence of Vasconic words in large parts of the proposed Vasconic territory in conjunction with the various migrations that occurred in prehistoric and historic times. Our main conclusion is that Vasconic languages were widespread in large parts of Southern and Western France, in Iberia, and in some parts of Italy, especially in Sardinia; a historical scenario for the last 3000 years is proposed.

Keywords: History of Basque language, Vasconic, Romance dialects, linguistic substrates, dialectology, etymology, geographical linguistics, genetics of European populations.

1. Introduction

Nous nous proposons de montrer dans cet article que la linguistique, et plus particulièrement le lexique, confirme les données génétiques actuelles (2014). Ces dernières laissent penser à une ancienne extension du peuple basque, ou, mieux, vasconique, dans une partie de l'Europe de l'Ouest, c'est à dire nettement plus étendue qu'actuellement. Ce faisant, nous avançons que beaucoup des ancêtres des Européens de l'Ouest parlaient des langues vasconiques avant de parler les langues celte, latine ou germanique, et qu'au vu des découvertes génétiques, les Cro-Magnons parlaient une des langues qui ont donné le basque, ces langues étant venues par migrations successives.

Cet article concerne donc les mots survivants du substrat pré-indo-européens, et plus spécialement vasconiques (cousins du basque actuel). Nous avons recensé au début de cette recherche les mots pré-indo-européens non basques (non publié) et en avons trouvé moins que de mots spécifiquement basques en général. Nous avons aussi recensé les mots celtes de France, et en avons trouvé un nombre du même ordre de grandeur que les mots basques, répartis différemment : plus de mots dans le Sud-Est par exemple (carte non publiée).

Les études du substrat basque ont été marquées par le linguiste suisse Johannes Hubschmid (voir références). L'œuvre de Hubschmid a été critiquée, par exemple par le grand étymologiste Malkiel (1993 : 118) : « Clairement, dans cette sorte d'exploration étymologique, la curiosité et l'intuition règnent en maîtres, car il ne reste presque rien à chercher. Mais à quel prix, quelle perte de réalisme, cette quête a conduit ! ».

D'autre part, il n'y a rien de mal en soi dans la curiosité et l'intuition en sciences... En fait, ce sont justement ces deux qualités qui ont stimulé de nouvelles découvertes aussi en linguistique historique, comme dans toute science :

As in anthropology, archeology, paleontology, and the like, which also try to reconstruct the past, a successful worker in genetic linguistics must possess a flair for piecing together fragmentary bits of information. As in any other empirical science, we do have a body of exact procedures and guidelines, but this does not in itself ensure proper or correct application. The actual practice of genetic linguistics may seem like a special skill, an art... (Anttila 1972 : 25).

Malkiel mettait le réalisme en exergue, ce qui semble naturel, mais dans le cas de Hubschmid, par exemple, est-il réaliste d'ignorer l'existence d'éléments pré-indo-européens ou vasconiques dans les langues romanes, et de prétendre que tous les mots des langues romanes dérivent du latin ou d'autres langues bien documentées?

Une telle approche ne peut que conduire à une meilleure compréhension du développement des langues romanes, et ainsi de l'histoire et la préhistoire de l'Europe.

La solution à cette tension entre intuition et réalisme dans les études étymologiques revient à appliquer les « procédures et lignes de conduites exactes » de la linguistique historique à chaque trouvaille obtenue par intuition, et d'établir les faits et interprétations dans chaque cas, aussi fermement que possible.

Pour cela, dans cette étude, nous avons soumis chaque suggestion faites par Hubschmid, Rohlf et autres (ainsi que les mots trouvés par nous) à la plus grande analyse étymologique, en consultant non seulement les dictionnaires standard du Roman (FEW, REW, Corominas, etc.) mais aussi les sources étymologiques du basque (Agud et Tovar, Michelena, Trask, etc.) pour déterminer si les mots en question sont véritablement basques (vasconiques) et d'origine pré-indo-européenne, et qu'ils ne viennent pas du latin, du celte, du german ou d'autres langues bien connues.

Quand un mot était indiqué comme pré-roman, avait une correspondance exacte avec un mot basque et n'était pas issu d'une autre langue indo-européenne, nous avons considéré qu'il était d'origine basque. L'un de nous (JDB) est indo-européaniste.

Dans certains cas, l'origine est claire, comme dans le français dialectal *esquer*, *esquer*, *ehke-ro*, etc. pour gauche, puisque ce mot existe non seulement dans le Massif Central mais aussi en catalan, espagnol, portugais, et qu'il existe une acceptation quasi universelle chez les linguistes sur le fait que ce mot est d'origine basque. Néanmoins, certains linguistes en ont proposé des étymologies non basques, assez tirées par les cheveux.

Dans d'autres cas, il a été difficile de déterminer la provenance exacte du mot, car il peut y avoir par exemple des origines disputées entre le celte et le basque. Nous avons éliminé de telles occurrences.

Pour chaque mot des dialectes romans, que nous pensons venir du basque (vasconique), nous citons un prototype proto-basque (basé surtout sur l'oeuvre de Michelena), par exemple *agoR* « sec, improductif, stérile », et quand c'était possible le mot standard basque (Euskara Batua=EB) correspondant (dans notre cas *agor* (B, G). ce qui veut dire septembre (entre autres) dans les dialectes basques de Bizcaye et de Guipuzcoa. Nous avons ainsi un lien sémantique

au dialecte roman voulant dire « automne » (c'est-à-dire la saison stérile). Quelque fois, des mots du dialecte ne sont pas utilisés en basque standard, et ce dernier ne peut être cité.

Aussi pourquoi certains mots du substrat, et non d'autres, persistent après un changement de langue (adoption du latin dans notre cas) ? Il est intéressant de se rendre compte que les mots survivants appartiennent aux trois catégories suivantes :

- animaux : fauvette, hibou, lézard, salamandre, bélier, etc.
- mots ruraux et de plantes : buisson, églantier, aubépine, jachère, boue, vesce, giroflée, etc.
- mots péjoratifs : maladroit, chassieux, gauche, orgelet.

Le nivellement lié au discours urbain n'affecte pas beaucoup ces trois sphères. Les ruraux des aires reculées ont tendance à garder ces mots traditionnels, souvent issus d'une langue antérieure submergée.

Des changements phonétiques irréguliers sont quelque fois caractéristiques de ces mots du substrat. Les gens ont consciemment ou (le plus souvent) inconsciemment joué avec ces mots, les associant quelque fois à des éléments étymologiquement différents. Ceci est splendidement illustré par des mots tels que « lézard » (voir FEW Vol.21 : 259ff) et par « fraise ». Ces variantes se retrouvent aussi en basque, ce qui est capital.

Le plan du travail est le suivant : nous commencerons par exposer les historiques de la recherche dans les substrats, dans la génétique des populations, dans les migrations anciennes et dans notre longue recherche, paragraphe suivi par une description du gradient phonétique en Gascogne et en Espagne à la base de cette recherche. Puis nous montrerons trois cartes de mots basques courants dont l'extension spatiale est grande. Ensuite, nous expliquerons l'importance de ce gradient lexical, semblable au gradient phonétique et nous calculerons une carte d'isolignes dans notre territoire entier avec la trentaine de mots basques trouvés dans les dialectes, sans compter la Navarre. Nous expliquerons ensuite l'étymologie de chaque mot. Puis les faits génétiques qui laissent penser à une extension plus grande des ancêtres des Basques, suivis par une discussion des résultats. Ensuite, nous montrerons les cartes approximatives des occupations basques au cours des siècles. Enfin nous concluons.

2. Historiques

Dès le XIXème siècle, des linguistes se sont intéressés à la langue basque. Depuis, nombreuses sont les tentatives d'explication (v. Trask 1997) des origines et des liens éventuels du basque avec d'autres langues, ce qui a conduit les linguistes à déclarer ces sujets tabous depuis le congrès de Paris en 1875. Des spéculations ont eu lieu quand même, aussi sur l'ancienne extension, jetant le discrédit sur leurs auteurs. La nouveauté viendra de la génétique.

Dès 1940, Haldane (1940), Darlington (1947), Mourant (1952), de Beer (1965), et de Barandiaran (1993) montraient que les Basques avaient des particularités génétiques uniques, beaucoup de groupe sanguin O et de rhésus négatif, pas de groupe B, mais aussi que les particularités basques (y compris linguistiques ou ethnologiques) s'estompaient lorsqu'on s'éloignait du Pays basque.

Ces particularités se retrouvaient dans les populations voisines du Pays basque en régressant avec l'éloignement, et elles correspondaient à des caractéristiques anthropologiques et archéologiques aussi. Cette perspective a été reprise par Ruffié (1976) puis par le grand généticien Cavalli-Sforza (1988, 2001), suivi de Zvelebil (1995) et Wiik (2000).

Caro Baroja (2003) et Allières (1977) ont étudié le lien (non causal évidemment mais concomitant) de la génétique avec l'ethnologie et la sociologie.

Nous nous sommes vite aperçus que la Gascogne présentait un grand intérêt du point de vue phonétique. Les articles de Séguy (1953, 1954), Jungemann (1955), Baldinger (1958), Rohlf (1959, 1977), Allières (1973, 1978), Ravier (1976), Guiter (1985) et beaucoup d'autres ont montré un gradient linguistique centré sur le Pays basque : plus l'on s'éloigne de celui-ci, moins on parle comme les basques (avec des variations), ce qui paraît normal.

La carte des noms de lieux finissant par *-os* et ses dérivés et *-ues* et *-ueste* montrée par Rohlf (1977 : 31) montre que ce gradient se retrouve dans une grande Gascogne et en Espagne, au delà du Pays basque. Nous situons notre travail comme un modeste prolongement de l'œuvre de H. Guiter en dialectométrie (Guiter 1971).

Sous l'impulsion du professeur Rémi Jolivet, de l'Université de Lausanne, l'un de nous (FD) a étudié le lexique, d'abord en cherchant les mots pré-indo-européens, puis basques. Depuis 1994, deux millions de mots ont été consultés par FD dans les dix Atlas linguistiques comportant du lexique en Europe de l'Ouest romane, chronologiquement d'abord l'Atlas linguistique de France, Wallonie et Suisse romande (ALF, Gillieron 1908) puis celui d'Italie, du Tessin et des Grisons (AIS, Jaberg et Jud 1928–1940). Notons que l'ALF n'a pas montré les mots basques du Pays basque français mais a pris des occitans comme informateurs.

Une partie des mots basques de Gascogne se trouvent dans Rohlf 1977. *maguista* en Italie est cité par Devoto 1961. Nous ne signalerons pas tous les auteurs ayant proposé des mots basques dans les dialectes de notre territoire, pour ne pas trop allonger notre article.

Pour la Corse, nous avons consulté 3 atlas : (Bottilloni 1935, ALEIC, Gillieron 1908 et Dalbera-Stefanaggi et al. 2007, et c'est ce dernier qui nous a donné les points (coordonnées géographiques) des cartes ci-dessous. Nous n'avons pas retenu l'unique mot trouvé qui est peut-être d'origine basque, *sapara* « Caverne », de *sapai*, et ignoré le mot pour chien, *ghiagaru*, peut-être cousin de *txakur*.

Enfin, nous avons consulté les atlas linguistiques de Castille (Alvar 1999), d'Andalousie (Alvar 1973), d'Aragon, Rioja et Navarre (Alvar 1979), de Catalogne (Griera et al. 1964) et de Cantabrie (Alvar 1995). Notons que la Bretagne et l'Alsace ne sont pas compris dans notre territoire. La figure 1 montre les points utilisés pour faire les cartes d'isolignes ci-dessous.

L'ensemble de ces territoires sera entendu ici sous l'appellation « Ouest-Europe ». Il manque donc plusieurs pays : le Bénélux (sauf la Wallonie), l'Allemagne, la Hollande, le Royaume Uni, l'Irlande. Nous n'avons trouvé pour ces pays aucun atlas linguistiques avec lexique, mais uniquement des atlas phonétiques. C'est particulièrement regrettable pour le Royaume Uni et l'Irlande (Busby 2012) qui présentent des similarités génétiques avec le Pays basque, surtout à l'Ouest où la langue celte a trouvé refuge (Young 2009).

D'autres peuples ont envahi notre Ouest-Europe avant la présence romaine, les Etrusques et les Ibères étant les plus connus. En Italie, on ne retrouve pas de mots vasconiques dans la région occupée par les Etrusques. Il y a eu aussi les Tartessiens dans le Sud de l'Espagne, des Grecs, des Puniens (Tovar 1961). En France et en Italie habitaient les Ligures, et en Sicile les Sicules et Sicanes, puis les Grecs (aussi en Italie du Sud).

Beaucoup de peuples ont occupé l'Ouest-Europe dans la préhistoire, laissant des traces dans les gènes et les langues. La chronologie est la suivante pour l'Ouest-Europe : au paléolithique, entre 40000 BC et 9500 BC environ, différentes cultures de chasseurs cueilleurs se sont succédées, porteuses de gènes arrivant surtout de l'Est. La correspondance entre génétique et archéologie n'est pas encore tout à fait consensuelle, mais chacune propose une chronologie approximative.

C'est à cette époque que se sont établis la majorité des ancêtres maternels des Basques et des Européens, porteurs de l'haplogroupe mitochondrial H, depuis le Moyen-Orient. Les peuples du paléolithique se sont repliés dans le Sud, y compris dans le Pays basque, pendant la glaciation (environ 18000 BC/9500 BC).

Figure 1. Points des atlas linguistiques, chacun correspondant à une localité étudiée.

Puis le mésolithique et le néolithique ont succédé, le néolithique avec l'arrivée de l'agriculture, vers environ -5000 en Ouest-Europe. Vers la fin du néolithique sont apparus les mégalithes, de -3300 à -1800 environ. C'est à cette époque que la majorité des ancêtres paternels des Européens de l'Ouest se sont répandus, selon Myres et al. (2010), depuis une région comprenant le Pays basque et la Gascogne.

Les cultures du métal ont émergé, puis les Indo-Européens vers 1000 BC (à l'âge du fer, ou peut-être même avant, 2000 BC, pour les avant-coureurs, selon Vennemann 2010), dont les élites vont imposer leurs langues à presque toute l'Europe, sans pour autant beaucoup transmettre leurs gènes en Europe de l'Ouest (Zvelebil 1995), étant beaucoup moins nombreux que les habitants originels. Ceci sera expliqué dans le paragraphe sur la génétique.

3. Gradient phonétique

Les linguistes cités en introduction ont montré l'existence d'un gradient surtout consonantique s'étendant en diminuant peu à peu en Gascogne ($f > h$, etc., Orr 1936, Baldinger 1958) et dans le Languedoc ($v > b$, Baldinger 1958, nous verrons son importance) d'une part, et vers la Navarre ($md > m$ qui se retrouve en Italie, etc.) et l'Aragon ($f > h$) d'autre part (Guiter 1985). Guiter mentionne J. Saroïhandy qui avait déjà travaillé sur le sujet au XIXème siècle. Notons que le changement $f > h$ se retrouve ailleurs dans notre territoire, notamment en Italie continentale et en Sardaigne. Les similarités entre le Gascon et le languedocien avaient été notées par Henschel (1917).

Les voyelles ont été étudiées par Séguy (1965).

Baldinger (1958) y voyait un phénomène phonétique qui s'étendait jusqu'en Provence, mais pas nécessairement basque. Nous verrons que les mêmes mots basques trouvés en Gascogne se retrouvent en continuité vers le Languedoc et le Massif Central, et même plus loin, de même en Espagne. Plus on s'éloigne, plus la relation avec le Pays basque est ancienne, par paliers. C. Videgain (2000) a noté la sympathie de J. Allières sur le substrat basque, ce qui confirme mes conversations avec J. Allières et avec X. Ravier dans les années 90. Citons Videgain : « À titre d'exemple, on consultera un article paru en 1986 dans lequel, surpris de trouver

en Haut-Aragon des sonantes géminées issues du latin, fait « scandaleux » au nord-ouest de la ligne La Spezia-Rimini, il n'hésite pas, en s'appuyant sur les travaux de Elcock, Michelena et Coromines, à soupçonner la phonétique basque d'avoir favorisé un tel archaïsme » (Allières 1986).

En Italie, hormis la Sardaigne, on ne retrouve ce gradient basque que sous une forme très atténuée, beaucoup d'autres civilisations étant passées par là. Les changements consonantiques italiens reflètent ces diverses influences (Posner 1980).

Ces particularités ont été critiquées, car on les retrouve, à un degré moindre, en Italie, en France ailleurs qu'au Sud-Ouest et dans le Sud de l'Espagne. Ce qui, dans le point de vue traditionnel, exclut une influence basque (voir par exemple Trask 1997). Notre recherche veut prouver le contraire. Pour prouver que les substratistes avaient tort, certains auteurs ont inventé des étymologies saugrenues, telles que le latin *scaevoter* pour *esker* (gauche) en Cantal (Szemerényi 1963).

Trask (1997) en était l'opposant le plus virulent, et dans une moindre mesure Wilbur (1980) et d'autres linguistes. Nous ne tiendrons pas compte du dictionnaire étymologique de Trask, qui a négligé par exemple tous les mots en *tx-*, du fait qu'ils se retrouvaient en espagnol. Michelena (1985) pensait que le substrat pré-indo-européen n'était pas nécessairement ancien.

Mis à part Vennemann et Hamel (2002), presque plus personne ne se lance dans ce domaine du substrat pré-Indo-Européen. Beaucoup de linguistes ont contesté les changements phonétiques souvent attribués aux Basques, pour la raison que ces changements intervenaient également loin du territoire basque actuel, comme mentionné ci-dessus.

4. Etude de 3 mots

Nous montrons ici trois cartes qui illustrent bien la présence de mots indubitablement basques dans des régions très éloignées du Pays basque : bélier, serpent, aubépine (respectivement *marro*, *suge* et *gapar*) ; il y a aussi dans notre liste (voir paragraphe sur les étymologies) d'autres termes pour buisson, aubépine, églantier) et ils sont répandus dans une bonne partie du domaine étudié ici. Certains mots sont assez répandus comme les trois que nous venons de citer, et d'autres au contraire sont rares, comme on peut le voir dans la liste étymologique. Nous en verrons la répartition. *Gapar* a été étudié avec ses variantes par Séguy 1953, mais celui-ci ne voyait pas une origine basque étant donné la grande diffusion du mot. Ne pouvait être basque qu'un mot présent très près du Pays basque...

Leur utilisation a un peu dévié au cours des millénaires : *marro* (bélier ; Figure 2) a presque toujours gardé sa forme originale et son sens a peu varié, voir la figure 2. L'AIS indique *baro* dans quelques localités d'Italie, au milieu de localités où le mot est resté *maro* (l'AIS n'indique pas les redoublements des /r/). La signification « fellow » et l'origine germanique ne peuvent être retenues, ces mots faisant partie d'une région où *maro-baro* a la signification « bélier ». Le /b/ provient d'un changement phonétique courant.

Suge (serpent, prononcé sougué en français ; Figure 3) est la racine de *sugandilla* et ses variantes pour lézard et salamandre dans les dialectes du Pays basque ainsi que dans les dialectes d'Ouest-Europe. Il s'est transformé dans les dialectes du Pays basque même et évidemment plus loin, ce qui suppose avec une racine commune plus ancienne, en *sugandilla*, en *sankallina*, en *sagarasta*, en *sangalete*, en *sangusola*, en *surita*, en *tsigiletta*, etc.

Ce dernier mot (*tsigiletta*) s'est considérablement modifié, car situé en Sardaigne donc appartenant à un substrat très ancien comme le révèle la génétique, voir carte du M26 (Nous parlerons de cet haplotype plus loin, cette mutation est représentée uniquement au Pays basque et

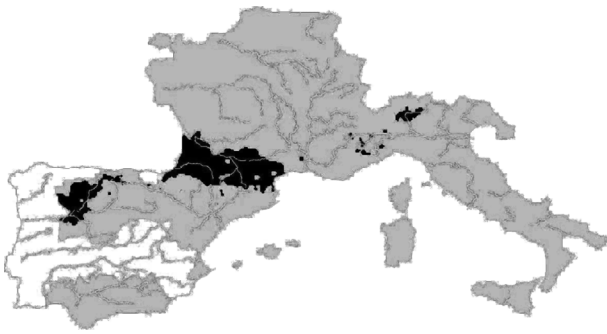

Figure 2. Carte de *marro* = béliier, truie, jeune béliier. Mots étendus, dans les dialectes parlés jusqu'à nos jours ou au maximum il y a 120 ans (Gillieron, surtout dans certaines parties de la France où les dialectes ont disparu en raison de l'uniformisation). *Marro* se retrouve dans tout le Sud-Ouest et le Languedoc, en Cantabrie, en Castille, dans les Alpes et dans le Nord de l'Italie. La couleur claire indique qu'il n'y a pas de mots, la couleur foncée indique qu'il y a au moins une occurrence de *marro* dans cet endroit. Le noir correspond à au moins une occurrence de *marro*.

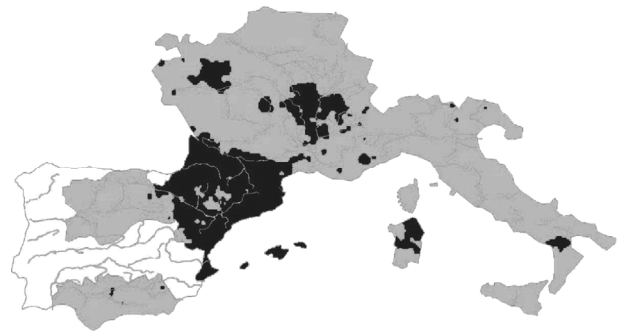

Figure 3. Carte de *suge* et de ses dérivés = serpent, lézard, salamandre. On voit sur la carte que *suge* est répandu sur le Sud-Ouest de la France et dans le Languedoc, dans le Sud-Est de la France, en Suisse romande, en Catalogne, en Aragon, Rioja et Navarre, en Andalousie, dans l'Ouest de la langue d'Oïl et aussi dans son centre-Est, ainsi qu'un peu en Italie (quelques points dans le Nord et dans le Sud et en Sardaigne). Légende : voir *marro* (figure 2).

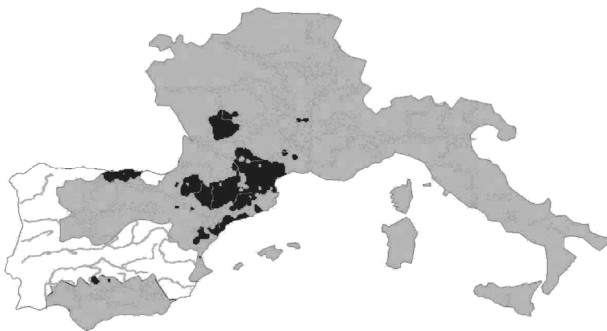

Figure 4. Carte de *gapar* = aubépine, buisson. Le mot se retrouve dans les dialectes cantabres, andalous, catalans, pyrénéens, midi-pyrénéens et languedociens, dans le Limousin, en langue d'Oïl, et entre la Loire et le Rhône, à la limite du territoire d'Oïl, et pas en Italie (et peu en Aquitaine, cela vaut la peine d'être noté). Légende : voir figure 2.

en Sardaigne et sur le continent près de la Sardaigne) (Blasco Ferrer 2010). Múgica (1965), auteur d'un dictionnaire espagnol-basque, recense des dizaines de variantes de *suge* et de ses dérivés rien qu'au Pays basque.

Gapar (Figure 4) s'est quelque fois transformé, mais moins que *suge*. Les cartes ci-contre montrent l'extension en Ouest-Europe de *marro*, *suge* et *gapar*. *Gapar* est abondamment cité dans l'oeuvre de Hubschmid ainsi que *barta*, *chur*, *agor*, etc.

Nous n'avons pas encore d'explication aux aires différentes de ces trois mots.

5. Gradients lexicaux en Espagne et en France

D'autres que nous se sont penchés sur le problème du lexique (notamment Hubschmid 1963 et l'école italienne, par exemple Pisani 1953), dès la première moitié du XXème siècle, de façon

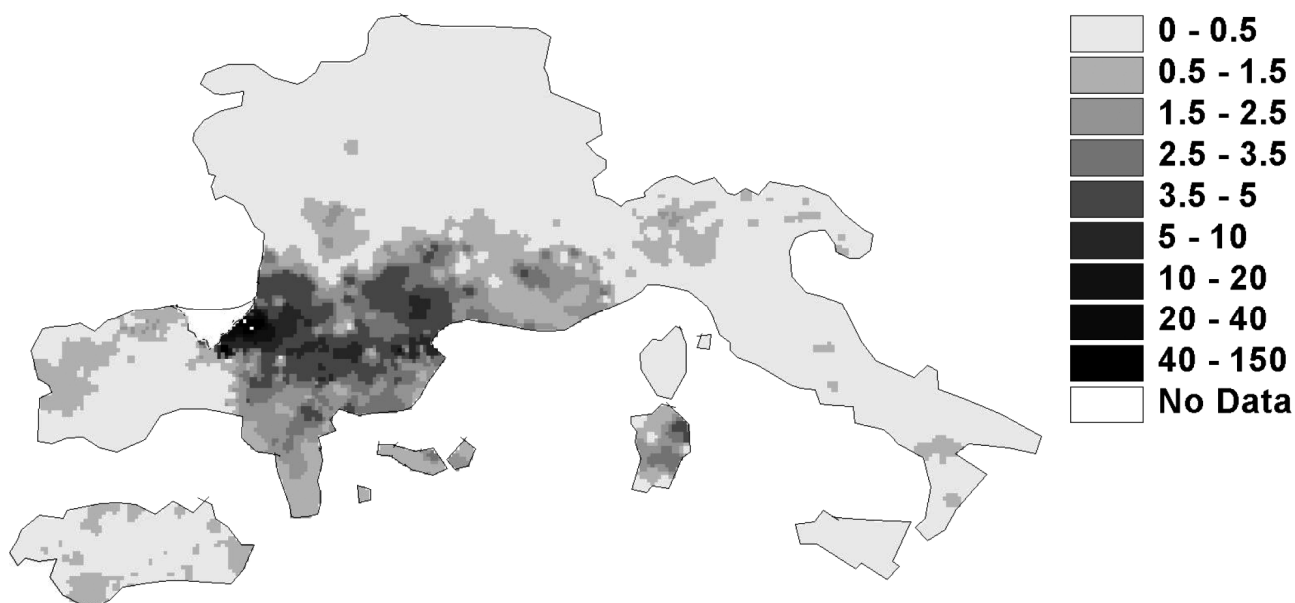

Figure 5. La figure 5 montre neuf dégradés de gris : du blanc cassé pour pas de mots, au noir pour plus de 80 mots. Le Pays basque est en blanc, pour qu'on distingue les territoires de la Navarre où il y a beaucoup de mots. L'échelle est à peu près logarithmique, c'est à dire que les échelles sont : 0 mot (entre 0 et 0.5), 1 mot (entre 0.5 et 1.5), 2 mots (entre 1.5 et 3.5), 3 et 4 mots, de 5 à 10 mots, etc. jusqu'à plus de 80. Elle permet de voir le nombre de mots par régions et par la même l'ancienneté du peuplement ou l'influence des invasions ultérieures. On remarque 3 centres dans le Sud de la France. La carte a été réalisée sur Spatial Analyst d'Arcview 3.2 avec la méthode IDW, 8 voisins les plus proches, degré 3.

qualitative et restreinte. Puis le sujet a été évité par les linguistes, à cause des excès dans les recherches substratiques du XXème siècle : constructions approximatives, tentatives saugrenues, etc.

L'atlas linguistique de l'Aragon, de la Rioja et de la Navarre constitue une preuve de l'existence du substrat basque : en Navarre du Nord, on parle basque. Et plus on s'éloigne, moins il y a de mots basques, peu à peu, mais il en reste en Aragon et en Rioja, les mêmes que dans le Nord de la Navarre, en continuité.

Pour la Gascogne, rares sont les auteurs qui dénie l'existence de reliquats lexicaux basques dans ce territoire reconnu comme aquitain (cousin des basques) au début de notre ère. Mais peu d'auteurs reconnaissent qu'une grande partie de ces mots continue en Midi-Pyrénées et en Languedoc, si ce n'est plus loin (voir conclusion).

Nous parlerons de langue basque ou vasconique et non de proto-basque (sauf peut-être pour la Sardaigne, étant donné l'ancienneté du peuplement basque), car les mots que nous avons gardés n'ont que peu changé depuis 1000, 2000 ou 3000 ans (Vennemann 2010) sauf un peu pour la Sardaigne. La question peut être débattue, il s'agit peut-être là de proto-basque pour certains, mais nous garderons le terme de « basque » ou « vasconique » par simplicité.

Nous avons vérifié chaque mot dans Walde (1927–32) pour vérifier qu'ils ne sont pas d'origine indo-européennes. Nous avons consulté le FEW (Von Wartburg 1928) et le REW (Meyer-Lübke 1935) qui donnent de nombreuses étymologies pour notre territoire, mais hésitent quelquefois à donner des étymologies basques pour des mots situés loin du Pays basque, suivant les a priori courants à cette époque et encore vivaces.

Nous avons compté le nombre de mots basques trouvés dans les 2024 localités des atlas mentionnés ci-dessus, et les avons mis sur la carte ci-dessous (figure 5).

6. Etymologies des mots

Nous mettons ici la liste étymologique refaite par JDB, sans toutefois mettre l'Aragon, la Rioja et la Navarre, pour les raisons suivantes :

- Une partie de la Navarre en contact avec le Pays basque parle encore le basque. Nous avons rajouté 100 mots pour les localités où c'est le cas, pour que la couleur de la carte soit adéquate (noire), mais il y en a évidemment plus en réalité.
- Ces mêmes mots basques continuent dans la carte en s'éloignant du Pays basque, avec de moins d'occurrences au fur et à mesure qu'on s'éloigne du Pays basque, dans certaines localités où on a dû parler basque dans des époques plus ou moins récentes. Nous ne les avons pas mis dans la liste ci-dessous, car ce sont les mêmes mots basques qu'au Pays basque proche et en Navarre bascophone, et il y en a beaucoup.

Nous avons mis à la suite des étymologies les localités où ils existaient au XXème siècle, quand les atlas ont été rédigés.

6.1. Basque **agoR* 'sec. improductif, stérile': *agor* (EB) id., *agorril* (EB) 'août' < **agoR-hil* 'mois stérile'; dial: *agor* (B, G) 'septembre', *agorril* (AN, BN, L, R), *agorríla* (Z) 'août'.

Forme dialectale (roman): *agor*, *aguero* 'automne' ALF 650, 662, 672, 693, 695, 697; Castille : « automne » 1.

◇ Dérivation des formes romanes *agor*, *aguero* du latin *augustus* ou *veranus* n'est pas plausible phonétiquement. Ces formes sont compatibles phonétiquement et sémantiquement avec le basque **agoR*, qui a les significations 'août' ou 'septembre' dans les dialectes < '(mois) stérile'. « Con gasc. *agor*, arag. *agüerro* 'otoño'. Se trata de términos pirenaicos, cuya significación, según Rohlf's ... ha debido de ser fijada tarde: „Autrefois elles [ces formes] ont dû désigner simplement l'époque de l'année où la sécheresse commence à se faire sentir, cf. en Ariège *ourrado* 'mois d'août'“. De origen no latino » (Hubschmid et al. 1959 : 53 ; Rohlf's 1977 ; OEH AGOR; cf Azkue 167; AW 4; EDB 78; L 54; FEW 24 : 268).

6.2. Basque **arhan*; EB *aran* 'prune, pruneau', *aranondo* 'prunier'; dial. *adan* (B, BN), *arhan*, *áhan* (BN, Z), /ãhã/ (Z) 'prune', *aran* (B, G) 'prunellier'. ◇ Une origine celtique est rejeté par Trask (EDB).

Forme dialectale (roman) : *aran* 'prunellier, prunelle' [Catalogne (57), F (Sud-Ouest, 12)]. ALF : « prune » 659, 678, 692, 697, 698, 771, 785, 791, 792, 794, 797, 798 ; « prunellier » 659, 668, 676, 678, 692, 697, 698, 771, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798 ; Catalogne : « prunelle » 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 54, 60, 88, 90.

AW 19; EDB 101; Azkue 211; FHV 329; L 55; OEH ARAN; FEW 268–269; REW 294.

6.3. Basque **azu(-aR)* 'ronce'; dial. *azuar* (B) 'ronce'; (B) *asuar* 'zarza que produce moras'.

Forme dialectale (roman): *aze*, *aji* 'mûre' [F: Midi-Pyr.(3), Mass. Centr.(2)].

◇ Pas beaucoup d'information sur le mot basque. Nous sommes d'accord avec Corominas pour qui cette racine est préromane, mais la connexion avec le basque **sasi* 'ronce' n'est pas possible phonétiquement (Azkue 274; OEH AZUAR).

ALF « mûre » 709, 718, 719, 810, 811.

6.4. Basque **baLek(i)o* (?); dial. *balekio* (B) 'mauvaise herbe qui croît dans les champs de blé, de lin, etc.; elle est menue et a de petites graines'; *baleko* (B) 'gerbes de blé, grosses javelles'; *balke* (Sal) 'vesce, plante herbacée bonne pour le bétail'.

Forme dialectale (roman): *barika* ‘giroflée’ [Provence (12)]; *bali*, *barika*, *bariko*, *barike* [Alpes Maritimes (4)]; *baliko*, *beliko*, *bariko* [Sud-Est France (12)]; *baloko* [Hautes Pyrénées (1)]; *barikoko*, *brikoka* ‘alisier’ [Gard (2)].

ALF : « basilic » 872, 874, 876, 882, 886, 887, 888, 893, 896, 897, 898, 990 ; « giroflée » 897, 898, 899, 990 ; Andalousie : « avena loca » Co101, Co200, Co201, Co202, J100, J401, Gr200, Gr301, Gr402, Gr405, Gr500, Gr512, Gr600, Gr601, Gr602, Gr603, Gr604, Al201, Al204, Al205, Al402, Al403, Al404, Al405, Al600, Ma403.

◊ Syncope dans les dialectes pyrénéens (ex. Sal *balke*). « Piensa en un possible origen ibérico » (AT), en accord avec Corominas. «Vorromanisch oder iberisch» (FEW) (Azkue 282–3; AT IX 835; OEH BALEKIO; FEW 21 : 172, 185).

6.5. Basque **barda* ‘branche, ramille’; dial. *barda* (B) ‘branche d’arbre pourvue de ramilles’; *bardaska* (B) ‘ramille’; *barderi* (B) ‘branche pourvue de ramilles’.

Forme dialectale (roman): *barta* ‘mûre de ronce, ronce, buisson, prunelier, haie, aubépine, bois’ ALF : « aubépine » 776, 784, 793 ; « buisson » 712, 715, 717, 724, 727, 728, 733, 735, 744, 746, 755, 757, 764, 766, 773, 776, 777, 793, 796, 809, 812, 829, 838, 840, 869 ; « mûre de ronce » 776 ; « prunelier » 744 ; « haie » 637, 648, 712, 715, 720, 724, 729, 731, 737, 755, 764, 785, 793 ; « ronce » 773, 785, 792 ; AIS « buisson » 337, 346, 348, 368, 397 ; Andalousie : « aubépine » Al202.

◊ Gaulois **barros* pas compatible phonétiquement avec roman **bart-/bard-* (Azkue 286; AT IX 847–848; REW 964; OEH BARDA; FEW 1 : 262).

6.6. Basque **barta* ‘boue, boubier, marécage’; dial. *bartale* (Sal) ‘marécage’; *parta* (BN) ‘boubier, marécage’; *phartategi* (L) ‘boubier’; *phartatsu* (L) ‘boueux’; *phartazilo* (L) ‘boubier’.

Forme dialectale (roman): *barta*, *bardo* ‘boue’ [Catalogne (7)]. Catalogne : « llot » 1, 15, 16, 17 ; « fang » 1, 15, 17.

◊ L mots avec *-tegi* ‘lieu’; *-tsu* [adjectif]; *-zilo* ‘trou’. *p(h)arta* < *barta* par assimilation voisée (cf. *k(h)apar* < **gapaR*, ci-dessous. Dérivation à partir de **barrum* peu plausible; en tout cas pas latine (AT IX 852; Azkue 289, 890; OEH PARTA 2; FEW 1 : 263 ff.).

6.7. Basque **bizkaR* ‘dos; crête des montagnes; onéreux, insupportable’ = *bizkar* (EB); dial. *bizkar-urri* (R) ‘courbé, bossu’; *bizkar* (Z) ‘dos; crête de colline; onéreux’ (L donne l’exemple: *besteren bizkar izan* = ‘être à la charge d’autrui’).

Forme dialectale (roman): *bisku* ‘chassieux’ ALF « tondre » 653, 664, 680; Catalogne : « llusc » 3, 4, 7, 21.

◊ Signification ‘chassieux’ < ‘vue tordue’ (Azkue 329–330; AW 68; EDB 146; AT VII 148; OEH BIZKAR; Rohlf 1977; L 82).

6.8. Basque **burusi* (orig.) ‘mante, couverture de tête’; dial. *burusi* (B, G, BN) ‘mante, couverture de lit, de voyage, etc.; capuchon qui se met sur la tête’; *buusi* (B, G) ‘mante ancienne, rude’.

Forme dialectale (roman): *buras-* ‘langes’ [Midi-Pyr. (2), Lang. (1)]. ALF « langues » 743, 746, 861.

◊ Un dérivé de **buru* ‘tête’. Signification ‘langes’ < ‘couverture de lit’ (Azkue 343, 346; AT VII 193; OEH BURUSI; EDB 149).

6.9. Basque **ezkeR* ‘gauche, gaucher’ = *ezker* (EB); dial. *ezkerti* (B) ‘gaucher’; *ezkér* (R), *ixkér* (Z) ‘gauche’, *ixkerrét* (Z) ‘gaucher’.

Forme dialectale (roman): *esker, ehker* 'gauche, zurdo' [Massif-Central (11), .ALF « gauche » 712, 713, 715, 716, 717, 719, 794, 795, 796, 797, 798.

◊ Ce mot existe non seulement dans certains dialectes romans, mais aussi dans des langues standard (catalan, espagnol, portugais) et il y a un accord presque unanime chez les linguistes sur son origine basque (AW 127; EDB 189; Azkue 453–4, 588; AT XII 817; FHV 401–2; L 147; Rohlfs 1977 : 39; Entwistle 1936 : 34 ; OEH EZKER).

6.10. Basque **gapaR* 'ronce, roncier'; *kapar* (EB) 'roncier'; dial. *gapar* (BN) 'ronce, plante rampante'; *kapar* (B) 'buisson, ronce'; *khápar* (Z) 'plante épineuse', etc.

Forme dialectale (roman): *gabaro, gawardes, gafarots, gapar, kapar* 'bardane, églantier, tique, haricot vert, ajonc, aubépine' [F (35), Catalogne (50), Andalousie (3), ALF « ajonc » 656, 665, 675, 684, 687, 688, 689, 692, 780 ; « églantier » 506, 509, 517, 519, 606, 607, 608, 610, 611, 612, 614, 615, 624, 692, 731, 733, 744, 750, 752, 753, 760, 762, 763, 764, 773, 776, 782, 784, 785, 786, 790, 793, 795, 797, 819, 911 ; « bardane » 698, 720, 722, 746, 753, 757, 759, 764, 766, 768, 777, 778, 782, 787, 790, 794, 795, 796, 797, 798, 830, 841 ; Andalousie : « majoleto=aubépine » Se100, Se200 ; « escaramujo=églantier » Se301 ; Catalogne : « églantier » 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 31, 43, 45, 50, 51, 52, 58, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 70, 71, 73, 76, 100, 101; « fruit de la gavarra » 2, 5, 6, 7, 8, 10, 18, 24, 25, 71, 100 ;

◊ *k(h)apar* < **gapaR* par assimilation voisée (cf. *parta* < **barta*, ci-dessus) (AW 234; Azkue 480, 621; FHV 296; AT XIII 299; FEW 21, 195a; Hubschmid 1953, 1954; OEH KAPAR; EDB 258; L 157).

6.11. Basque **gaw-hontz* 'hibou, chat-huant'; *gauhontza* (EB) 'hibou' ; dial. *gauontz* (B) 'hibou'; *gabontz* (B) 'chat-huant'.

Forme dialectale (roman): *gaus* 'hibou, chouette' ALF « hibou » 679, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 750, 752, 755, 760 ; « chouette » 697.

◊ FEW cite le béarnais *gaus*, avec une signification un peu changée : 'coucou' (cf. Basque **hontz* 'hibou') (AW 147, 192, 314; FHV 57; AT XXI 983; EDB 311; Azkue 466, 489, 850, 1095; OEH GAU-HONTZ; FEW 21 : 223).

6.12. Basque **gaw-txori*: dial. *gautxori* /*gaučori*/ (B, G) 'oiseau nocturne', (B, G, Sal) '(personne) veilleur de nuit', (B, AN, Azk) *gautxori* 'chauve-souris', *gabatxori* (AN), *gauxori* /*gaušori*/ (BN, L) 'chauve-souris'.

Forme dialectale (roman): *tsutsurittu* < Basque *txori* avec redoublement et suffixe diminutif -*ttu*. AIS « chauve-souris » : 955

AW 147; Azkue 489; AT XIII 334; OEH GAUTXORI; FEW 111–115; REW 8101.

6.13. Basque **gita* 'canard'; dial. *gita* (R) 'canard'.

Forme dialectale (roman): *gita, rito, tiru* 'canneton, canard' ALF « hibou » 679, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 750, 752, 755, 760 ; « chouette » 697.

◊ Azkue 502; AT XIV 668; REW 3768; OEH GITA; FEW 4 : 138.

6.14. Basque **gorosti* 'houx'; *gorosti* (EB) 'houx'; dial. *korosti* (R, Sal), *chorostü* (Z), *korostui* (Azk) 'houx', etc.

Forme dialectale (roman): *golosti* 'faux-acacias, agrifoglio' [Sardaigne (1)]. AIS « faux-acacias » 938, 947, 949, 957, 963 ; « agrifoglio » 938.

◊ L'initiale *k(h)*- < *g*- par assimilation voisée. « Cuenta con claros paralelos sardos: *golóstru, golóst(r)i, colostri* » (AW 163; EDB 209; Azkue 516; OEH GOROSTI; AT XV 825).

6.15. Basque **hari* /**hal-* ‘fil, lin, linge’, etc.; *hari* (EB) id.; dérivées **hali-ko*, **hari-ka*; dial. *haliko* (BN) ‘peloton de fil’, *halliko* (Z), *aliko* (R) id., *harika* (L) ‘débris du lin que l’on espade’, *harika-tu* ‘effiloche, effiler’, *hallika* (Z) ‘enrouler du fil en pelote’; aussi (AN) *arilko*, *ariliko*, (BN, L) *hailgo*, etc.

Forme dialectale (roman): *alikos* ‘chênevière, chènevotte’ [Lot et Garonne (2)].

◊ Les mots romans ne peuvent être expliqués que par le basque. Le latin *ala* n’est pas nécessaire, car l’alternance de type **hari* / **hal-* est bien connue en basque (Azkue 186, 218, 219; L 121, 124; AW 175; EDB 41, 104; FHV 317–8, 207; OEH HARILKO; FEW 21 : 150).

6.16. Basque **huR* ‘noisette’; *ur* (EB), [def.] *urra* ‘noisette’; dial. *hur* (BN, L), *hür* (Z), *ür* (R) ‘noisette’; *urratze* (R) ‘noisetier’; *urretx* (B) id.

Forme dialectale (roman): *urane*, *orane*, *auras* ‘noisetier, noisette’ [F (Sud), Piémont et Ligurie (1), Catalogne (2)]. ALF « noisetier » 675, 684, 685, 691, 699, 812, 815, 816, 847, 857, 866, 868, 877, 878, 879, 950, 972 ; « noisette » 709, 811, 812, 815, 857, 866, 868, 877, 879, 972 ; AIS : « noisette » 140, 160, 161, 170, 254.

◊ Les formes *urane*, *orane* semblent être mélanges de basque **huR* et de roman *abellana* (FD; v. REW 17) (AW 373, 376; Azkue 1097, 1106–7; EDB 225, 358; FHV 52, 80, 334; REW 17; OEH HUR).

6.17. Basque **itil* ‘mare’; dial. *itil* (Bzt) ‘mare’; avec altération: *istil*, *ixtil* (Bzt, AN, BN, L, Z) ‘mare, flaque, boue’.

Forme dialectale (roman): *idilli* ‘mare’ [Sardaigne (1)]. AIS « mare » 967.

◊ (Azkue 590, 592); « Procède sin duda de ‘itili, charco’ en *VocB*. La ref. es, ciertamente dudosa, en un vocabulario por lo demás plagado de errores; quizá se trate de errata por *istil* o alguna de sus variants » (OEH: ITIL). Mais la forme sarde indique l’antiquité de basque *itili*, et les variantes *istil*, *ixtil* ont été refaçonnés d’après le basque **istu* ‘salive, crachat’.

6.18. Basque **laRe* ‘terre inculte, pâturage, jachère’; *larre* (EB) ‘pâturages, prairie’ ; dial. *larre* (L) ‘terres incultes, friche’ ; *lárre* (Z) ‘lande, pâturage’, *larra* (B), etc.

Forme dialectale (roman): *lari* ‘jachère’ [Oïl (1)]. ALF « jachère » 316.

◊ Le latin *Lār* était une divinité du foyer et de la maison: rien à voir avec Bsq **laRe* ‘pâturage, prairie, terre inculte’ excepté une coïncidence de son (AW 256; Azkue 682; EDB 262; FHV 325; AT XIX 316; L 170; OEH LARRE).

6.19. Basque **lohi* ‘boue, saleté’; *lohi* (EB) ‘boue; sale’, *lokatz* (EB) ‘boue, argile’; dial. *lóhi* (Z) ‘boue’; *logi* (Bzt, Sal) ‘boue; sale’; *lokatz(a)* (B, G) ‘bourbier; fumier’, etc.

Forme dialectale (roman): *laka* ‘limon’ [Fr-Prov. (1)]. ALF « limon » 963.

◊ *lokatz* dérivé de **lohi* (Azkue 705–6; AW 268; AT XX 642–3; EDB 269; FHV 88, 206; L 174; OEH LOKATZ).

6.20. Basque **makuR*: *makur* (EB) ‘courbé, tordu, plié; (fig.) mauvais, pervers, faux’, etc.; dial. *mak(h)ur* (AN, B, Bzt, L) ‘pervers’; *mak(h)ur* (AN, BN, L) ‘adversité, contretemps’; *mak(h)ur* (BN, L, Bzt, Sal, R) ‘trompé, erroné’; *mak(h)ur* (AN, L) ‘démêlé, désaccord’; *makur* (Oihenart) ‘bancal’, etc.

Forme dialectale (roman): *magur*, *magorn* ‘maladroit’ [F (Centre-Est: 2)]. ALF « maladroit » 807, 944.

◊ Les significations figuratives sont en accord avec rom. *magan*, *maguant*, etc. (AW 275; Azkue 740; EDB 273; FHV 271; AT XX 661; FEW 22 : 90; OEH MAKUR).

6.21. Basque **maRo* 'bélier': *marro* (EB) 'bélier'; dial. *marro* (AN, BN, L) 'bélier, mouton non châtré'; *mãrro* (Z) 'bélier'; *barro* (R, Sal) 'agnelet d'un an'.

Forme dialectale (roman): *mar-*, *are*, *bar-*, *mauro* 'bélier, truie, bouc, agneau, cordero de un y dos años' [Nord I (25, *maro*, *bar*, *are* en continuité), F (Sud-Ouest: 99), Cantabrie (17), Castille (39), ANR (11)]. ALF « bélier » 630, 635, 638, 641, 643, 645, 648, 649, 650, 653, 656, 657, 658, 662, 664, 665, 667, 668, 669, 672, 674, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 731, 733, 741, 743, 744, 746, 750, 752, 753, 755, 757, 758, 760, 762, 763, 764, 766, 768, 771, 772, 773, 776, 778, 782, 783, 784, 786, 787, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 852 ; « bouc » 674 ; « truie » 699, 722, 724, 733, 741, 743, 744, 746, 752, 753, 755, 764, 771, 783, 790 ; AIS : « bélier » 58, 71, 73, 93, 140, 149, 150, 152, 155, 161, 170, 176, 181, 182, 205, 216, 222, 223, 224, 225, 227, 234, 236, 243, 244; Cantabri : « cordero de 2 años » 307 ; « cordero de 3 años » 307 ; « morueco » 303, 304, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 313, 500, 501, 502, 503, 504, 600, 601.

◊ Bien attesté en roman (AW 279; Azkue 288, 752; AT XX 676; L 178; Rohlfs 1977 : 49; Hubschmid et al. 1959 : 52 ; Corominas; OEH MARRO; REW 5374; FEW 6/1 : 373–5).

6.22. Basque **mar-zuz-(t)a* 'mûre'; *masusta* (EB) 'mûre' ('mulberry, blackberry'); dial. *marzusta* (L) 'mûre', *marzuza* (R), *masusta* (B, G) id.; *masúsa* (Z) 'mûre sauvage', 'fraise', etc.

Forme dialectale (roman): *maduga*, *magiusta*, *mugia*, *muia*, *muita*, *madzufo*, *modjyufu*, *amaufa*, *amajuflo*, *mayucho*, *mayusa*, *maducha*, *maocho*, *mos*, *mus*, *amose*, *mauso*, etc. 'fraise' [F sauf Gascoigne (59), Italie (41)]. ALF « fraise » 509, 511, 513, 514, 519, 611, 705, 706, 708, 709, 710, 711, 714, 719, 794, 795, 796, 797, 798, 806, 808, 810, 811, 812, 813, 815, 817, 818, 822, 824, 826, 827, 829, 830, 833, 836, 837, 838, 840, 841, 842, 847, 849, 857, 869, 882, 889, 899, 908, 920, 921, 931, 950, 972, 980, 982, 990, 991, 992.

AIS « fragola » 22, 71, 73, 116, 117, 128, 138, 152, 159, 181, 182, 218, 223, 231, 234, 242, 243, 246, 249, 256, 258, 261, 263, 265, 267, 270, 271, 273, 274, 275, 284, 285, 290, 313, 401, 412, 413, 615, 616, 664, 772.

◊ Ces mots semblent contenir **mar-/maR-* (cf. **maRuhi* 'fraise') + **-zuz-*, certains aussi avec le suffixe **-ta* [diminutive]. **-rz-* > *-s-* est un changement commun en basque: cf. *urzo* (BN, L) 'pigeon' = *uso* (B, G). Mélangé en roman avec *Majus* (REW) (Azkue 753; L 178; AW 280, 434, 564; REW 5250 ; OEH MASUSTA).

6.23. Basque **memoR*: dial. *memor* (G) 'orgelet, compère-loriot', *mimor* (B) 'orgelet, bouton sur le bord de la paupière'.

Forme dialectale (roman): *mammurgolu* 'orgelet' [Sardaigne (1)]. AIS : « orgelet » 957.

◊ Les preuves sont fragmentaires: cf. *mamor* (Oihenart) 'fragile, léger, friable'? (Azkue 743, 760; AT XX 664; OEH MEMOR).

6.24. Basque **mokuR*: dial. 1. *mukur*, *mokor* (B) 'tronc d'arbre; branches principales d'un arbre'; *múkhür* (Z) 'très grosse bûche'

Forme dialectale (roman): *mukru* 'bûche' (Sardaigne (1)). AIS : « bûche » 937.

◊ Attesté en basque dans l'extrême ouest (B) et l'extrême est (Z), un schéma qui pointe souvent un archaïsme perdu dans les régions centrales. (AT XXI 932; Azkue 774, 782; EDB 276; L 183; OEH MOKOR).

6.25. Basque **ontzi* 'récipient, bateau'; dial. *untzi* (BN, L, Z, Bzt) 'récipient, vase; navire', (Bzt) 'marmite, pot de terre', (BN, L) 'estomac', /úntzi/ (Z) 'récipient; barque, navire'; forme expressive: *ontxi* /onçi/ (AN) 'gobelet, petit vase à eau'.

Forme dialectale (roman): *ensat* ‘pot’ (Catalogne (1)). Catalogne : « atuell de la let » 34 ; AW 314; EDB 311; Azkue 850, 1095; AT XXI 983; FHV 54, 56; L 211; OEH ONTZI.

6.26. Basque **segaiLa* ‘chèvre d’un an’: dial. *segaiilla* (R, Sal), *segeilla*, *segilla* (Z) id.

Forme dialectale (roman): *saccaiü*, *segala*, *segail* ‘capretta, pecora, chevreau d’un an’ [Sardaigne (16), Catalogne (31)]. AIS : « pecora » 949, 963, 967, 968 ; « capretta » 923, 937, 938, 941, 942, 947, 949, 954, 955, 963, 968, 973 ; Catalogne : « chevreau d’un an » 6, 16, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 41, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 75.

◊ Basque dial. *segail* (G, AN) ‘svelte’, *sekail* (BN, L, Z) ‘svelte, bien tourné’ est probablement un homonyme non relié (Azkue 946–7; EDB 338; FHV 233; OEH SEGAIL).

6.27. Basque **su(g)andere* (Mitxelena) ‘lézard’; **suge-lindara* (JDB): *sugandila* (EB) ‘wall lizard’; dial. *sugalindara* (B), *sugelindara* (B, G), *sugelandara* (B) *sugalinda* (G), *sugelinda* (B), *sugandela* (BN, Sal), *sugandilla* (AN, G), *suangilla* (B, G, AN), *surangilla* (G), *sagundilla* (B), *sugekandela* (L), *süskhāndé(r)a* (Z), etc.

Forme dialectale (roman): *sug-*, *salagartija*, *sangaleta*, *sangusola*, *saligets*, *sangwedilla*, *sankaline*, etc. ‘lézard gris, lézard, salamandre, orvet’ [Castille (1), Andalousie (4), ANR (122), Catalogne (101), Gascogne (3), I (Nord-Est: 3, Sud: 4, Sardaigne: 10)]. ALF « lézard » 643, 645, 650, 656, 664, 676, 685, 686, 692, 693, 772, 783, 784, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798 ; « orvet » 672, 674, 680 ; « salamandre » 665 ; AIS : « lézard » 311, 327, 352, 742, 744, 745, 752, 916, 937, 938, 941, 942, 949, 954, 955, 957, 968, ; Andalousie : « lézard gris » Se307, Se310, Se500, Se501 ; Catalogne : « lézard » 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 100, 101, 102, 103, 104.

◊ Il y a beaucoup de variantes même en basque. A part les éléments **suge* ‘serpent’ and **andere* ‘dame, demoiselle’ (ou **lindara* « lézard »?), certaines formes basques pourraient être influencées par **sagu* ‘souris’, **suskeR* ‘lézard’, and **kandela* ‘chandelle’ (< Lat.); et certaines formes romanes semblent être influencés par / ou mélangés avec Lat. *lacerta*, *salamandra*, *sanguisuga* (AW 351; L 204; FHV 259; EDB 342; Azkue 964–966; Rohlf 1977; FEW 21 : 259–60; OEH SUGANDILA; REW 4821, 7525, 7575).

6.28. Basque **txori* /čori/ / **txol-* /čol/ ‘oiseau’; *txori* (EB) ‘oiseau’; *txolarre* (EB) ‘moineau’; dial. *txóri* (Z-arc) ‘oiseau’ > *txói* (Z), *xori* (AN, BN, L) id.; *txoloma* (G, AN) ‘pigeon’; *txolarre* (Bzt, R) ‘traquenard pour prendre des oiseaux’, etc.

Forme dialectale (roman): *txu-*, *chur-*, *tsur-*, *txir*, *djur* ‘fauvette, roitelet, chauve-souris, hirondelle’. ALF « fauvette » 687 ; « hirondelle » 709, 719, 737, 758, 759, 768, 778, 779, 811, 851, 861, 862, 871.

◊ Des composés avec *arre* ‘gris, brun’, *arte* ‘piège, lacet’. Ce mot basque montre les alternances communes -r-/l-, par exemple dans des mots composés comme *txol-arre*, *txol-arte*, *txol-oma* (REW 6181; AW 368; EDB 377; FHV 180, 188, 191; Azkue 986, 1065–6; OEH TXORI, TXOLARRE).

6.29. Basque **zuza* / **ziza* ‘champignon, mousseron’; *ziza* (EB) ‘champignon’; dial. *zuza* (B, G) ‘champignon de printemps, de qualité supérieure’; *susa* (B); *ziza* (B, G, BN, Bzt, Sal, R) ‘mousseron, le plus estimé de tous les champignons’; *sis*a (AN); *xixa* /šiša/ (BN, G) ‘mousseron, champignon des plus délicats’; ? *txuxaka* /čušaka/ (G) ‘fagot de menu bois’; *txuxaga* /čušaga/ (B) ‘perche servant à remuer la cendre dans la chaufour’.

Forme dialectale (roman): *chusa* ‘cep’ ALF « cep » 710.

◇ Signification 'cep' < 'tige (du champignon) ou bolet'? (Azkue 983, 1071, 1185, 1212; OEH ZIZA, TXUXAGA; AW 400).

Nous constatons qu'il y a des mots commençant par *m-*, en contradiction avec les affirmations de Trask et Michelena, qui ne sont pas partagées par tous les bascologues.

7. Génétique des populations de ces régions

Nous avons choisi par la force des choses l'école « moléculaire » dominante en génétique des populations (Forster et al. 2001), suivie déjà par le « pape » de la génétique des populations, L.L. Cavalli-Sforza, qui nous a soutenu. Nous citons Forster :

Two radically different approaches are currently popular in the endeavor to reconstruct human prehistory by means of molecular genetics (Pritchard and Feldman 1996; Risch, Kidd, and Tishkoff 1996; Stumpf and Goldstein 2001). There are those geneticists who set out from the DNA molecule as the basic unit of investigation (Forster et al. 1996; Torroni et al. 1998; Quintana-Murci et al. 1999; Richards et al. 2000), and there are those who set out from a (suitably defined) population as the basic unit (e.g., Relethford and Jorde 1999). Both approaches then attempt to reconstruct the prehistory of their respective units, delivering results which are not intended to be comparable (Harpending et al. 1998). For example, an increase in one type of molecule does not necessarily entail a net increase of humans in the « population ». While the molecular approach aspires to reconstruct the evolution of a genetic locus with the long-term aim of assembling many independent locus histories into a history of (human) evolution (Templeton 1998), the population approach attempts to take a short cut by implicitly or explicitly postulating a complete population model which is then tested on the basis of the data. (Forster et al. 2001)

L'influence génétique principale dans l'aire géographique qui nous intéresse est similaire à ce qui prévaut pour le Pays basque. Des généticiens contemporains ont réalisé des cartes d'Europe de l'extension de gènes très courants et similaires aux gènes présents au Pays basque (voir carte du mtDNA H1 et H3, figure 6, et de la description de la carte du chromosome Y S116 ci-dessous).

Cependant la génétique évolue très vite, et nous ne présenterons ici que des cartes de génétique récentes. Le lien entre génétique et linguistique chez les Basques a été récemment mis en avant dans un article paru dans la revue « Pour la Science » de septembre 2002 (Hamel & Forster 2002).

Nous avons vu que les généticiens étudient depuis longtemps la particularité génétique basque. Il y a des sommes récentes dans les thèses de K.L. Young (2009) et de Mari Järve (2007). Depuis une dizaine d'années, les données sont devenues plus précises et les gènes les plus courants en Ouest-Europe sont :

a) les ADN propres aux femmes (mtDNA) H1 et H3 datés du mésolithique ou du paléolithique, qui montrent que par les femmes, nous descendons de très anciens pré-basques : les haplotypes (mutations spécifiques) H1 et H3 sont aussi courants au Pays basque, et « centrés » approximativement sur cette région. On peut trouver les cartes du H1 et du H3 sur la figure 6.

b) l'haplotype S116 du chromosome Y (qui ne se transmet que par les hommes) est représenté dans Myres 2010: La carte des isolignes de S116, haplotype (mutation particulière) le plus courant en Europe de l'Ouest montre une présence forte en Espagne, France, Royaume Uni, Irlande, une présence moins forte en Corse et Sardaigne, au Nord de l'Italie, au Bénélux, en Allemagne occidentale, en Norvège occidentale, et montre une présence faible jusqu'à une

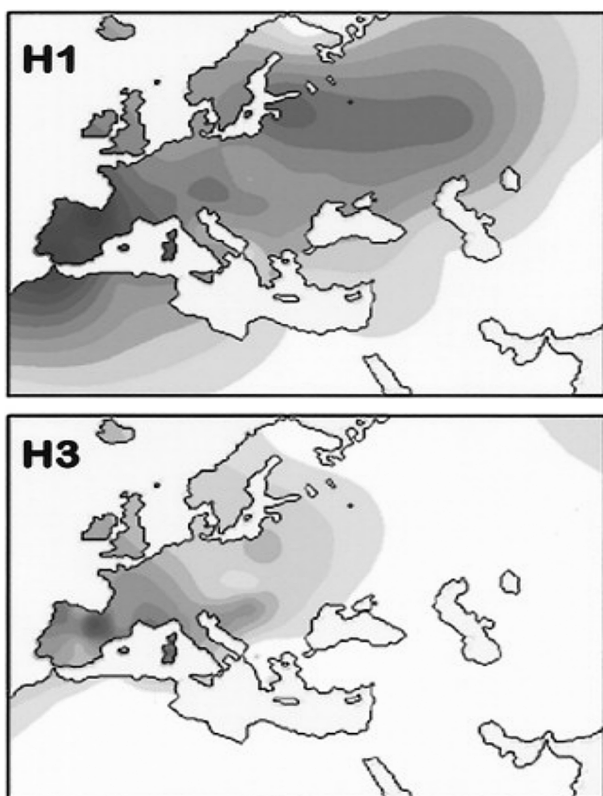

Figure 6. De H1 et H3, les mtDNA (gènes hérités de la mère) les plus fréquents en Europe de l'Ouest, avec l'autorisation du professeur Torroni (Achilli 2004).

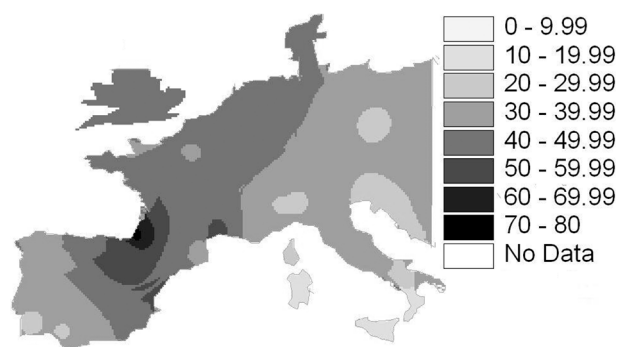

Figure 7. Répartition de l'haplotype XV du chromosome Y (Taq1, différente partie du gène), similaire à S116, bien que peut-être plus ancien (G. Lucotte et F. Dieterlen, résultats non publiés).

ligne verticale partant de la Suède occidentale, passant en Pologne occidentale, jusqu'aux Balkans. Le S116 date de la fin du néolithique et semble montrer une migration assez récente de « Basques » (populations de la région basque au sens large) en Europe de l'Ouest il y a environ 5000 ans. Notons que le néolithique (l'agriculture) s'est propagé graduellement du Sud et de l'Est et que sa date d'installation dépend des régions.

La figure 7 montre la présence de l'haplotype XV pour une autre portion du chromosome Y, et cette mutation est probablement un peu antérieure à celle du S116, mais son aire lui ressemble.

Le territoire couvert par ces gènes est à peu près similaire à celui défini dans l'introduction, sauf qu'il contient aussi le Royaume Uni et l'Irlande. Cela confirmerait que les Pictes furent des cousins des Basques, comme le prétendaient Guiter (1968) et Cowan (1984), mais nous ne nous aventurerons pas dans cette direction. Nous n'avons pas pu étudier les éventuels mots basques dans les patois de ces régions. Notons cependant que gauche se dit *skerr* dans certaines régions d'Ecosse, et que ce mot peut difficilement venir du celtique *Caer*, cela pourrait plutôt être le contraire : le /s/- initial peut avoir disparu, mais difficilement apparaître. De plus, *skerr* peut difficilement venir de l'IE **sewyo-*.

Note rajoutée en 2016. Récemment, la génétique des populations de l'Europe de l'Ouest a beaucoup évolué : les techniques de séquençage massives ont permis d'étudier des génomes complets de squelettes anciens, depuis le paléolithique. Les résultats sont encore peu nombreux, donc on ne peut encore faire de statistiques. Des études sur des squelettes provenant des steppes ont confirmé l'origine kurgane des Indo-Européens, porteurs de l'haplogroupe R1a chez le peuple (qui a essaimé en Europe de l'Est) et du R1b chez les élites. On ne tiendra pas de conclusion sur ce dernier haplogroupe très présent actuellement en Eu-

rope de l'Ouest, les recherches étant encore en cours, mais on pense que l'origine de R est en Sibérie, alors que celle du H est au Proche Orient. Enfin, on sait que les Sardes ont été très influencés au néolithique, mais le lien avec M26 n'est pas encore fait.

8. Discussion

La génétique semble en contradiction avec Trask (1997) qui pensait que l'Europe pré-indo-européenne était une mosaïque de peuples. A notre avis, c'est vrai en ce qui concerne les élites, mais le peuple, majoritaire, portait les gènes qui seraient transmis jusqu'à nos jours (avec des changements de nature génétique), et était cousin des Basques en général (Young 2009, Järve 2007).

Remarquons que la liste de mots est différente de la liste de Swadesh, composée de 100 (ou 200) mots courants. Les seuls mots communs entre notre liste et celle de Swadesh, sont (en excluant la Navarre qui présente tous les mots) : *bizkar* (dos), *ezker* (gauche) et *suge* (serpent).

On découvre un vide dans la figure 5 dans la partie centre-nord de l'Italie et la Corse du nord (si *sapara* est considéré comme un reliquat basque), où était parlé l'étrusque entre autres.

On ne trouve pas de mots basques dans une partie de la Castille et de l'Andalousie, cette dernière occupée par les Tartessiens puis les Arabes et les Berbères. La présence de mots dans le Sud de l'Andalousie n'est pas étonnante, car il y avait une ville du nom d'*Illiberri* en Andalousie et ailleurs en Espagne, ce qui « irritait » Allières. Cf. Basque *hiri berri* 'nouvelle ville', et de nombreux noms de lieux Basque comme *Hiriberri*, *Uribarri*, *Ulibarri* (FHV 74; EDB 229).

La toponymie fournit beaucoup d'autres noms basques (Corominas entre autres, 1976). Il y avait aussi une divinité basque à Narbonne (de Barandiaran 1993).

Il y a très peu de mots basques dans le Nord de la France (Il semble que la langue basque y ait été supplantée par le celte puis le german, mélangés au latin). Notre recherche semble montrer que les substrats disparaissent plus quand de multiples adstrats prennent le dessus.

Les cartes de génétique montrent une ancienne présence basque au Nord de l'Italie, mais celle-ci s'est considérablement rétrécie sur le plan linguistique, probablement à cause de la présence des Celtes dont on sait qu'ils ont celtisé la langue ligur. Cette dernière devait être cousine du basque avant l'arrivée des Celtes. L'extrême sud de l'Italie et la Sicile ont été envahis par beaucoup de peuples, ce qui peut expliquer la rareté en mots basques.

Le domaine d'oïl a gardé quelques mots, surtout dans sa partie Sud, comme le franco-provençal, alors que le domaine d'Oc a gardé beaucoup de mots, 9 aux points 692 (Pyrénées) et 746, et 11 en un point du Roussillon.

Même situation pour la Cantabrie, la Catalogne (le nombre de mots décroît quand on se déplace vers le Sud), l'Aragon, la Rioja, la Navarre et la Sardaigne.

L'Andalousie et la Castille n'ont gardé que peu de mots basques : *gapar* (aubépine, églantier), *barde* (aubépine, buisson), et des dérivés de *suge* (lézard), mais assez répandus.

Il reste 4 mots au Tessin, aux Grisons et dans tout le Nord de l'Italie : *magiusta* pour fraise, *marro* pour bélier, *urane* pour noisette, et des variantes de *suge* pour lézard. Ainsi, le village de Canzo, au Nord de Milan, a gardé fraise et bélier, et Forni di Sotto dans le Nord-Est n'a gardé que serpent.

La partie centrale et le Sud de l'Italie, ainsi que la Sicile, sont pauvres en mots : *magiusta* pour fraise et des variantes de *suge* pour lézard. La Sardaigne a en particulier gardé jusqu'à 4 mots en une localité (voir carte 5).

On remarque que certaines formes dialectales sont des formes plus anciennes que le basque actuel. Ainsi limon se dit *loki* au lieu de *lohi*. Il est bien connu que *k* est devenu *h* dans quelques mots basques (Michelena 1961 : 250–251).

Figure 8. Au moins 1 mot basque actuellement (en noir), correspondant à un territoire où l'on parlait basque (dans le peuple, les paysans, pas toujours dans les élites) à une époque reculée, approximativement l'an -300.

Figure 9. Au moins 3 mots dans les dialectes actuels (XXème siècle), correspondant à l'occupation basque vers plus 500, très approximativement.

Figure 10. Au moins 6 mots basques, correspondant très approximativement à la présence de la langue basque vers la fin du Moyen Age.

La concordance entre linguistique et génétique (et autres disciplines citées), ainsi que l'étendue laissent penser que l'influence basque est ancienne et non récente, comme elle aurait pu être due à des éleveurs basques allant jusqu'en Italie méridionale et influençant durablement la langue dans de nombreux petits villages. L'existence de formes archaïques est une raison de plus de penser que cette implantation est ancienne.

9. Essai de chronologie

Nous avons essayé de faire une chronologie approximative de la présence de la langue basque dans notre territoire, sans faire de calcul de glottochronologie, la région ayant été envahie plusieurs fois et ayant eu des taux de remplacements de mots variables. La décroissance des mots basques dans différentes localités ne s'est donc probablement pas faite suivant une exponentielle décroissante, mais suivant des courbes plus compliquées.

Nous nous basons sur une hypothèse approximative, à savoir que les territoires limités par un certain nombre minimum de mots actuellement (nous prendrons les territoires où il y a au minimum 1, 3, 6 mots restant actuellement) correspondent à des territoires où l'on parlait basque à certaines époques reculées. Ainsi, au moins 1 mot basque restant actuellement (sur un grand territoire) correspond à une époque très reculée où le basque était parlé sur un grand

territoire, 3 mots à une époque plus récente où le basque avait rétréci et 6 mots à une époque encore plus récente où le basque n'était plus parlé que dans de rares régions.

La figure 8 montre la carte représentant la présence d'au moins un mot actuellement.

Nous estimons qu'elle correspond approximativement à l'occupation de la langue basque vers moins 300. Nous citons ci-après les raisons qui nous font faire cette conclusion :

Au siècles 1–3 après J.C., le basque était parlé jusqu'au Val d'Aran et au fleuve Ebre (Gorochategui). Selon Strabon, Pline et Pomponio Mela, le basque était parlé dans l'Antiquité en Rioja, et des parties de Burgos. Mais le latin a commencé à pénétrer l'Espagne que vers moins 200. Selon Kondaira.net, le basque était parlé jusqu'en Catalogne au 3ème siècle avant J.C.

La carte ne peut pas correspondre, dans certains endroits, à la langue parlée par l'élite : en effet, l'élite du Sud-Est de la France était Celte vers moins 300, et l'élite de la Catalogne était Ibère. Pour ce dernier cas, on peut penser que l'ibère a pris de nombreux mots, étant donné tous les mots ressemblant au basque en ibère (voir Orpustan par exemple).

L'influence du basque en espagnol n'est pas seulement due à la Reconquista, mais également causée par le substrat ancien (Corominas 1976) : l'espagnol a peut-être emprunté certains mots basques pendant la Reconquista, mais nous pensons que ce n'est pas le cas en général pour les dialectes, et que des mots basques en espagnol font partie du substrat. Strabon ne disait-il pas qu'il n'y avait qu'une langue en Espagne (Echenique 1987) ?

La figure 9 montre la carte représentant la présence d'au moins 3 mots actuellement.

Nous estimons qu'elle correspond à l'occupation de la langue basque à environ 500 après J.C. En effet, on sait qu'à cette époque, on parlait encore l'aquitain en Gascogne, et l'aquitain est basque, de nombreux vestiges le montrent. Les témoignages de l'aquitain sont : épigraphie en basque, anthroponymes dans des textes en latin et médiévaux, et les toponymes. Au début de notre ère, le Basque était parlé dans les Pyrénées (Ugalde 1977; Lacarra-Andrinua 1998). Vers 800, Hall (1976 : 108) avance que le peuple parlait basque dans les Pyrénées et jusqu'à Burgos, et jusqu'à la Garonne. Selon Kondaira.net, le basque était parlé jusqu'à Soria au 3ème siècle de notre ère. Grégoire de Tours parle de « langue gauloise » encore présente, sans plus de détails, en plus 500.

La carte est limitée à la Gascogne à l'est, s'étend jusqu'au Languedoc à l'ouest, avec quelques territoires isolés dans les Alpes, et s'étend de la Navarre jusqu'en Catalogne au Sud, avec 2 territoires bascophones en Sardaigne, dans le Nuorese et un peu plus au Sud. Cette carte ressemble à la carte montrée par Elisabeth Hamel dans son livre « Das Werden der Völker in Europa », p. 188, citant « Altuna, Jesus (1996): *Ekain und Altxerri*. Sigmaringen: Thorbecke, page 20, image 4 ».

La figure 10 montre la carte représentant la présence d'au moins 6 mots actuellement. Nous estimons qu'elle correspond à l'occupation de la langue basque à environ 1400 après J.C.

En effet, la présence de la langue basque « aquitaine » en Gascogne au Moyen Age est prouvée par Gorochategui. Il reste des toponymes, des anthroponymes et des phrases intercalées dans des textes en roman ou latin, par exemple le Raja de San Millan (1025). La carte figurée dans « l'histoire des Basques » et reprise chez Fernando Sarrailh de Ihartza « Vasconia » va de Santander à Toulouse, et de Bordeaux à Soria. Elle correspond à peu près au royaume de Sanche le Grand.

Le basque était parlé en 1030 jusqu'aux provinces de Rioja, Burgos, Huesca et Lerida (Lacarra, Corominas). Selon Kondaira.net, le basque était parlé au XIIème siècle jusqu'en Rioja et au milieu de la Cantabrie.

De ces renseignements, on peut penser que la carte, où il n'y a plus de langue basque en Gascogne (sauf quelques localités dans les Pyrénées) ni en Cantabrie, représente l'état de la langue nettement plus tard que vers l'an 1000, à la fin du Moyen Age. On constate qu'à

l'époque où il ne restait que ces territoires, on parlait basque en Navarre, plus loin le long des contreforts des Pyrénées espagnoles, en Catalogne du Nord, et dans un petit territoire en Languedoc, ce qui est à noter.

Ces cartes soulèvent des hypothèses :

Figure 8 : à l'époque de l'arrivée des Romains en Espagne, la carte montre qu'en Catalogne l'ibère s'était mélangé avec le basque probablement pré-existant, ce qui explique les débats sur la relation de parenté entre ces 2 langues. En France, la langue autochtone dénommée « gauloise » plus tard par Jules César était probablement un mélange de basque et de celte, au moins dans la partie Sud de la France. En effet, les mots des dialectes d'origine basque et celte sont présents en quantités comparables (nous n'avons pas mis tous les mots basques, pensons-nous) dans le sud de la France au XXème siècle. Nous avons réalisé le graphique des mots celtes et basques le long des coordonnées de l'ALF (non publié ici) : Il y a plus de mots celtes que de mots basques au Nord et au Sud-Est. Dans le Sud-Ouest, les 2 sont à peu près complémentaires. Les maxima de l'un correspondent souvent à des minima relatifs de l'autre.

Les élites parlaient celte, le peuple devait conserver une bonne quantité de mots basques. Il en restait des traces de basque aussi dans le Nord de la Région Pays de la Loire.

La figure 5 montre qu'il restait des traces de basque dans le Nord de l'Italie, en Lombardie et très peu au Nord-est. La région a dû être plus celtisée et latinisée que le Sud de la France, ce qui paraît normal pour l'Italie du Nord.

Plus étonnante, quand on voit les cartes de génétique, est la présence de basque dans le Sud de l'Italie. Par contre, la présence de basque en Sardaigne n'est pas étonnante, étant donné les gènes majoritaires venant du Pays basque et le grand isolement de cette île au cours de l'histoire. La Sardaigne a été peuplée au mésolithique, et est caractérisée par l'haplotype M26 (aussi appelé I1b2) propre au Pays basque. Cet haplotype n'est plus très représenté au Pays basque (Rootsi 2004), mais est très présent en Sardaigne et un peu sur le continent près de la Sardaigne.

En Espagne, la comparaison avec les cartes génétiques montre que les Ibères n'ont pas vraiment « débasquisé » la Catalogne et la Navarre, mais que les Celtibères et les Tartessiens ont probablement fait régresser le basque dans une partie de la péninsule.

10. Conclusion

Nous avons vu que la génétique donnait un indice d'une occupation territoriale du peuple basque plus importante autrefois que maintenant. Nous avons aussi relevé que les mots basques de la Navarre qui se prolongent loin de la Navarre, de même pour la Gascogne.

Les cartes présentées mettent en évidence des mots courants en basque qui se retrouvent loin du Pays basque, pour lesquels il existe une racine basque proche et pour lesquels il n'y a pas de racine indo-européenne et non catégorisables comme soit-disant « expressifs ». Dès lors la question de l'étendue (plus vaste que communément admise) de la présence basque sur le continent ne devient-elle pas légitime ?

Cet article ne nous permet pas de conclure à la position extrême de Tovar (1955) selon qui les Basques étaient étendus (à la préhistoire on peut supposer, il ne le dit pas) jusqu'au centre et au Nord de l'Eurasie. Il serait néanmoins intéressant de prolonger cette étude vers l'Est et le Nord, plutôt par la toponymie, car la probabilité de trouver des mots basques dans les dialectes est plus faible.

La carte de tous les mots montre entre autres que les paysans du Languedoc parlaient encore basque à peu près à la même époque où les gascons parlaient encore basque, ce qui n'avait été relevé que par Lafon à notre connaissance, voir la carte ci-dessous (figure 11) :

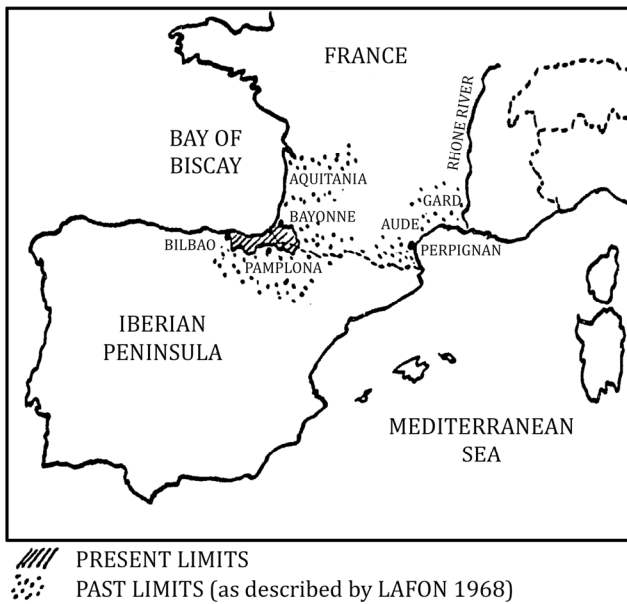

Figure 11. Carte de l'ancienne extension du basque sur les indications de Lafon (1968) ; carte d'après Urreiztieta-Rivera (1980), avec sa permission.

Les cartes chronologiques montrent les présences approximatives du basque à différentes époques, d'avant la romanisation jusqu'à nos jours (nous n'avons pas mis de carte des lieux où le basque est parlé actuellement, on en trouve partout. Le scénario envisagé consiste en la présence de la langue basque avant l'arrivée des Celtes, puis celtisation (pour la France et le Nord de l'Italie et de l'Espagne, présence des Ibères, Tartessiens, Etrusques, et Grecs ailleurs) des élites dans certaines régions avant celle du peuple, puis latinisation des élites avant celle du peuple.

Les cartes de génétique indiquent l'ancienneté de cette présence par la datation approximative des mutations, entre le mésolithique pour la ligne féminine à la fin du néolithique pour la lignée masculine selon les résultats récents. On peut en déduire qu'une partie des hommes du néolithique en Europe de l'Ouest avaient probablement une langue avec des similarités avec le basque, et que les Cro-Magnons parlaient peut-être l'ancêtre de cette langue.

Nous avons retrouvé l'aire bascofone dans le Languedoc correspondant aux $v > b$ et déjà postulée par Henschel en 1917.

Nous avons pu vérifier que certains dialectes avaient perduré jusqu'à présent en sondant de vieux patoisants dans différentes régions de l'ALF, cependant les patois sont bien mieux préservés en Italie et en Espagne qu'en France. Ces personnes qui parlent le dialecte depuis leur enfance (créant un lien avec un passé millénaire) témoignent aussi d'une manière de penser différente lorsqu'ils le parlent.

Il semble ainsi que la particularité basque réside aussi dans la mentalité, ce qui est sans doute pertinent pour d'autres langues (Vennemann 2010 : 281–283). De même, elle peut être liée à des phénomènes sociologiques tels que les structures familiales (Sagart et Todd 1992).

L'Atlas des dialectes d'Europe ALE permettra de trouver des phénomènes non seulement linguistiques, mais aussi des témoignages des mentalités héritées des passés lointains (par exemple, parmi les différentes façons de dire « arc-en-ciel » du Portugal au Caucase, il pourrait y en avoir qui remontent à la préhistoire comme certains mythes aussi).

On pourra aussi étudier les mots pré-indo-européens non basques (voir le paragraphe 1) et voir s'ils font partie d'une autre couche de langue(s) ou s'ils sont des mots archaïques basques disparus du basque actuel.

La suite de ce travail consistera en l'étude phonétique (fermeture des /o/) des mêmes régions, qui donne des territoires (peut-être) basques plus étendus, la phonétique étant plus conservatrice que le lexique.

Abréviations des dialectes basques et romans

AN	alto-navarro = haut-navarrais	G	guipuscoan
arc	archaïque	L	labourdin
Azk	aezcoan	R	roncalais
B	biscaïen	Sal	salazarien
BN	bas-navarrais	Z	zuberera = souletin
Bzt	baztanais	ANR	Aragon, Navarre et Rioja

Abréviations des références

AT	Agud et Tovar (1988–1995)	L	Larrasquet (1939)
AW	Aulestia et White (1992)	OEH	Orotariko Euskal Hiztegia (Michelena 1987)
EDB	Etymological dictionary of Basque (Trask 2008)	Oihenart	Arnaut Oihenart (17 th c. Bsq writer, cited often by Azkue)
FEW	Französisches etymologisches Wörterbuch	REW	Romanisches etymologisches Wörterbuch (Meyer-Lübke 1911)
FHV	Fonética histórica vasca = Michelena (1961)	VocB	Vocabulario baztanés (Irigoyen 1962)
HTP	Thesaurus Preromanicus (Hubschmid 1963)		

Références

- Achilli et al. 2004 — A. Achilli, C. Rengo, C. Magri, V. Battaglia, A. Olivieri et al. The Molecular Dissection Of MtDNA Haplogroup H Confirms That the Franco-Cantabrian Glacial Refuge Was a Major Source for the European Gene Pool. *American Journal of Human Genetics* 75.5 : 910–918.
- Agud & Tovar 1988–1995 — M. Agud & A. Tovar. *Materiales para un diccionario etimológico de la lengua vasca*. Publié en fascicules dans: *Anuario del Seminario de Filología Vasca « Julio de Urquijo »* 1988–1995.
- Allières 1973 — J. Allières. Basque et latin vulgaire. *Fontes Linguae Vasconum : Studia et documenta* 5.15 : 355–368.
- Allières 1977 — J. Allières. *Les Basques (Que sais-je ?, n° 1668)*. PUF, Paris.
- Allières 1978 — J. Allières. Le traitement gascon des proparoxytons latins et le phonétisme basque. *Revue de Linguistique Romane* 42.165–166 : 68–74.
- Allières 1986 — J. Allières. La conservation des sonantes géminées latines -ll- et -nn- dans le parler de Bielsa (Haut-Aragon) : essai d'interprétation ». In *Variation linguistique dans l'espace. Actes du xviie Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes (Aix-en-Provence, 29 août — 3 septembre 1983)*, Vol. 6 : 95–101.
- Alvar 1973 — M. Alvar. *Atlas lingüístico y etnográfico de Andalucía (ALEA)*. Universidad de Granada.
- Alvar 1979 — M. Alvar. *Atlas lingüístico y etnográfico de Aragón, Navarra y Rioja (ALEANR)*. Institución Fernando el Católico.
- Alvar 1995 — M. Alvar. *Atlas lingüístico y etnográfico de Cantabria*. Arco Libros, Madrid.
- Alvar 1999 — M. Alvar. *Atlas lingüístico de Castilla y León*. Junta de Castilla y León.
- Anttila 1972 — R. Anttila. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. Macmillan, New York.
- Aulestia & White 1992 — G. Aulestia & L. White. *Basque-English English-Basque Dictionary*. University of Nevada Press, Reno.
- Azkue 1905–1906 — R. M. de Azkue. *Diccionario vasco-español-francés / Dictionnaire basque-espagnol-français*. L'auteur, Paul Geuthner, Bilbao, Paris.
- Baldinger 1958 — K. Baldinger. La position du gascon entre la Galloromania et l'Ibéroromania. *Revue de Linguistique Romane* 22 : 241–292.
- Battisti 1968 — C. Battisti & G. Alessio. *Dizionario etimologico italiano*. G. Barbèra Editore.
- Bengtson 2009 — J. D. Bengtson. Basque and the Other Mediterranean Languages. *Mother Tongue* 14 : 157–175.
- Bengtson 2011 — J. D. Bengtson. The Basque Language: History and Origin. *International Journal of Modern Anthropology* 4 : 43–59.
- Bengtson 2015 — J. D. Bengtson. *Basque Etymology Database*. TOB/EHL. <http://starling.rinet.ru/>.
- Bertoldi 1953 — V. Bertoldi. Contatti e conflitti di lingue nell'antico Mediterraneo. *La parola del Passato* (Naples), 33.

- Blasco Ferrer 2010 — Blasco Ferrer. *Paleosardo: le radici linguistiche della Sardegna neolitica*. De Gruyter Mouton.
- Bottiglioni 1935 — G. Bottiglioni. *Atlante linguistico etnografico italiano della Corsica*. STID, Pisa.
- Busby et al. 2012 — G. B. J. Busby, F. Brisighelli, P. Sánchez-Diz, E. Ramos-Luis, C. Martinez-Cadenas, M. G. Thomas, D. G. Bradley, L. Gusmão, B. Winney, W. Bodmer, M. Vennemann. The peopling of Europe and the cautionary tale of Y chromosome lineage R-M269. *Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences* 279.1730 : 884–892.
- Cavalli-Sforza 1988 — L. L. Cavalli-Sforza. The Basque population and the ancient migrations in Europe. *Munibe (Antropologia y Arqueologia)* Supp. 6 : 129–137.
- Cavalli-Sforza 2001 — L. L. Cavalli-Sforza. *Genes, peoples, and languages*. University of California Press, Berkeley.
- Caro-Baroja 2003 — J. Caro-Baroja. *Los pueblos de España*. Alianza Editorial, Madrid.
- Corominas 1976 — J. Corominas. Elementos prelatinos en las lenguas romances hispánicas. *Actas del I Coloquio sobre lenguas y culturas prerromanas de la Península Ibérica (Salamanca, 27–31 mayo 1974)*. Salamanca: Universidad : 87–164.
- Cowan 1984 — H. K. J. Cowan. The Affinities of non-Celtic Pictish. *Leuvense Bijdragen Louvain* 73.4 : 433–488.
- Dalbera-Stefanaggi et al. 2007 — M.-J. Dalbera-Stefanaggi, R. Miniconi, M. Poli. *Nouvel Atlas Linguistique et Ethnographique de la Corse*. Éditions Alain Piazzola, Ajaccio, Éditions CTHS, Paris.
- Darlington 1947 — C. D. Darlington. The genetic component of language. *Heredity* 1 : 269–286.
- de Barandiarán 1993 — J. M. de Barandiarán. *Dictionnaire illustré de mythologie basque*. Elkar, La Mascara.
- De Beer 1965 — G. De Beer. *Genetics and prehistory. The Rede Lecture*. CUP Archive, Cambridge.
- Devoto 1961 — G. Devoto. *Le fasi della linguistica mediterranea 2*.
- Echenique 1987 — T. Echenique Elizondo. *História lingüística vasco-románica*. Paraninfo, Madrid.
- Entwistle 1936 — W. J. Entwistle. *The Spanish language, together with Portuguese, Catalan and Basque*. Faber & Faber, London.
- Forster et al. 2001 — P. Forster, A. Torroni, C. Renfrew, A. Röhl. Phylogenetic Star Contraction Applied to Asian and Papuan mtDNA Evolution. *Molecular Biology and Evolution* 18.10 : 1864–1881.
- Gilliéron et al. 1908 — J. Gilliéron, E. Edmont. *Atlas linguistique de France*. Edouard Champion, Paris, 1908–1920.
- Gimbutas 1973 — M. Gimbutas. The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500–2500 B.C. *Journal of Indo European Studies* 1.1–2 : 1–20.
- Gorrochategui 1995 — J. Gorrochategui Hurraca. The Basque language and its neighbours in Antiquity. In: *Towards a History of the Basque Language*. Ed. by J. I. Hualde, J. A. Lakarra, R. L. Trask. John Benjamins, Amsterdam.
- Griera et al. 1964 — A. Griera, A. Plavedall. *Atlas lingüístic de Catalunya*. Institut d'estudis catalans, Barcelona.
- Guiter 1968 — H. Guiter. La langue des Pictes. *Boletín de la Real Sociedad Vascongada* 24 : 281–321.
- Guiter 1973 — H. Guiter. Atlas et frontières linguistiques. In: *Les dialectes romans de France à la lumière des atlas régionaux: Strasbourg, 24–28 mai 1971*. Ed. by G. Straka & P. Gardette. Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, Paris : 61–109.
- Guiter 1985 — H. Guiter. *En torno al Aragón histórico: El substrato cántabro-pirenaico*. Institución Fernando el Católico.
- Haldane 1940 — J. B. S. Haldane. The blood group frequencies of European people, and racial origins. *Human Biology* 12.4 : 457–480.
- Hamel & Forster 2002 — E. Hamel, P. Forster. L'épopée du génome basque. *Pour la Science* 299 : 30–33.
- Hamel & Vennemann 2002 — E. Hamel, T. Vennemann. Le vascon, première langue d'Europe. *Pour la Science* 299 : 24–28.
- Holmer 1950 — N. M. Holmer. Las relaciones vasco-celtas desde el punto de vista lingüístico. *Boletín de la Real Sociedad Vascongada de Amigos del País* 6.4 : 399–415.
- Hubschmid 1953 — J. Hubschmid. *Sardische Studien*. A. Francke, Bern.
- Hubschmid 1954 — J. Hubschmid. Pyrenäenwörter vorromanischen Ursprungs und das vorromanische Substrat der Alpen. *Acta Salmanticensia. Filosofía y Letras* 7.2. Universidad de Salamanca.
- Hubschmid 1963 — J. Hubschmid. *Thesaurus Praeromanicus* 1. Francke, Bern.
- Hubschmid 1965 — J. Hubschmid. *Thesaurus Praeromanicus* 2. Francke, Bern.
- Hubschmid et al. 1959 — J. Hubschmid, A.LI. Maldonado de Guevara. *Lenguas prerromanas no indoeuropeas: testimonios románicos*. Consejo superior de investigaciones científicas, Madrid.
- Irigoyen 1962 — A. Irigoyen. Vocabulario baztanés de Juan Bautista Gorosurreta (1845–1923). *Euskera* 1962 : 135–193.

- Jaberg & Jud 1928–1940 — K. Jaberg, J. Jud. *Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz*. Ringier, Zofingen.
- Järve 2007 — M. Järve. *Different genetic perspectives on human history in Europe and the Caucasus: the stories told by uniparental and autosomal markers*. PhD thesis. University of Tartu.
- Jungemann 1955 — F. H. Jungemann. *La teoría del sustrato y los dialectos hispano-romances y gascones*. Editorial Gredos, Madrid.
- Lacarra-Andrinua 1998 — Joseba Lacarra-Andrinua. Hirkuntzalaritza konparatua eta aitzin euskararen erroa. *Uztaro* 25: 47–110.
- Lafon 1968 — R. Lafon. Basque. *Current Trends in Linguistics* 9. Ed. by T.A. Sebeok : 1744–1792.
- Larrasquet 1939 — J. Larrasquet. *Le basque de la Basse-Soule orientale*. Klincksieck, Paris.
- Malkiel 1993 — Y. Malkiel. *Etymology*. Cambridge University Press.
- Meyer-Lübke 1911 — W. Meyer-Lübke. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. Carl Winter, Heidelberg.
- Michelena 1961 — L. Michelena. *Fonética histórica vasca*. Diputación Provincial de Guipúzcoa, San Sebastián.
- Michelena 1985 — L. Michelena. *Lengua e historia*. Paraninfo, Madrid.
- Michelena 1987 — L. Michelena. *Orotariko Euskal Hiztegia / Diccionario General Vasco*. Bilbao: Euskaltzaindia. [Sous la direction depuis la mort de Michelena par Ibon Sarasola.] <http://www.euskaltzaindia.eus/>
- Mourant & Watkins 1952 — A. E. Mourant, J. M. Watkins. Blood group, anthropology and language. *Heredity* 6 : 13–34.
- Múgica 1965 — P. Múgica Berrondo. *Diccionario Castellano-vasco*. Bilbao.
- Myres et al. 2011 — N. M. Myres, S. Rootsi, A. A. Lin, M. Järve, R. J. King, I. Kutuev, V. M. Cabrera, E. K. Khusnutdinova, A. Pshenichnov, B. Yunusbayev, O. Balanovsky. A major Y-chromosome haplogroup R1b Holocene era founder effect in Central and Western Europe. *European Journal of Human Genetics* 19.1 : 95–101.
- Orpustan 1999 — J.-B. Orpustan. *La langue basque au Moyen Age, IXème-XVème siècles*. Izpegi.
- Orr 1936 — J. Orr. F > H, phénomène ibère ou roman? *Revue de linguistique romane* 12 : 10–35.
- Pisani 1953 — V. Pisani. *Le lingue dell'Italia antica oltre il latino*. Rosenberg & Sellier, Torino.
- Posner & Green 1980 — R. Posner, J. N. Green, Ed. Romance comparative and historical linguistics. *Trends in Romance linguistics and philology*. (Trends in linguistics 12.) Mouton, The Hague.
- Ravier 1976 — X. Ravier. Jean Séguéy et la traversée du langage gascon. Réflexions sur une topogénèse géolinguistique. *Revue de linguistique romane* 40 : 389–402.
- Rohlf 1959 — G. Rohlf. Influences des éléments autochtones sur les langues romanes. *Actes du colloque international. De civilisations, littérature et langues romanes*. UNESCO, Bucarest.
- Rohlf 1977 — G. Rohlf. *Le gascon: études de philologie pyrénéenne*. Walter de Gruyter.
- Rootsi et al. 2004 — S. Rootsi, T. Kivisild, G. Benuzzi, H. Help, M. Bermisheva, I. Kutuev, L. Barac, M. Pericic, O. Balanovsky, A. Pshenichnov, D. Dion. Phylogeography of Y-chromosome haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe. *The American Journal of Human Genetics* 75.1 : 128–137.
- Ruffié & Bernard 1976 — J. Ruffié, J. Bernard. Hématologie et culture: Le peuplement de l'Europe de l'Ouest. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations* 31.2 : 661–676.
- Sagart et al. 1992 — L. Sagart, E. Todd, B. Little. Hypothesis on the origins of the communal family system. *Diogenes* 40.160 : 145–182.
- Séguéy 1953 — J. Séguéy. *Les noms populaires des plantes dans les Pyrénées Centrales*. Barcelona.
- Séguéy 1954 — J. Séguéy. Champ gradient de la gasconité. In: *Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne [ALG]*. Ed. by J. Séguéy, J. Allières, H. Bernès, J. Bouzet, X. Ravier. Publications du Centre national de la recherche scientifique, Paris.
- Séguéy 1965 — J. Séguéy. Essai de cartographie phonologique appliquée à l'Atlas linguistique de la Gascogne. In: *Xe Congrès international de Linguistique et Philologie romanes (Strasbourg 1962)*. Ed. by G. Straka. Paris: Klincksieck : 1029–1050.
- Sokal 1989 — R. R. Sokal. Update to Haldane's 'Blood group frequencies of European peoples, and racial origins'. *Human Biology* 61.5–6 : 691–702.
- Szemerényi 1963 — O. Szemerényi. On reconstruction of Mediterranean substratum. *Romance philology* 17.2 : 404–418.
- Tovar 1961 — A. Tovar. *The Ancient Languages of Spain and Portugal*. Vanni, New York.
- Trask 1997 — R. L. Trask. *The history of Basque*. Routledge, London.
- Trask 2008 — R. L. Trask. *Etymological dictionary of Basque*. Ed. by M. W. Wheeler. University of Sussex.
- Ugalde 1977 — Martin Ugalde. *Hablando con los vascos*. Ariel, Barcelona.

- Urreiztieta-Rivera 1980 — I. Urreiztieta-Rivera. *Basque and Caucasian: a survey of the methods used in establishing ancient genetic affiliations*. PhD. Dissertation. University of Arizona, 1980.
- Vennemann 2010 — T. Vennemann. Contact and prehistory in the Indo-European North-West: lexical influences. *Sprachwissenschaft* 35.3 : 247–290
- Videgain 2000 — C. Videgain. Travaux de Jacques Allières sur le domaine basque. *Lapurdum* [En ligne], 5 | 2000, mis en ligne le 01 mai 2009, consulté le 22 mai 2014. URL : <http://lapurdum.revues.org/1287>.
- Walde 1927–32 — A. Walde. *Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen* Ed. by J. Pokorny. K. Reichardt, Berlin.
- Wiik 2000 — K. Wiik. Some ancient and modern linguistic processes in Northern Europe. In: *Time Depth in Historical Linguistics*. Ed. by C. Renfrew, A. M. S. McMahon, R. L. Trask. Institute for Archaeological Research, Cambridge : 463–479.
- Wilbur 1980 — T. H. Wilbur. The earliest stages of the successful resistance to Indo-Europeanization of the Western Pyrenees. *Journal of Indo-European Studies* 8.1–2 : 3–17.
- Young 2009 — K. L. Young. *The Basques in the Genetic Landscape of Europe*. PhD Thesis, University of Kansas.
- Zvelebil 1995 — M. Zvelebil. Indo-European origins and the agricultural transition in Europe. In: *Whither Archaeology. Papers in Honour of Evzen Neustupny*. Ed. by M. Kuna, N. Venclová. Institute of Archaeology, Praha : 173–203.

Ф. Дитерлен, Дж. Бенгтсон. Древнее расселение басков по данным романских диалектов Западной Европы.

Статья посвящена анализу древней субстратной лексики баскского (васконского) происхождения, сохраняющейся в романских диалектах Франции, Испании, Италии и романоязычных областей Бельгии и Швейцарии. В качестве первичной иллюстрации выбраны три баскских слова, имеющих широкую дистрибуцию по всем перечисленным территориям: *marro* 'баран', *suge* 'змея, ящерица' и *gapar* 'дикая роза'. Далее указывается на то, что особенно много слов васконского происхождения в тех романских диалектах, на которых сегодня говорят в областях, прилегающих к Стране Басков (не только в Гаскони, но и на юге Наварры, в Арагоне и в Риохе). Выявление этих слов на столь большой и фактически непрерывной территории неоспоримо доказывает, что в древности она была занята носителями васконских языков. Параллельно с лингвистическими данными авторы анализируют недавние результаты популяционной генетики, представленные картами распространения MtDNA H1 и H3, Y-хромосомы S116 и гаплогруппы XV (Taq1), которые считаются основными гаплогруппами баскского населения и при этом покрывают большую часть предполагаемой «васконской» территории. В заключительной части статьи авторы предлагают исторический сценарий примерно трехтысячелетней давности, который увязывает распространение васконской лексики с различными миграциями доисторического и исторического периодов и предполагает, что васконские языки некогда были широко распространены во многих областях Южной и Западной Франции, Северной и Восточной Иберии, а также в ряде областей Италии (особенно на острове Сардиния).

Ключевые слова: история баскского языка, васконские языки, романские диалекты, языковой субстрат, диалектология, этимология, лингвогеография, генетика населения Европы

English summary: Florent Dieterlen, John Bengtson. The former area of the Basques from the study of the dialects of Romance Western Europe.

This paper is a study of ancient Basque (better: Basque-related, or henceforth, Vasconic) words remaining in the Romance dialects of France, Spain, Italy and Romance-speaking

parts of Belgium and Switzerland. These data suggest a more extended area for Vasconic-speakers than had been previously thought, and that a large proportion of the ancestors of present day Western Europeans were Vasconic-speaking before being Celtic-, Romance- or Germanic-speaking. We find in this a confirmation of recent results of population genetics.

Our initial sources for Vasconic words were Hubschmid, Rohlf and others, and one of us (FD) searched in several linguistic atlases to find other words. Each word was carefully submitted to a thorough etymological analysis using the standard Romance dictionaries and the etymological sources for Basque, to be sure that the words were not of other (non-Vasconic) origins (such as Indo-European). We eliminated the words for which there was doubt, or in which the phonetic or semantic changes were difficult.

The words studied were mainly names of animals and plants, rural (agricultural, pastoral) terms and pejorative terms. Some words, such as ‘lizard’, ‘ram’ or ‘strawberry’, were found in many regions and had many different variants, as is the case with the corresponding terms in Basque dialects.

In the historical chapter, we showed the history of genetic, anthropological, lexical, grammatical and phonetic searches in this field. We showed also the genesis of this work, and the list of all linguistic atlases used. We also proposed a model of the history (and pre-history) of Western Europe,

The next chapter stresses that there is a phonetic gradient, centered on Basque country. Various Basque-like phonetic changes are found in this territory, decreasing with distance, with many of these phonetic changes near Basque Country (Gascony, Navarre, Aragon), continuing through southern Italy (poor in such changes), but abundant in Sardinia, which is correlated with its prehistoric links with Basque Country. Some critiques of this substratal theory are presented and discussed.

We then present three Basque words that have widespread coverage: *marro* for ‘ram’, *suge* for ‘snake’ and ‘lizard’, and *gapar* for ‘wild rose’. *Marro* spans from Western Spain to Northern Italy. This word had been studied before, but its wide spread had made scholars hesitant to declare it of Basque origin. Until genetics had shown the evidence, Basque was thought to have been very restricted in territory. *Suge* (and its derivatives, very common also in Basque dialects) is even more widespread, from southern Spain to northwestern France to southern Italy and Sardinia. *Gapar* is less widespread, from southern Spain to northern Spain and a large southwestern quarter of France. We do not immediately explain such a wide span for these three words, but, in conjunction with genetic data, it is the start of a proof of the wide former extension of Basque in Western Europe.

The next chapter deals with the map of all Basque-like words in the proposed Vasconic territory. Based on genetic evidence, it seems likely to us that Great Britain and Ireland may have also been Vasconic-speaking, but a linguistic demonstration is not included in our paper. One first remark is that there are many Vasconic words in Romance dialects spoken near the actual Basque country: the well-known Gascony where Vasconic was spoken at the beginning of our era, as many epigraphic vestiges (Aquitanian) have shown; and in Spain, firstly near Basque country in northern Navarre where Basque is still spoken, but also more to the South and West and East, in southern Navarre, Aragon and Rioja where one finds some of the same words as in northern Navarre, in a continuous area. This continuity extends even wider, to other parts of Spain, especially Catalonia, and to parts of France, especially in Midi-Pyrénées and Languedoc-Roussillon, which were rarely cited for their relationship with Basque. These gradients without discontinuities are a sufficient proof of the ancient presence of Vasconic languages in a large part of our proposed Vasconic territory. One of us (JB) compiled a list of etymologies of all words concerned, with some dialectal variants, different meanings, and references.

The next chapter discusses recent population genetics in the molecular school:

We present the maps of mtDNA H1 and H3 and Y chromosome S116 and haplogroup XV (Taq1), which are the main haplogroups among the Basques, and which extend through most of the proposed Vasconic territory. We then discuss the presence of Vasconic words in

large parts of the proposed Vasconic territory in conjunction with the various migrations that occurred in prehistoric and historic times. There are also relic words, that is to say words that one finds in regions that otherwise have very few Vasconic words. The concordance between the genetic and linguistic maps show that the Vasconic influence is old.

We then draw approximative maps showing the extension of Vasconic around 300 BC, 500 AD, and 1400 AD, that correspond approximately to maps with at least one Vasconic word, at least 3 words, and at least 6 words. We discuss these maps and present the genetic map of haplotype M26 which is found in Basque country and in Sardinia, at a very high frequency in the latter. It shows a very ancient (around 8000 BC) migration. We also show that Celtic languages and Basque language have left similar imprints in Southern France, with maxima in different areas.

One conclusion is that Vasconic languages were widespread in large parts of southern and western France, in Spain (therefore where the Iberians ruled), and in some parts of Italy, especially in Sardinia. The conclusion reiterates the main points of the demonstration, and addresses the question of the western limit of Vasconic language in ancient times, through toponymy. A scenario of the last 3000 years is proposed. The question of prehistoric languages is addressed, and the coincidence of Vasconic lexicon with the phonetic change of Latin *v* > Romance *b* is cited.

Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков

В работе автор возвращается к своим результатам 1961 года, касающимся сокращений индоевропейских долгот в безударном слоге в кельто-италийских языках. Найдено значительное количество нового подтверждающего материала к первоначальной гипотезе; при этом результаты модифицированы за счет демонстрации еще одного типа рефлексов сокращения долгих сонантов в кельтских языках. Также показана конгруэнтность описаний найденных закономерностей в ларингалистской и традиционной интерпретациях.

Ключевые слова: акцентологическая реконструкция, кельтские языки, сокращения долгот, акцентные парадигмы, метатония.

В связи с установлением рефлексов двух акцентных парадигм германских глаголов с корнями на нешумные (см. [Дыбо 2015a]) мы возвращаемся к реконструированным мной в 1961 г. двум кельто-италийским акцентным парадигмам отглагольных имен с основами на *-tu-* и *-to-* (в латинском они выступают в качестве супинов и причастий), а также подобных отглагольных имен с суффиксом *-no-*. Ввиду некоторого улучшения состояния дел в кельтской этимологии и определенного завершения реконструкции балтославянской акцентной системы мы представим здесь наши сближения этих форм в несколько обновленном виде:

А. Кельто-италийские окситона.

*-to-*основы:

1. лат. *dē-frutum* ‘boiled wine’ (< **bhrū-tó-*) (ср. кельт. **brūtu-* ‘fermentation, (boiling) heat’ [Noun]: см. ниже *-tu-*основы, п. 2) ~ др.-исл. *brugga* ‘brauen’; слав. **brujāti*, **brujīti*, praes. 1 sg. **brūjō*, 3 sg. **brujētv*, **brujítv* (а. п. с). || [Matasović 2009: 81—82; WH I: 333—334; Orel 2003: 56—57; IEW: 143—145].

К структуре корня: и.-е. корень **bhrēu-/bhrū-* (в ларингалистической интерпретации: **bhreh₁u-/bhrh₁u-*): полная ступень в греч. φρέαρ, gen. sg. φρέατος ‘Brunnen’ (< **φρέαρ*, **φρέατος*), гомер. pl. φρέιάτα (= φρέατα); лит. *br(i)autis*; нулевая ступень: др.-в.-нем. *wintes prūt* ‘буря, ураган’ (др.-ирл. *bruith* ‘кипение’ < **bhrūti-* < **bhrūti-*, см. [Дыбо 1961: 11]) и ср.-ирл. *bruth* ‘Glut’, валл. *brwd* ‘das Brauen; so viel Bier, wie auf einmal gebraut wird’ (< **bhrūto-* < **bhrūtó-*); ср. греч. (догреч.) βρεύω ‘изобиловать, бить струей’; корень является расширением и.-е. базы (второй основы) от корня **bherə-* ‘aufwallen, sich heftig bewegen’: др.-инд. *bhurāti* ‘bewegt sich rasch, zuckt, zappelt’ (< **bhṛ-e-ti*), *bhūrṇi-ḥ* ‘heftig, zornig, wild, eifrig’ (< **bhṛni-*); полная ступень второй основы в герм. **brēja-* (крым. гот. *breen* ‘schmoren’; ср.-в.-нем. *bræjen* ‘riechen, duften’, ср.-нидерл. *bræyen* ‘braten’) и в герм. **brēda-* (др.-исл. *bráðr* adj. ‘горячий, вспылчивый, опрометчивый’; др.-англ. *bræð*; тж. лат. *frētum* n. ‘прибой, прилив; бушевание, волнение; жар, пыл’ < **bhrēto-* < **bhrētó-*, см. [Дыбо 1961: 14]). || [Orel 2003: 56 (герм. **brewwan*); ЭССЯ 3: 45—46; IEW: 144—145 (*√*bhrēu-/bhrū-* и (??) *√*bhréu-/bhrū-*), 132—133

($\sqrt{*bher\bar{a}-/*bh\bar{r}-/*bh(e)r\bar{e}-}$ ‘sich heftig bewegen’); LIV₂: 96 (1. $\sqrt{*b^hreuH^{-1}}$ ‘sprudeln’, 2. $\sqrt{*b^hreuH^{-1}}$ ‘aufbrechen’); LIV₂: 81 ($\sqrt{*b^herh_2^{-1}}$ ‘sich schnell bewegen’)].

2. кельт. **būto-* [part. praet. pass.], кельт. **būtā-* ‘place, dwelling, hut’ [ā f.]; лат. **fūto-* (< **bhū-tó-*, в *fūtāre*), ср. лат. *fūtu-* (< **bhū-tū-* в *fūturus*) ~ лтш. *būt*, супин *būtu*, part. praet. *būts*, gen. sg. *niu būtu dienu* [Endz.Gr. 798]; слав. **bŭti*; l-part. *bŭlъ*, f. **bŭlǎ*, n. **bŭlo*. || [Matasović 2009: 85, 84—85; Дыбо 1961: 12, 30, 31; Дыбо 2000: 500, 516, 517; WH I: 557—559; IEW: 146—150].

К структуре корня: и.-е. корень **bheṛ-/*bhū-* (в ларингалистической интерпретации: **bheṛh_2-/*bhuh_2-*): полная ступень первой основы в др.-инд. praes. 3 sg. *bhāvati* ‘wird, entsteht, ist’ < **bheṛh_2-eti*, inf. *bhāvītum* < **bheṛh_2-tum*; авест. *bhavaiti* ‘wird, ist’; др.-англ. *bēo* ‘ich bin’ (?) < **bheṛō* < **bheṛh_2-oh_2*; полная ступень второй основы: др.-лат. praes. subiunct. *fuat* ‘sei’; нулевая ступень: др.-инд. part. praet. pass. *bhūtāḥ* ‘geworden, verwandelt’, aor. 3 sg. *á-bhū-t* ‘er wurde, war’; авест. part. praet. pass. *būta*; греч. aor. *ἔφῶ* ‘wurde’; др.-лат. *fūi* ‘bin gewesen’; др.-лит. aor. *bū*, др.-лтш. *buvi* ‘ich war’; ст.-слав. **бѣ**. || [KEWA II: 485—487; EWA II: 255—257; Frisk 1960—1972 II: 1052—1054; WH I: 557—559; IEW: 146—150; LIV₂: 98—101 ($\sqrt{*b^hheh_2^{-1}}$ ‘wachsen, entstehen, werden’)].

3. лат. *cītus*, f. *cīta*, n. *cītum* ‘schnell’ (< **kī-tó-*), part. praet. pass. от глагола *ciēō*, *ciēre* ‘приводить в движение’, лат. *cītum* — супин от того же глагола ~ греч. *κίνῶμαι*, aor. *ἐκίνησα* ‘setze in Bewegung, treibe’; *κίω* ‘gehe weg, fahre’. || [Дыбо 1961: 30; Fraenkel 1962—1965: 251; WH I: 213—214; Frisk 1960—1972 I: 855, 862—863; IEW: 538—539 ($\sqrt{*kēi-}$)].

К структуре корня: и.-е. корень **kēi-/*kī-* ‘in Bewegung setzen, in Bewegung sein’ (в ларингалистической интерпретации: **keh₁i-/*kh₁i-*): полная ступень, по-видимому, в лит. *kielė* (1) ‘Bachstelze’, ‘трясогузка’; лтш. *ciēlava* ‘трясогузка’ от и.-е. **kēilos* (> прабалт. **kielas*) ‘подвижный’ > (?) лтш. диал. *ciēls* ‘gross’; слав. **člъ*, f. **člā*, n. **člō* ‘бодрый, живой, крепкий’ [схрв. *člъ*, -a, -o ‘крепкий, сильный’, словен. *čil*, *čila* ‘отдохнувший, бодрый’, ст.-чеш. *čily* ‘свежий, живой, бодрый’, в.-луж. *čily* ‘невредимый; бодрый, крепкий’]; нулевая ступень в греч. *κίνῶμαι* ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’, aor. *ἐκίνησα* ‘setze in Bewegung, treibe’; относительно валентности корневой морфемы ср. еще слав. **člъ* ‘целый, здоровый, крепкий’, но лит. *kietas* (3) ‘твердый, жесткий, крепкий’, лтш. *ciēts* ‘твёрдый, жесткий’ (однако с колебанием а. п. в древнелитовском: f. gen. sg. *kietós* DP 476₃₇ и *kiétos* DP 312₂₀, при отражении рецессивности в словообразовании: gen. sg. m. *kietúmo* DP 293₂₈, 477₄₃). || [Дыбо 1961: 30; Fraenkel 1962—1965: 251, 252; Karulis 2001: 170—171, 173; WH I: 213—214; Frisk 1960—1972 I: 855, 862—863; IEW: 538—539 ($\sqrt{*kēi-}$ ‘in Bewegung setzen, in Bewegung sein’); LIV₂: 346 ($\sqrt{*kēi}$ ‘sich in Bewegung setzen’)].

4. лат. *frētum*, -ī n. (< **frē-tó-* < **bhrē-tó-*) ‘Brandung, Wallung des Meeres’ (ср. лат. *frētus*, -ūs m. (< **frē-tū-*) ‘Brandung, Wallung des Meeres’ ~ др.-инд. *bhūrṇi-ḥ* ‘heftig, eifrig’, *bhurāti* ‘bewegt sich, zuckt, zappelt’; герм. **brejan-*: гот. (крым.) *breen* ‘to roast’; ср.-нидерл. *bræyen* ‘braten’, ср.-в.-нем. *bræjen* ‘riechen, duften’, с закономерным сохранением долготы в отглагольных именах с дентальными суффиксами: герм. **brēdaz* adj. (< **brēpá-*) [др.-исл. *bráðr* adj. ‘hasty, sudden’]; и с подтверждением первичной окситонезы производящего в отыменном глаголе: герм. **brēdjan-*. || [WH I: 546—547; Feist 1939: 104—105; Orel 2003: 57; IEW: 132—133, 137].

К структуре корня: и.-е. корень **bhrē-/*bhr̥-* ‘sieden, wallen; sich schnell bewegen’ (в ларингалистической интерпретации: **bhrēh₁-/*bhr̥h₁-*): герм. **brejanan*, герм. **brēdaz* adj.; др.-инд. *bhurāti* ‘bewegt sich, zuckt, zappelt’, *bhūrṇiḥ* ‘heftig, zornig, wild, eifrig’; -o-ступень в германском: др.-англ. *brōd* f. ‘Brut, Zucht’; ср.-в.-нем. *bruot* f. ‘Hitze, Brut’; рецессивная валентность корневой морфемы устанавливается по конечному ударению германских отглагольных имен с дентальными суффиксами. || [Дыбо 1961: 28; WH I: 546—547; de Vries 1977: 52; Orel 2003: 57; IEW: 132—133 ($\sqrt{*bher\bar{a}-/*bh\bar{r}-}$ ‘aufwallen’), 137; LIV₂: 81 ($\sqrt{*b^herh_2^{-1}}$ ‘sich schnell bewegen’), 96] (расширенный $\sqrt{*b^hreuH^{-1}}$ ‘sprudeln’, но отмечается [Rasmussen 1989: 97] $\sqrt{*b^hreh₁u-}$).

5. др.-лат. **gnōtus* ‘известный’ (< **ḡnō-tó-*): лат. *nōta* f. ‘знак, отметка’, *nōtāre* ‘обозначать, отмечать’, *cognitus* ‘известный, знакомый’, *agnitus* ‘признанный’, предполагают др.-лат. **gnōtus* ‘известный’. || [Дыбо 1961: 13; WH II: 177—178; IEW: 376—378].

К структуре корня: и.-е. корень **ḡnē-/ḡn̄-* (в ларингалистической интерпретации: **ḡneh₁-/*ḡnh₁-*): полная ступень в тох. А *kñā-* ‘знать’, ‘kennen’; о-ступень: др.-перс. *xšnāsa-* в *xšnāsāhiy* ‘du sollst merken’, греч. эпидавр. *γνώσκω* ‘erkennen, kennenlernen’, лат. *nōscō* ‘erkenne’; др.-инд. *jñātāhi* ‘bekannt’; греч. *γνώτός* ‘bekannt’; лат. **gnōtus* (в *nōta*, *nōtāre* и в *cognitus*, *agnitus*; < **ḡnōtō-*); нулевая ступень: гальск. Катου-*γνώτος*, *Epo-so-gnātus*, др.-ирл. *gnāth* ‘gewohnt, bekannt’ < **ḡñto-*; герм. **kúnþ-az* (гот. *kunþ-s* ‘bekannt’; др.-исл. *kunnr*, *kuðr* ‘bekannt, kundig’; др.-англ. *cúð* ‘kund, bekannt, offenbar, sicher; ausgezeichnet; freundlich, verwandt’, др.-фриз. *kūth* ‘kund, bekannt’, др.-сакс. *kūth* ‘bekannt’, др.-в.-нем. *kund* ‘bekannt, kund; verwandt’), **un-kúnþ-az* (гот. *un-kunþ-s* ‘unbekannt’; др.-исл. *ú-kúðr* ‘unbekannt’; др.-англ. *un-cúð* ‘unknown, uncertain, strange, terrible’, ср.-нидерл. *oncont* ‘onbekend aan, onbekend met’, др.-в.-нем. *un-kund* ‘unbekannt’); лит. *pažintās* ‘bekannt’, лтш. *pažīts* ‘знакомый’ < **ḡñto-*; нулевая ступень с инфиксным рассечением (тест 9 класса): авест. *zanā-t*, *zanšn*, афг. *pe-žani* ‘unterscheidet, erkennt’; др.-ирл. *-gninim*; лит. *žinóti*, praes. 1 sg. *žinaũ* ‘kennen, wissen’ < **ḡñ-ne-ə-*. В связи со снятием долготы в латинском следует предполагать нисходящий тон в корневой морфеме. || [Orel 2003: 224; IEW: 376—378 (*√ḡnen-* : **ḡenə-* : **ḡnē-* : **ḡnō-* ‘erkennen, kennen’); LIV₂: 168 (**ḡneh₃-¹* ‘erkennen’)].

6. лат. *lītus* (< **lī-tó-*) — *-to*-причастие от глагола *linō* ‘schmiere, beschmiere’, лат. *lītum* < **lītú-*, супин от того же глагола; кельт. **li-na-* ‘stick’ [Vb] ~ др.-инд. *lināti* (Dhātup.), а также *lāyatē*, *līyatē*, *līyati* ‘schmiegt sich an, liegt an’, *līnaḥ* ‘sich anschmiegend, anliegend’; греч. *λίτός* ‘гладкий’. || [WH I: 807—808; Matasović 2009: 239; KEWA III: 102—103; IEW: 662—663].

К структуре корня: и.-е. корень **leia-/alī-* ‘sich anschmiegen, beschmieren, bestreichen, salben’ (в ларингалистической интерпретации: **h₂leiH-/h₂liH-* ‘sich anschmiegen, beschmieren, bestreichen, salben’): др.-инд. *lināti* (gramm.), *lāyatē*, *līyatē*, *līyati* ‘schmiegt sich an, liegt an, bleibt stecken, verschwindet’, *līnaḥ* ‘sich anschmiegend, anliegend’; греч. *ἀλίνω* (-iv- из -iv-) ‘bestreiche, salbe’, *λίτός* ‘гладкий’. || [WH I: 807—808; KEWA III: 102—103; IEW: 662—663 (*√lei-* ‘schleimig; hinstreichen’); LIV₂: 277—278 (*√h₂leiH-* ‘beschmieren’), 405 (*√leiH-* ‘sich anschmiegen’)].

7. лат. *pūtus* adj. ‘rein’ (< **pūtó-*), *pūrus*, *-a*, *-um* ‘rein; lauter’; кельт. **fūro-* ‘fresh’ [Adj.] (< **pū-rq-*) ~ др.-инд. *punāti* ‘reinigt, läutert’, *pūtāḥ* ‘rein, geläutert’. || [Дыбо 1961: 12; Matasović 2009: 143; WH II: 393—394, 390—391; IEW: 827; LIV₂: 480].

К структуре корня: и.-е. корень **reu-/rū-* ‘reinigen, läutern, sieben’ (в ларингалистической интерпретации: **reuH-/rūH-*): др.-инд. *punāti* ‘läutert, macht rein’, *pāvati* ‘wird rein, läutert sich’, inf. *pāvītum*, part. *pūtā-* ‘rein’, *pūti-* f. ‘Reinigung’, *pavītār-* ‘Reiniger, Läuterer’; лат. *pūrus* ‘rein’; ср.-ирл. *ūr* ‘neu, frisch, edel’, валл. *ir* ‘frisch, grün’. || [WH II: 393—394, 390—391; KEWA II: 306; IEW: 827 (*√reu-/reuH-/rū-* ‘reinigen, läutern, sieben’); LIV₂: 480 (*√reuH-* ‘reinigen, läutern’)].

8. лат. *rūtum* n. ‘das Aufschlagen’ (< **rūtó-*); лат. *ruō*, *ruī*, *ruitūrus*, *-ere* ‘stürze, eile’ ~ др.-инд. *rāviṣam* ‘ich mag zerschlagen’; лит. *rāuti*, praes. 1 sg. *rāuju*, диал. *rāunu*, praet. 1 sg. *rōviau* ‘raufen, mit der Wurzel ausreißen, rupfen, abreißen, aushacken, hinwegraffen’; лтш. *raūt*, praes. 1 sg. *raūju* и диал. *raūnu*, praet. 1 sg. *rāvu* ‘reißen, raufen, ziehen, raffен, stehlen’; слав. **rvāti*, praes. 1 sg. **rvōq*, 3 sg. **rvòtьb*; aor. 1 sg. **rvōaxь*, 2—3 sg. **rvōva*, l-part. **rvōalь*, f. *rvōalā*, n. **rvōalo* и **rūti* (< **rutī*); praes. 1 sg. **rūjo*, 3 sg. **rujòtьb*; l-part. **rūlь*, f. **rūlá*, n. **rūlo*. || [WH II: 453, 453—454; Fraenkel 1962—1965: 708—709; Дыбо 2000: 286, 498, 511; KEWA III: 63; IEW: 868].

К структуре корня: и.-е. корень **rāu-/rū-* ‘aufreißen’ (в ларингалистической интерпретации: **reh₂u-/rh₂u-* ‘aufreißen’): др.-инд. *rāviṣam* ‘ich mag zerschlagen’; герм. **rawwa-* (< и.-е. **rāuó-*): [др.-исл. *rogg* f., *rogg* m. ‘langes Haar, lange Wolle’, швед. *rugg* ‘zottiges Haar’]; лит. *rāuti*; лтш. *raūt*; слав. **rvāti* и **rūti* (< **rutī*). || [IEW: 868 (*√reu-/reuH-/rū-* ‘aufreißen, graben, aufwühlen; ausreißen; raffен’, LIV₂: 510 **reuH-¹*)].

9. кельт. **tantā-* (< **t̃ntā-*) ‘cord, cable’ [Noun] ~ лит. *tinti*, praes. 1 sg. *tinstu* и *tjstu*; лтш. *tît*, praes. 1 sg. *tinu* и *tiņu*, praet. 1 sg. *tinu* ‘winden, wickeln, flechten’; др.-инд. *tanóti*, *tanuté* ‘dehnt, spannt, erstreckt sich, dauert’, pass. *tāyāte*, Dhātup. *tāyate* ‘breitet sich aus, geht vorwärts’, *uttānāh* ‘ausgestreckt’ (< **t̃n̄-nó-*), *tani-man-* n. ‘Dünne’. || [Matasović 2009: 369—370; Fraenkel 1962–1965: 1099; KEWA I: 475, 496; IEW: 1065—1066].

К структуре корня: и.-е. корень **tenə-/t̃n̄-* ‘dehnen, ziehen, spannen’ (в ларингалистической интерпретации: **tenH-/t̃n̄H-*): др.-инд. *tanóti*, *tanuté* ‘dehnt, spannt, erstreckt sich, dauert’, pass. *tāyāte*, Dhātup. *tāyate* ‘breitet sich aus, geht vorwärts’, *uttānāh* ‘ausgestreckt’ (< **t̃n̄-nó-*), *tani-man-* n. ‘Dünne’; лит. *tinti*, praes. 1 sg. *tinstu* и *tjstu*, praet. 1 sg. *tinu* и *tiņu*, praet. 1 sg. *tinu* ‘winden, wickeln, flechten’. || [Matasović 2009: 369—370; Fraenkel 1962–1965: 1099; KEWA I: 475, 496; IEW: 1065—1066].

10. кельт. **-balto-* (< **-g̃u̯-tó-*) (др.-ирл. *at-ru-balt* ‘mortuus est’ от др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’) ~ лит. *gėlti*; лтш. *dzēlt* ‘stechen, brennen, beißen’; герм. **kwelan-* ‘to suffer, die’. || [Дыбо 1961: 22; Льюис-Педерсен 1954: 400; Matasović 2009: 53; Fraenkel 1962–1965: 145—146; Kroonen 2013: 316; IEW: 470—471].

К структуре корня: и.-е. корень **g̃u̯el-/g̃u̯-* ‘stechen, schmerzen, sterben’ (в ларингалистической интерпретации: **g̃u̯eh₁l-/g̃u̯h₁l-*): лат. *vallessit* ‘perierit’ (< **g̃u̯-n̄-*); др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’; ср.-валл. *aballu* (**ad-ballu*) ‘umkommen’, *ballu* ‘sterben’; герм. **kwelanan*: [др.-англ. *cwelan* ‘sterben’, др.-в.-нем. *quelan* ‘schmerzen, leiden’]; лит. *gilti*, *gėlti*, praes. 3 sg. *gėlia* ‘жалить, кусать; болеть, ныть, ломить’; лтш. *dzēlt* ‘stechen, brennen, beißen’; полная ступень в гетеросиллабической позиции: др.-в.-нем. *quāla* ‘мúка’; лит. *gėlà* (4 < *3) ‘heftiger Schmerz’; слав. **žǎlь* — а. п. а (ст.-слав. *жаль* ‘гробница’, *μνημεῖον*); схрв. *жа̏л* ‘жаль, жалко’; словен. *žàl*, gen.sg. *žàli* f. ‘das Leid, der Schmerz’, с новым циркумфлексом в род. падеже; ср. также ударение в отыменном глаголе: др.-русск. *жа̀лѣти(сѧ, -си)* ‘жалеть’, ‘жаловаться’ [Зализняк 2014: 298]. || [Matasović 2009: 53; Дыбо 1961: 22; Plet. II: 952; Дыбо 2007: 22; WH II: 729—730; Mühl.-Endz. I: 541; Fraenkel 1962–1965: 145—146; Orel 2003: 227; IEW: 470—471 (*√*g̃u̯el-* ‘stechen’, ‘(stechender) Schmerz, Qual, Tod’); LIV₂: 207 (*√*g̃u̯elH-* ‘quālen, stechen’)].

11. кельт. **falto-* ‘joint’ [Noun] (< **p̃l̄-tó-* < **p̃l̄H-tó-*) ~ др.-инд. *puṭa-* m., n. ‘Falte, Tüte, Tasche’ (< **pulta-*); герм. **falpan-* ‘to fold, ply’. || [Matasović 2009: 121; Feist 1939: 141—142; Orel 2003: 91; Kroonen 2013: 126; WH II: 276—277; Frisk 1960—1972 II: 536, 494—495; IEW: 802—803, 803—804].

К структуре корня: и.-е. корень **pelə-/p̃l̄-/p̃l̄-* ‘falten; verdecken, verhüllen’ (в ларингалистической интерпретации: **pelh₁-/p̃leh₁-/p̃lh₁-*): др.-ирл. *alt* [o n] ‘joint, articulation, state’ (< **p̃l̄-tó-* < **p̃l̄H-tó-*) ~ др.-инд. *puṭa-* m., n. ‘Falte, Tüte, Tasche’ (< **pulta-* < **p̃l̄to-*); герм. **falpanan* (гот. только praet. 3 sg. *faifalþ* L 4,20 *πτυσσειν*, ‘falten, zusammenrollen’; др.-исл. *falda*, praet. *felt*, part. praet. *faldenn* ‘den Kopf bedecken. || [Matasović 2009: 121; Seebold 1970: 183—185; Feist 1939: 141—142; Orel 2003: 91; WH II: 276—277; Frisk 1960—1972 II: 536, 494—495; IEW: 802—803, 803—804 (*√*pel-* ‘falten’, **pelə-/p̃l̄-* ‘verdecken, verhüllen’); LIV₂: 471 (? *√*pelk-* ‘einhüllen, verbergen’)].

12. (?) кельт. **skanto-* ‘Schuppen’ (< **(s)k̃ntó-* < **(s)kh̃ntó-*; [Matasović 2009]: < **sk̃n̄-to-*); брет. *skant* ‘Schuppen’; др.-брет. **scanto-* в *anscantocion* pl. ‘in-squamōsos’, ‘sans écale’ (Loth), ‘без чешуи’; др.-исл. *skán* f. ‘Borke’ (< **skénā* < **skéh₁n-eh₂-*); нидерл. диал. *schinde* ‘Haut, Fell; Bast, Rinde’ (< **skéh₁ndā-*). || [Loth 1883: 41, 405f; Matasović 2009: 201 (< **sk̃n̄-to-*); de Vries 1977: 493, 482; IEW: 929].

К структуре корня: и.-е. корень **skēn-/sk̃n̄-* ‘schinnen, sich häuten’, (?) ‘schinden’ (в ларингалистической интерпретации: **skéh₁n-/sk̃h₁n̄-*): брет. *skant* ‘Schuppen’, ‘dandruff’, ‘перхоть’; др.-брет. **scanto-* в *anscantocion* pl. ‘in-squamōsos’, ‘sans écale’ (Loth), ‘без чешуи’; валл. *ysgyhru* ‘Schnitzen’ (< **skēn-tr-*); др.-исл. *skinn* n. ‘Haut, Fell’ (< **skén-to-*; герм. **skinþa-*) и др.-исл. *skán* f. ‘Borke’ (< **skénā* < **skéh₁n-eh₂-*); ср.-в.-нем. *schint* f. ‘Obstschale’, нов.-в.-нем. *Schind-mähre*, *-aas*; нидерл. диал. *schinde* ‘Haut, Fell; Bast, Rinde’. || [Loth 1883: 41, 405f; Matasović 2009: 201 (< **sk̃n̄-to-*); de Vries 1977: 493, 482; IEW: 929 (*√*(s)ken-(d-)* ‘abspalten; abgespaltene Haut, Schuppe, Rinde’)].

13. кельт. *siti- ‘length’ [Noun] (< *sītī- < *sh₁ití-); др.-ирл. *sith-* prefix ‘long, lasting’ (< кельт. *sita- < *sītó- < *sītó- < *sh₁itó-) ~ герм. *sīdáz < *sīpás adj. ‘herabhängend’. || [Matasović 2009: 338, 337; Feist 1939: 415—416; Orel 2003: 329; IEW: 890—891; Isaac 2007: 28 (<*seh₁-tí-)].

К структуре корня: и.-е. корень *sēi-/sāj-/sī- ‘entsenden, werfen, fallen lassen (spät, langsam, langdauernd)’ (в ларингалистической интерпретации: *seh₁i-/sh₁i-/sh₁i:); -e-ступень: др.-инд. вед. *sáyaka-* m., n. ‘Wurfgeschloß’, ‘метательное орудие; метательное копье; дротик’; -o-ступень: др.-инд. вед. *ava-sāyáyati* ‘läßt ausspannen’; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. вед. (*áva,vi*) *syāti* ‘macht los, spannt aus’, греч. ἵημι ‘werfe, sende’; хетт. *siēzzi* ‘schießt’; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: герм. *sīda-z adj. ‘herabhängend’; лат. *situs* ‘gelegен’, ср.-ирл. *sith-* ‘lang’ (< *sīto- < *sītó-), перед первично доминантным суффиксом: лат. *saeculum* ‘Geschlecht, Menschenalter, Jahrhundert’; валл. *hoedl* ‘Lebensdauer’, др.-брет. *hoetl*, ср.-брет. *hoazl* ‘Lebensdauer’ (< *saitlom). || [WH II: 460—461; IEW: 889—891 (√sē(i)-/sai-sī-; sē-/sə- и sei-/si- ‘entsenden, werfen, fallen lassen, säen’); LIV₂: 518 (√*seh₁(i)-¹ ‘loslassen’)].

14. кельт. *muto- ‘penis’ [Noun] (< *mūtó- < *mūtó-), [IEW]: «als ‘Stummel’». Но, скорее, к лат. *moveō* ‘setze in Bewegung, bewege hin und her, rühre, schüttele; bewege fort, entferne’ ~ др.-инд. *mívati* ‘schiebt, drängt, bewegt’, *káma-mūta-* ‘von Liebe bewegt, von Begierde getrieben’, лит. *máuti*, лтш. *maût* ‘an-, aufziehen; zäumen; hindurchzudringen versuchen’. || [Matasović 2009: 282; WH II: 116, ср. 137—138, 138 (2.); IEW: 743; LIV₂: 445—446].

К структуре корня: и.-е. корень *mīā-/mī- (в ларингалистической интерпретации: *mīeh₂-/mīh₂-), e-ступень: лит. *ūžmova* (1) ‘насадка’, *užmovimas* (2) ‘насадка, надевание’; др.-инд. *mívati* ‘schiebt, drängt, bewegt’, *káma-mūta-* ‘von Liebe bewegt, von Begierde getrieben’, мурá- ‘drängend, eilend’; авест. *ava-mīvāmahi* ‘wir beseitigen, nehmen weg’, авест. *a-mīuamñō* ‘unbeweglich, wovon nicht abzubringen’; греч. ἀμεύσασθαι ‘vorankommen, übertreffen’ (вероятно, из ‘sich vorschieben’), горт. ἀμεφύσασθαι ‘Handel treiben’; ἀμύνω ‘wehre ab’, Med. ‘verteidige mich (*schiebe weg)’, лат. *moveō, mōvī, mōtum* (*movitum), -ēre ‘setze in Bewegung, bewege hin und her, rühre, schüttele; bewege fort, entferне’; лит. *máuti*, praes. 1 sg. *máuji* и *máuni*, praet. 1 sg. *móviau* ‘надевать, напяливать; быстро (энергично) двигать(ся)’, лтш. *maût*, praes. 1 sg. *mauji* и *tauni*, praet. *māvu* ‘an-, aufziehen; zäumen; hindurchzudringen versuchen’. Если к этому корню относится и слав. *mýti, praes. 1 sg. *mýjo, 3 sg. *mýjetь, то мы должны принять двойственность выбора акцентуационной валентности, т. е. нисходящий тон корневой морфемы. Это поддерживает и др.-инд. ved. *mútram* n. ‘Harn, urine’, при высоком тоне ударение должно было стоять на втором слоге. || [Matasović 2009: 282; WH II: 116, ср. 137—138, 138 (2.); IEW: 743 (√*mei-/mei-, тж. и.-е. √*mīeh₂-/mīh₂-); LIV₂: 445—446 (√*mīeh₁-/mīh₁-²)].

15. кельт. *kluto- (< *klu-to- < *klū-tó-) ‘heard’ ~ герм. *xlūdaz < *xlūpáz; лтш. *slūt* ‘слыть’; слав. *slýti, praes. 1 sg. *slōvo, 3 sg. *slověb; l-part. *slýlь*, f. *slylǎ, n. *slýlo. || [McCone 1991: 13; Matasović 2009: 208; Дыбо 2000: 286].

К структуре корня: и.-е. корень *kleu-, *kleu-/klū- ‘hören’, также ‘wovon man viel hört, berühmt, Ruhm’ (в ларингалистической интерпретации: *kleu-, *kleuH-/kluH-); др.-инд. *śṛṇóti* (*kl_ṛ-neu-) ‘hört’, *śrudhí* ‘höre’ (= *κλύθι), part. *śrutá-* (= κλυτός), *śrūyate* ‘wird gehört’; авест. *surunaoitī* (*klū-n-) ‘hört, steht im Rufe, heißt’ и т. д., part. *srūta-* ‘gehört, berühmt’, *srūti* ‘das zu Gehörbringen, Vortrag’, *śraváyati* ‘läßt hören’; греч. κλέ(φ)ω, -ομαι, эп. κλείω ‘rühme’ вторичны; ἔκλυον ‘hörte’ (= др.-инд. *śruvam*), κλύθι, κέκλυθι ‘höre!’, κλυτός ‘berühmt’, κλειτός ‘berühmt’ (< *κλεφετος, как γενετή, лат. *genitus*), др.-в.-нем. *hlūt*, др.-англ. *hlūd*, др.-сакс. *hlūd*, н.-в.-нем. *laut*; лат. *inclutus* ‘berühmt’; др.-ирл. *cloth* n. ‘Ruhm’, валл. *clod* ‘laus’; герм. *hlūda- в др.-в.-нем. *Hluderich, Hlothari*, др.-англ. *Hloþ-wīg*, -here и т. д.; с ū (как в др.-в.-нем. *hlūt*, см. выше); др.-в.-нем. *lūstrēn*, н.-в.-нем. (шваб.-бавар.) *laustern* ‘zuhören, horchen’, н.-в.-нем. *lauschen* (*hlūs-skōn); ц.-слав. *slyšati* ‘hören’, *sluchь* ‘Gehör’, *slušati* (серб. *slūšati*, тж. см. *slyšati*) ‘hören’; лит. *klausai, -yti* ‘hören’, лтш. *klāusīt* ‘hören, gehorchen’, др.-прусс. *klausiton* ‘erhören’, лит. *paklusnūs* ‘gehorsam’ (против лит. *klāusiu* ‘frage’ = ‘will hören’ из *kleuā-s-iō). Кельтская и славянские формы показывают рецессивность корня; но греч. κλειτός в соответствии с анализом С. Л. Николаева [Ни-

колаев 1983; 1986] указывает на доминантность. Нисходящая интонация? || [IEW: 505—607 ($\sqrt{*kleu-}$, $*kleu-$ / $*klū-$ ‘hören’); LIV₂: 334—335 ($\sqrt{*kleu-}$ ‘hören’)].

-tu-ОСНОВЫ:

1. кельт. **bitu-* ‘world’ [Noun] (< $*g^{u}itú-$) ~ лтш. *dzîtu* — супин от глагола *dzît*, прерывистая интонация указывает на подвижную прабалтийскую а. п., которой в кельтском может соответствовать окситонеза соответствующих форм; слав. *žíti*, praes. 1 sg. **živŏ*, 3 sg. **živètb*; -t-part. **žitъ*, f. **žitá*, n. **žito* (а. п. с); др.-инд. *jívati* ‘lebt’, греч. атт. ζῶ, ζῆς, ζῆ (< $*\zeta\eta\epsilon\iota$ < и.-е. $*g^{u}iē-$). || [Matasović 2009: 67; Irslinger 2002: 84—85; Дыбо 1961: 11; Дыбо 2000: 287—288, 496, 509, 515; KEWA I: 439; Frisk 1960—1972 I: 237—239; IEW: 467—469; LIV₂: 215—216].

К структуре корня: и.-е. корень $*g^{u}iē-/g^{u}i-/g^{u}iō-$ ‘leben’ (в ларингалистической интерпретации: $*g^{u}iēh_1-/g^{u}i_1-/g^{u}iōh_1-$): -e-степень второй основы: греч. атт. ζῶ, ζῆς, ζῆ (< $*\zeta\eta\epsilon\iota$ < и.-е. $*g^{u}iē-$); -o-степень второй основы: греч. ζωός adj. ‘живой’ (< $*g^{u}iō-$ < $*g^{u}ioh_1-$); нулевая ступень второй основы: др.-инд. *jívati* ‘lebt’, ‘живет’, слав. *žíti*, praes. 1 sg. **živŏ*, 3 sg. **živètb*; aor. **žixъ*, 2—3 sg. **žitъ* и **žive*, l-part. **zilъ*, f. **žilá*, n. **žilo*; part. praet. act. *živъ*, f. **živšī*, t-part. **žitъ*, f. **žitá*, n. **žito* (а. п. с). || [Дыбо 1961: 11; Дыбо 2000: 287—288, 496, 509, 515; KEWA I: 439; Frisk 1960—1972 I: 237—239; IEW: 467—469; LIV₂: 215—216 ($\sqrt{*g^{u}iēh_3-1}$ ‘leben’)].

2. кельт. **brūtu-* ‘fermentation, (boiling) heat’ [Noun] (< $*bhrūtú-$) ~ лат. *dē-frutum* ‘boiled wine’ ~ др.-исл. *brugga* ‘brauen’; др.-в.-нем. *briuwan* ‘brew’; слав. **brujāti*, **brujīti*, praes. 1 sg. **brūjō*, 3 sg. **brujètb*, **brujitъ* (а. п. с). || [Matasović 2009: 81—82; WH I: 333—334; Orel 2003: 56—57; IEW: 143—145].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 1, лат. *dē-frutum*.

3. лат. *fūtu-* (< $*bhūtú-$ в *fūturus*) ~ лтш. *bût*, супин *bûtu*, part. praet. *bûts*, gen. sg. *nuo bûtu dienu* [Endz.Gr. 798]; слав. **bŭti*, aor. 1 sg. **bŭxъ*, 2—3 sg. **bŭstъ*; l-part. *bŭlъ*, f. **bŭlá*, n. **bŭlo* — а. п. с. || [Matasović 2009: 85, 84—85; Дыбо 1961: 12, 30, 31; Дыбо 2000: 500, 516, 517; WH I: 557—559; IEW: 146—150].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 2, кельт. *buto-*.

4. лат. *cītum* (< $*kītú-$) — супин от глагола *ciēō*, *ciēre* ‘приводить в движение’ ~ греч. κίνωμαι ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’, aor. ἐκίνησα ‘setze in Bewegung, treibe’ ~ др.-чеш. *čily* ‘lebhaft’ (краткость корневого гласного указывает на а. п. с в славянском. || [Дыбо 1961: 30; WH I: 213—214; Frisk 1960—1972 I: 855, 862—863; IEW: 538—539].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 3, лат. *cītus*.

5. лат. *frētus*, -ūs m. ‘Brandung, Wallung des Meeres’, ‘прибой, прилив, волнение; жар, пыл’ (< $*frē-tú-$) ~ др.-инд. *bhūrñi-ñ* ‘heftig, eifrig’, *bhuráti* ‘bewegt sich, zuckt, zappelt’; герм. **brejan-*: гот. (крым.) *breen* ‘тушить, жарить’; ср.-нидерл. *bræyen* ‘braten’, ср.-в.-нем. *bræjen* ‘riechen, duften’. || [WH I: 546—547; Feist 1939: 104—105; Orel 2003: 57; IEW: 132—133, 137].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 4, лат. *frētum*.

6. кельт. **gūtu-* ‘voice’ [Noun] (< $*g^{h}u-tu-$ < $*g^{h}ū-tú-$ < $*g^{h}uH-tú-$) ~ др.-инд. *hávate* ‘ruft (an)’, pass. *hūyáte*, part. praet. pass. *hūtá-* ‘angerufen’; слав. praes. 1 sg. **zŏvŏ*, 3 sg. **zovètb*; inf.-sup. **zŏvāti*, **zŏvatъ* — а. п. с. || [Irslinger 2002: 26; Matasović 2009: 169—170; Дыбо 1961: 30, 31; Дыбо 2000: 273, 485, 505—506, 514—515; Фасмер I: 85; KEWA III: 585—587; Fraenkel 1962—1965: 1293; Feist 1939: 207—208 и 227—226; IEW: 413—414].

К структуре корня: и.-е. корень $*g^{h}eu-/g^{h}ū-$ ‘rufen’ (в ларингалистической интерпретации: $*g^{h}euH-$ / $*g^{h}uH-$ ‘rufen’): др.-инд. *hávate* ‘ruft, ruft an’, ‘calls, invokes’, pass. *hūyáte*, part. praet. pass. *hūtá-* ‘angerufen, her-

beigerufen', *havīman-* (м. или н.) 'Anrufung'; слав. praes. 1 sg. *zǝvǝ, 3 sg. *zovǝtǝ; inf.~sup. *zǝvǝiti, *zǝvǝtǝ; aor. 1 sg. *zǝvǝaxǝ, 2—3 sg. *zǝvǝ; l-part. *zǝvǝalǝ, f. *zǝvǝalǝ, n. *zǝvǝalo; part. praet. act. *zǝvǝavǝ, f. *zǝvǝavǝšǝ. || [Дыбо 1961: 30, 31; Дыбо 2000: 273, 485, 505—506, 514—515; Фасмер I: 85; KEWA III: 585—587; Fraenkel 1962—1965: 1293; Feist 1939: 207—208 и 227—226; IEW: 413—414; LIV₂: 180—181 (√*ǵ^hueH- 'rufen')].

7. лат. *lītum* (< *lītú- – суфин от глагола *linō* 'schmiere, beschmiere'; лат. *lītus* adj. (< *lītó-) 'намазанный'; кельт. *li-na- 'stick' [Vb] ~ др.-инд. *lināti* (Dhātup.), а также *lāyatē*, *līyatē*, *līyati* 'schmiegt sich an, liegt an', *līnah* 'sich anschmiegend, anliegend'; греч. λῑτός 'гладкий'. || [WH I: 807—808; Matasović 2009: 239; KEWA III: 102—103; IEW: 662—663].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 6, лат. *lītus*.

8. кельт. *ruth* 'Umstürzen, Vernichten', лат. *rūtus*, -ūs 'das Aufschlagen' (< *rūtú- < *ruH-tú-); лат. *ruō*, *ruī*, *ruitūrus*, -ere 'stürze, eile' ~ др.-инд. *rāvīṣam* 'ich mag zerschlagen'; лит. *rāuti*, praes. 1 sg. *rāuju*, диал. *rāunu*, praet. 1 sg. *róviau* 'raufen, mit der Wurzel ausreißen, rupfen, abreißen, aushacken, hinwegraffen'; лтш. *raūt*, praes. 1 sg. *raūju* и диал. *raūnu*, praet. 1 sg. *rāvu* 'reißen, raufen, ziehen, raffen, stehlen'; слав. *rǝvǝiti, praes. 1 sg. *rǝvǝ, 3 sg. *rǝvǝtǝ; aor. 1 sg. *rǝvǝaxǝ, 2—3 sg. *rǝvǝ, l-part. *rǝvǝalǝ, f. *rǝvǝalǝ*, n. *rǝvǝalo и *rūti (< *rutí); praes. 1 sg. *rūjo, 3 sg. *rūjǝtǝ; l-part. *rūlǝ, f. *rūlǝ, n. *rūlo. || [Irslinger 2002: 26; WH II: 453, 453—454; Fraenkel 1962—1965: 708—709; Дыбо 2000: 286, 498, 511; KEWA III: 63; IEW: 868].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 8, лат. *rūtum*.

9. лат. *vitus* 'Radfelge' (< *vītú- или *vītú- – др.-инд. *vītás* 'запутанный, витой' ~ лит. *vítas*, лтш. *vīts* 'gewunden' ~ слав. part. *vītǝ, f. *vitǝ, n. *vīto. || [Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 135].

К структуре корня: и.-е. корень *uejǝ-/ *uejǝ-/ *uī- 'drehen, biegen' (в ларингалистической интерпретации: *ueih₁-/ *uej₁-/ *uīh₁-): -e-степень первой основы — лит. *vejū* (*vūti*) 'winden'; -e-степень второй основы — лат. *uieō*, *uieere* 'binden, flechten'; просодические отношения — лтш. inf. *vīt* 'winden, flechten'; слав. praes. 1 sg. *vǝjǝ, 3 sg. *vǝjǝtǝ, inf.~sup. *vītǝ~*vītǝ, aor. 1 sg. *vīxǝ, 2—3 sg. *vītǝ, l-part. *vīlǝ, f. *vilǝ; а. п. с (подвижная а. п. и, следовательно, рецессивная валентность корневой морфемы). || [Fraenkel 1962—1965: 1267; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 135; IEW: 1120—1121 (√*uei-/ *uejǝ-/ *uī- 'drehen, biegen'); LIV₂: 695 (√*uej₁- 'umwickeln, umhüllen')].

-no-ОСНОВЫ:

1. кельт. *darno- 'piece, part' (< *dǝrǝnó- < *dǝrh₁-no) ~ др.-инд. *dārṇáh* 'доля добычи', др.-инд. *dǝrṇāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreiβt', part. *dārṇá-*, *dārīman-* н. 'Zerstörung'; лит. диал. *dėrti* 'драть, обдирать'. || [Дыбо 1961: 14 (№ 39); IEW: 206—208; ср. Matasović 2009: 90].

К структуре корня: и.-е. корень *derǝ-/ *drǝ-/ *dǝr- 'schinden, die Haut abziehen, abspalten, spalten' (в ларингалистической интерпретации: *derh₁-/ *dreh₁-/ *dǝrh₁-): др.-инд. *dǝrṇāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreiβt', part. *dārṇá-*, *dārīman-* н. 'Zerstörung'; лит. *dirti*, praes. 1 sg. *diriu*, praet. 1 sg. *dýriau* '(zer)reißen, prügeln, schinden, Haut abziehen', диал. *dėrti* 'драть, обдирать, обирать кого, лупить, брать непомерно много'. || [Дыбо 1961: 14 (№ 39); IEW: 206—208; LIV₂: 119—120 (√*der- 'zerreißen (intr.), zerspringen')].

2. кельт. *starno- 'pavement' (< *stǝrǝnó-) ~ др.-инд. part. *stārṇá-* 'ausgebreitet, hingestreut', *stǝrṇāti* 'breitet aus, streut', *stārīman-* 'Ausbreitung, Ausstreuung'. || [Matasović 2009: 354; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030].

К структуре корня: и.-е. корень *stera-/ *stǝr-/ *stǝr- 'ausbreiten, ausstreuen' (в ларингалистической интерпретации: *sterh₁-/ *stǝrh₁-/ *stǝrh₁- 'ausbreiten, ausstreuen'): др.-инд. (позиция рассеивания: тест 9 класса): *stǝrṇāti*

‘breitet aus, streut’, полная ступень первой основы: *stārī-man-* ‘Ausbreitung, Ausstreuung’; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: др.-инд. part. *stīrná-* ‘ausgebreitet, hingestreut’, кельт. **starno-* ‘pavement’ (< **stīrnó-*) и лат. *strātus*, f. *strāta* ‘расстеленный’ (< **stīfto-*); супин *strātum* (< **stīftu-m*) от глагола *sternō* ‘breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue’; при подобной же двойственности акцентуационной валентности в балтославянском: др.-русск. sg. f. **простѣрта** [Цв. 726], pl. **простѣрты** [Цв. 576]; l-part. f. **не простѣрласѧ** [Увар. 5346], m. **простѣрль** [Цв. III—43]; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3 sg. **прѣстреть** [Сенн. 194г] ([Зализняк 2011, II: 106]); совр. русск. *простѣрт*, *простѣрта*, ср. также лит. *stirta* (1), лтш. *stīrta* ‘скирда’¹; но др.-инд. *stīrnáḥ* и приводившиеся мной еще раньше южнославянские материалы: серб. XV в.: аор. 2 pl. **не прострѣстѣ** [Ев.-апр. 240a], 3 sg. **прѣстрѣтъ** [Ев.-апр. 76a], **прѣстрѣтъ** [Апост. 796²⁰], **прѣстрѣ се** [Ев.-апр. 1936]; ср.-болг. XV в. l-part. **прѣстрѣль еси** [Сб. №151: 250⁴⁶], part. praet. act. **Прѣстрѣ еси** [Сб. №151: 290²⁵⁶]; хорват. XVII в. аор. 2—3 sg. *óbztre nyé* [Petr. 165] ([Дыбо 2000: 490, 501]), равно как и др.-русск. part. praet. act. nom. sg. **прѣстрѣ** [Чуд. 17¹] ([Дыбо 2000: 514; Зализняк 2011, II: 106]) и вариант а. п. *c* у А. А. Зализняка: praes. 1 sg. **прѣстрѣ** [Тар. 82], 3 sg. **прѣстрѣтъ** [Новг. 227 etc.], 2 pl. **прѣстрѣтѣ** [Постн. 97]; l-part. **распрѣстрѣласѧ** [Хлуд. 129], **распрѣстрѣласѧ** [Хлуд. 1296] ([Зализняк 2011: 106]). || [WH II: 590—591; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030]; эта двойственность, согласно выдвинутой мной тональной гипотезе, связана с нисходящим тоном корневой морфемы в тональной системе с регистровыми тонами (см. соответствующие материалы в моих работах по акцентологии сахарских языков).

3. кельт. *bar-no-* ‘Richter’, ‘Urteil’, ‘judgement’ (< **bhṝ-nó-*); др.-инд. *bharīman-* m. ‘Erhaltung, Ernährung, Nahrung’, *bharitra-* n. ‘Arm’, als ‘der tragende’. || [McCone 1991: 12; Pedersen 1908-1913. I: 51; Grassmann 1976: 929; Fraenkel 1962–1965: 40; IEW: 128—132].

К структуре корня: и.-е. корень **bherā-/bhrē-/bhṝ-* ‘tragen, bringen, nehmen’ (в ларингалистической интерпретации: **bherh₁-/bhrēh₁-/bhṝh₁-* ‘братъ, нести’): др.-инд. *bharīman* m. ‘Erhaltung, Ernährung, Nahrung’, *bharitra-* n. ‘Arm’, als ‘der tragende’ (структура корня по греч. ὑπερ-φερέτης Dion. Н., φαέρτα Hom.+). Полная ступень второй основы: греч. praes. εἰσ-πίφθημι ‘впускать, допускать’ (-*i*-редупликация); лит. *birti*, praes. 3 sg. *birsta* (intr.) ‘streuen, ausfallen, verstreut, zerstückelt werden, zerbröckeln’; лтш. *bērt* [*bērt* Ruj., Salis] (tr.), ‘schütten, streuen (vom Getreide, Sand, Asche, Salz u. Ähnlichem)’, лтш. *biṛt*, praes. 1 sg. *biṛstu*, praet. 1 sg. *biru* (intr.) ‘streuen, aus-, abfallen, rieseln, fließen (von Tränen)’, супин *biṛtu* (< **bhṝtum*). Двойственность валентности корневой морфемы, отраженная в кельт. *bar-no-* ‘Richter’ и **brāthu-* ‘judgement’, достаточно надежно отражается и в балтославянском, что интерпретируется как первичный нисходящий тон корня. || [Irslinger 2002: 86—87; Stokes 1894: 168f.; Pedersen 1908-1913 I: 115; Mühl.-Endz.: 291—292; Karulis 2001: 122; IEW: 130 (√**bherā-/bhrē-* ‘tragen, bringen’); LIV₂: 76 (√**b^her-* ‘tragen, bringen’)].

4. кельт. **lono-* ‘Hammel, Schöps’, ‘баран (холощенный)’ (< **lūnó-*) ~ др.-инд. *lūnā-* ‘abgeschnitten, geschnitten’, part. praet. pass. от *lunāti*, *lunōti* ‘schneidet, schneidet ab’, *lavitra-* n. ‘Sichel’, ‘серп’ (√*leuā-*); греч. λύω ‘löse, befreie; vertilge’, λύτρον n. ‘Lösegeld’, βου-λύτος m. ‘Zeit des Ausspannens der Rinder, Abend’; лат. *luō*, -ere ‘büßen, zahlen’ (√*lēu-*); герм. **lūnaz* ‘Lösegeld’ (< **lūnā-* < **lūnó-*). || [KEWA III: 106—107; Feist 1939: 338; Orel 2003: 251; Дыбо 1961: 24; Дыбо 2008: 562, 566; IEW: 681—682, 962].

К структуре корня: и.-е. корень **lēuā-/lū-* ‘abschneiden, trennen, loslösen; geschnitten’ (в ларингалистической интерпретации: **leh₁uH-/lh₁uH-*), позиция рассечения — тест 9 класса: др.-инд. *lunāti*, *lunōti* ‘schneidet,

¹ Таким образом, приводимые мной южнославянские материалы [Дыбо 2000: 490, 501], равно как и др.-русск. part. praet. act. nom. sg. **прѣстрѣ** [Чуд. 17¹] ([Дыбо 2000: 514; Зализняк 2011, II: 106]) и вариант а. п. *c* у А. А. Зализняка, — эта генеративизация а. п. *c* является, по-видимому, результатом победы диалектной инновации, связанной со спецификой отображения нисходящего индоевропейского тона в акцентной системе. Для рецессивности второй основы ср.: прагерм. **strōđū-* < **strōbū-* (< **strō-tō-s* < **strō-tō-s*) ~ греч. στρωτός part. praet. pass. (< **strō-tō-s* < **strō-tō-s* < **strō-tō-s*).

schneidet ab'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: part. *lūnā-* 'abgeschnitten, geschnitten'; полная ступень первой основы: *lavitra-* н. 'Sichel', 'серп' ($\sqrt{\text{leu}}\text{-}$); греч. λύω 'löse, befreie; vertilge', λύτρον н. 'Lösegeld', λαῖον 'Pflugschar' (< *λαῖον); алб. *laj* 'zahle eine Schuld' (< **lajuniō*). || [KEWA III: 106—107; Feist 1939: 338; Orel 2003: 251; Дыбо 1961: 24; Дыбо 2008: 562, 566; Fraenkel 1962—1965: 363а; Karulis 2001: 552; IEW: 681—682 ($\sqrt{\text{leu-}}$ / **leu-* и $\sqrt{\text{lēu-}}$ / **lēu-* 'abschneiden, trennen, loslösen'), 962; LIV₂: 417 ($\sqrt{\text{leuH-}}$ 'abschneiden, lösen')].

5. кельт. **drū-na-* 'fest' (< **drū-nó-*): [др.-ирл. *dron* 'fest'; ср. gallorom. *drūtos* 'kräftig, üppig', 'сильный']; герм. **trūēnan* 'trauen', 'верить, доверять(ся); вверять': [гот. *trauen*; др.-исл. *trūa*; др.-англ. *trūwian*; др.-фриз. *triūwa*, *trōwa*; др.-сакс. *trūōn*; др.-в.-нем. *trū(w)ēn* 'trauen'], герм. **trewwu-* 'treu': [гот. *triggws* adj. 'treu, zuverlässig'; др.-исл. *tryggr*; др.-англ. *ze-trūwe*, *ze-trēowe*; др.-вост.-фриз. *triūwe*, др.-зап.-фриз. *trouwe*; др.-сакс. *triuwi*; др.-в.-нем. *gi-triuwi* 'treu']; лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'dick, fest, stark', 'толстый, крепкий, сильный', *drūtai* 'крепко, сильно'; лтш. *drūkts*; прус. *drūktai* 'крепко'.

К структуре корня: и.-е. корень **drēu-* / **drū-* 'быть крепким, надежным' (в ларингалистической интерпретации: **dreh₁u-* / **drh₁u-*): лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'dick, fest, stark', 'толстый, крепкий, сильный', *drūtai* 'крепко, сильно'; лтш. *drūkts*; прус. *drūktai* 'крепко'; акцентовка литовских основ и латышская прерывистая интонация свидетельствуют о рецессивной валентности корневой морфемы, об отклонении в прусском см. [Дыбо 2009: 153]. || [Feist 1939: 479—480, 480; Orel 2003: 411, 410; Fraenkel 1962—1965: 107; IEW: 214—217 (фактически лишь 216—217)].

В. Кельто-италийские баритона.

-to-основы:

1. кельт. **bīto-* (< **bh₁to-*): ирл. *bith* (в praet. pass. *ro-bith*, от Vr. др.-ирл. *benaid* 'schlägt') ~ слав. part. praet. pass. **bītv*, f. **bīta*, н. **bīto*, pras. 1 sg. **bījō*, 3 sg. **bījetv*; греч. φῖτρος m. 'Baumstamm, Holzscheid', φῖμος m. 'Knebel, Maulkorb'. || [Matasović 2009: 65—66; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 431; Isaac 2007: 27 (ошибочно: < **bhih₂-tó-*)].

К структуре корня: и.-е. корень **bhei₂-* / **bh₁-* 'schlagen' (в ларингалистической интерпретации: **bheiH-* / **bhiH-*): слав. part. praet. pass. **bītv*, f. **bīta*, н. **bīto*, русск. *от-б₁т*, *за-б₁т*, н. *от-б₁то*, *за-б₁то*, f. *б₁та*, *от-б₁та*, *за-б₁та*; ср. слав. praes. 1 sg. **bījō*, 3 sg. **bījetv*; part. act. praes. **bījē*, **bījōtji*; inf.-sup. **bīti* ~ **bītv*; aor. 1 sg. **bīxъ*, 3 sg. **bī*; l-part. **bīlv*, f. **bīla*; part. act. praet. **bītv*, f. **bītvšī*; ~ авест. *byente* 'sie bekämpfen, schlagen'; греч. φῖτρος m. 'Baumstamm, Holzscheid', φῖμος m. 'Knebel, Maulkorb'; армян. *bir* 'großer Stock, Keule'; др.-ирл. *ben(a)id* 'schlägt', *ro-bith* 'wurde geschlagen', *bithe* 'geschlagen'. Славянский материал указывает на доминантную валентность этого глагольного корня. || [Дыбо 1961: 15, 19, 31—32; IEW: 117—118 ($\sqrt{\text{bhei}}\text{-}$ / **bh₁-* 'schlagen'); LIV₂: 72 ($\sqrt{\text{b^heiH-}}$ 'schlagen')].

2. кельт. **gnāto-* 'known, usual' [Adj] (< **g_hnto-* < **g_hnt₃-to-*) ~ лтш. *razīts* 'знакомый', др.-в.-нем. *kund*, гот. *kunþs* 'знакомый, известный'. || [Matasović 2009: 162; WH I: 614, Isaac 2007: 27 (ошибочно: < **g_hnoh₃-tó-*)].

К структуре корня: см. под А. -to-основы, 5, др.-лат. **gnōtus*; лабильность корня по отношению к валентности, согласно тоновой интерпретации, должна, по-видимому, раскрываться как первично нисходящий тон корневой морфемы.

3. др.-лат. *gnātus*, -a, -um 'geboren' (< **g_hnto-*) > лат. *nātus* ~ герм. **kúnþa-z* part. 'рожденный'. Относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* (1) 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann'. || [Barber 1932: 118, 130; Heidermanns 1993: 347; Egilsson: 350, 7, 31, 460; IEW: 373—375; Orel 2003: 223; Frisk 1960—1972 I: 306—308; WH I: 597—600; Дыбо 1961: 9—34; Дыбо 2007].

К структуре корня: и.-е. корень $*\hat{g}en\bar{a}/*\hat{g}n\bar{e}/*\hat{g}\bar{n}\bar{e}$ ‘erzeugen’ (в ларингалистической интерпретации: $*\hat{g}enh_1/\hat{g}neh_1/\hat{g}\bar{n}h_1$): нулевая ступень корня, отразившаяся в латинском страдательном причастии прошедшего времени, хорошо представлена в германском: герм. $*k\bar{u}n\bar{p}a$ -z part. ‘рожденный’ [др.-исл. $-kunnr$ в др.-исл. $alf-kunnr$ adj. ‘af alve-herkomst’, $\acute{a}s-kunnr$ adj. ‘oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный’, $regin-kunnr$ adj. ‘fra guderne stammende, om runerne’; др.-в.-нем. aD $gomman-kund$ ‘männlich’, MF $man-kund$ ‘männlich’, T, BR, aD, Ab $got-kund$ ‘göttlich’; и в гот. $ga-kunþs$ ‘Geburt’ (только в $uf gakuþai$ [Luc. 3:23], греч. ἀρχόμενος)]. Относительно доминантности корня ср. также лит. $\acute{z}entas$ (1) ‘зять’ и лтш. $znu\acute{o}ts$ ‘Schwieger-sohn; Schwager, Schwestermann’. || WH I: 597–600; Дыбо 1961: 9–34; Дыбо 2007; IEW: 373–375 ($\sqrt{\hat{g}en-}$, $\hat{g}en\bar{a}$ -, $\hat{g}n\bar{e}$ -, $\hat{g}\bar{n}\bar{e}$ - ‘erzeugen’); LIV₂: 163 ($\sqrt{\hat{g}enh_1}$ - ‘erzeugen’)].

4. кельт. $*-gn\acute{i}to$ - ‘порожденный, сотворенный’ ($< *gn\acute{e}t\bar{o}$ -) part. praet. pass. conjunct. от др.-ирл. praes. 1 sg. $gn\acute{i}u$ ‘ich mache, tue’ ~ лит. $\acute{z}entas$ (1) ‘зять’; лтш. $znu\acute{o}ts$ ‘Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann’. || [Thurneysen 1980: 438; Matasović 2009: 163–164; Fraenkel 1962–1965: 1301; KEWA I: 415, 416; IEW: 373; Isaac 2007: 27 (ошибочно: $< *gn\acute{e}h_1-t\bar{o}$ -)].

К структуре корня: тот же и.-е. корень $*\hat{g}en\bar{a}/*\hat{g}n\bar{e}/*\hat{g}\bar{n}\bar{e}$ ‘erzeugen’ (в ларингалистической интерпретации: $*\hat{g}enh_1/\hat{g}neh_1/\hat{g}\bar{n}h_1$): корень представлен в кельтском в полной ступени второй основы. В отличие от корня $*\hat{g}en\bar{a}/*\hat{g}n\bar{e}/*\hat{g}\bar{n}\bar{e}$ ‘erkennen, kennen’, этот корень показывает доминантность во всех формах (ступенях аблаута) и, следовательно, имеет высокий тон, о чем свидетельствуют балтийские примеры: лит. $\acute{z}entas$ (1) ‘зять’; лтш. $znu\acute{o}ts$ ‘Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann’ ($\sqrt{\hat{g}en\bar{a}/*\hat{g}n\bar{e}/*\hat{g}\bar{n}\bar{e}}$ ‘erkennen, kennen’, как показано выше, имел, вероятно, нисходящий тон). || [Thurneysen 1980: 438; Matasović 2009: 163–164; Fraenkel 1962–1965: 1301; KEWA I: 415, 416; IEW: 373 ($\sqrt{\hat{g}en-}$, $\hat{g}en\bar{a}$ -, $\hat{g}n\bar{e}$ -, $\hat{g}\bar{n}\bar{e}$ - ‘erzeugen’); LIV₂: 163 ($\sqrt{\hat{g}enh_1}$ - ‘erzeugen’)].

5. лат. $gr\acute{a}tus$, -a, -um ‘erwünscht, willkommen’ ($< *g^u\acute{r}t\bar{o}$ -); лтш. to -прич. $dzi\acute{r}ts$ ‘прославленный’ ($< *g^u\acute{r}tos$) от глагола $dzi\acute{r}t$, praes. 1 sg. $dzi\acute{r}u$, praet. 1 sg. $dz\acute{i}ru$ ‘rühmen’. || [WH I: 619; Mühl.-Endz. I: 555; Karulis 2001: 257].

К структуре корня: и.-е. корень $*g^u\acute{e}r\bar{a}/*g^u\acute{r}$ ‘loben, preisen, willkommen heißen’ (в ларингалистической интерпретации: $*g^u\acute{e}rH/\bar{g}^u\acute{r}H$): др.-инд. ведийск. $g\bar{r}\acute{n}\acute{a}ti$ ‘begrüßt, rühmt’, part. praet. pass. $g\bar{u}r\acute{t}\bar{a}h$ ‘приятный, желанный’; доминантную валентность корневой морфемы показывает латышский: лтш. to -прич. $dzi\acute{r}ts$ ‘прославленный’ ($< *g^u\acute{r}tos$) от глагола $dzi\acute{r}t$, praes. 1 sg. $dzi\acute{r}u$, praet. 1 sg. $dz\acute{i}ru$ ‘rühmen’, плавная интонация свидетельствует о неподвижной акцентной парадигме с накоренным ударением (доминантная валентность корневой морфемы); показание латышского подтверждает и старославянский: страдательное причастие **пожърѣнѣи** [Супр. 460¹²] является закономерной заменой баритонированного $-to$ -part. с накоренным ударением. Процесс замены баритонированных $-to$ -part. на $-en$ -part. происходил, по-видимому, во всех южнославянских языках, но следы старого состояния иногда обнаруживаются в среднеболгарских рукописях юго-восточной локализации написания (точнее, конечно, говора писца). Основы баритонированных $-to$ -part. сохраняются в именных образованиях (существительных): **жрътъи** [Супр. 148³⁰]. Латинский рефлекс хорошо согласуется с балтославянским акцентным типом, но рефлекс кельтской презентной основы указывает на окситонезу. || [WH I: 619; Mühl.-Endz. I: 555; Karulis 2001: 257; Meyer 1935: 178–179, 78; IEW: 478 ($\sqrt{*g^u\acute{e}r\bar{a}/*g^u\acute{r}}$ ‘die Stimme erheben’, ‘loben, preisen, willkommen heißen’); LIV₂: 210–211 ($\sqrt{*g^u\acute{e}rH}$ ‘Zustimmung bekunden’)].

6. кельт. $k^w\bar{r}\acute{i}to$ - ‘куплен’ ($< *k^w\bar{r}\acute{i}t\bar{o}$ $< *k^w\bar{r}\acute{i}h_2-t\bar{o}$ -); др.-русск. $k\bar{r}\bar{y}n\bar{u}ti$ ‘купить’, praes. 3 sg. $k\bar{r}\bar{y}n\bar{e}t\bar{y}$, part. praet. pass. $uk\bar{r}\bar{y}n\bar{e}n\bar{y}$ ‘купленный’, который свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы $*k\bar{r}\acute{i}tos$ (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на $-tos$ были заменены причастиями на $-enos$; о существовании ранее в славянском причастия на $-tos$ от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: $no|k\bar{r}\bar{y}n\bar{u}ti$ ‘по искуплении’ [Усп. сб. 207^{В14–15}]) и, соответственно, о неподвижной баритонированной акцентной парадигме данного праславянского глагола. || [Matasović 2009: 182; Льюис-Педерсен 1954: 335; Isaac 2007: 27–28 (ошибочно: $< *k^w\bar{r}\acute{i}h_2-t\bar{o}$ -)].

К структуре корня: и.-е. корень **kreið-/kʷrī-* ‘kaufen’ (в ларингалистической интерпретации: **kʷreih₂-/kʷrih₂-*): др.-инд. *krīnāti* ‘kauft’ (-ī- восстановлено по *kritá*-part.; первичное состояние сохранено в др.-русск. *крьнути* ‘купить, взять’: праес. 3 sg. *крьнеть*). Доминантность корня устанавливается по форме слав. part. praet. pass. || [Matasović 2009: 182; Льюис-Педерсен 1954: 335; Фасмер II: 371—372; IEW: 648 (**kʷrei-* ‘kaufen’); LIV₂: 395—396 (**kʷreih₂-* ‘eintausch, durch Tausch erwerben’)].

7. кельт. *mláto-* м. ‘flour’, ‘мука́’ (< **m̥l̥t̥os* < **m̥l̥H-t̥os*) ~ лит. *miltai* (мн.) (1) ‘мука́’, лтш. *mīlti* (мн.) ‘мука́’; др.-инд. *mṛṇāti* ‘zermalmt, mahlt’, part. praet. pass. *mṛṇā-* ‘размолотый’; слав. праес. 1 sg. **meljǫ̆*, 3 sg. **mèljetь* (а. п. *b*) ~ лтш. *maļt* ‘mahlen’. || [Matasović 2009: 273—274; Дыбо 1961: 18; KEWA II: 698—699; IEW: 716—717; De Bernardo Stempel 1987: 130 (ошибочно: < **m̥l̥H-tó-* ‘gemahlen’)].

К структуре корня: и.-е. корень **melə-/mlē-/m̥l̥-* ‘zermalmen, schlagen, mahlen’ (в ларингалистической интерпретации: **melh₁-/mleh₁-/m̥lh₁-*): др.-инд. *mṛṇāti* ‘zermalmt, mahlt’, part. praet. pass. *mṛṇā-* ‘размолотый’; слав. праес. 1 sg. **meljǫ̆*, 3 sg. **mèljetь* (а. п. *b*) ~ лтш. *maļt* ‘mahlen’; лит. *miltai* (мн.) (1) ‘мука́’, лтш. *mīlti* (мн.) ‘мука́’, плавная интонация в латышском и неподвижные а. п. в литовском и славянском указывают на доминантность корневой морфемы. || Matasović 2009: 273—274; Дыбо 1961: 18; KEWA II: 698—699; De Bernardo Stempel 1987: 130 (ошибочно: < **m̥l̥H-tó-* ‘gemahlen’); IEW: 716—718 (**melə-/mlē-/m̥l̥-* ‘zermalmen, schlagen, mahlen’); LIV₂: 432 (**melh₂-* zerreiben, mahlen’)].

8. лат. *pūto-* (< **p̥t̥to-* в *pūtēre* ‘гниль’) ~ лит. *pūti* ‘faulen, modern’; лтш. *pūt*, praes. 1 sg. *pūstu*, praet. 1 sg. *pūvu* ‘faulen, modern, lange schlafen’. || [WH II: 393; KEWA II: 322; Fraenkel 1962—1965 II: 680—681; Дыбо 1963: 31].

К структуре корня: и.-е. корень **peuə-/p̥r̥-* (в ларингалистической интерпретации: **peuh₁-/p̥uh₁-*): полная ступень в авест. *pavitī* f. ‘Fäulnis, Verwesung’ [Bartholomae 1904: 849] и в лит. *piáuļas* ‘verfaultes, morsches Holz’, pl. *piáuļai* ‘Sägespäne’; лтш. *praūļs* ‘modernes, vermodertes Stück Holz’ (значение лит. pl. указывает на контаминацию с корнем **p̥iāu-* ‘толочь, резать, пилить’, см. [IEW: 827] **p̥ēu-*, лтш. *praūļs* из **p̥iāuļs* в результате диссимиляции); -o- ступень: др.-исл. *feuja* ‘verfaulen lassen’ < **pouəjo-*; нулевая ступень: др.-инд. *pūyati* ‘wird faul, stinkt’, *pūyaḥ* м., -am n. ‘Eiterung, Ausfluß, Eiter’, *pūtiḥ* ‘faul, stinkend’; авест. *pūti* f. ‘Fäulnis, Verwesung’ [Bartholomae 1904: 909]; греч. *πύθω* ‘mache faulen’; лат. *pūteō*, *pūtēscō* ‘faule’; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: греч. *πύον*, *πύος* n. ‘Eiter’ < **p̥ūfo-*; лит. *pūvus* ‘faulbar, verwestlich’, *pūvenos* pl. ‘перегной, гумус’, лит. *pūti* ‘faulen, modern’; лтш. *pūt*, praes. 1 sg. *pūstu* ‘faulen, modern, lange schlafen’, плавная интонация указывает на неподвижную а. п. и, следовательно, на доминантность корневой морфемы. || [KEWA II: 322, 321; Orel 2003: 121; IEW: 848—849 (**p̥r̥-* : **peuə-* ‘faulen, stinken’), 827 (**p̥ēu-* : **p̥au-* : **p̥ū-* ‘schlagen; scharf, schneidend hauen’); LIV₂: 480—481 (**peuH¹* ‘faulen, stinken’), 481—482 (**p̥iēh₂¹* ‘schlagen’: aor. **p̥iēh₂/*pih₂-*; praes. **p̥iēh₂-u-/p̥ih₂-u-*: лит. *piáuju*, лтш. *plāūt*).

9. лат. *rūto-* (< **r̥t̥to-* в *rūta* pl. от **rūtum*), part. praet. pass. от *ruō*, *ruī*, *rūtus*, -ere ‘wühle, scharre’; др.-исл. *rýja* ‘den Schafen die Wolle ausreißen’ ~ слав. праес. 1 sg., **r̥ýjo*, 3 sg. **r̥ýjetь*; to-part. *r̥ýtь*, f. *r̥ýta*, n. *r̥ýto*. || [WH II: 453—454; Дыбо 2000: 228, 278, 497, 510, 522, 542].

К структуре корня: и.-е. корень **r̥āu-/r̥āu-* (в ларингалистической интерпретации: **reh₂u-/r̥h₂u-*): полная ступень в гетеросиллабической позиции в лит. *rovà* ‘nach einer Überschwemmung auf einer Wiese zurückgelassenes Geschiebe’; лтш. *rāva* Līn., Selg., Wandsen, Dond., Kandaу, Kurs., Arrasch, Ruj. **Rückstand nach Überschwemmung auf Wiesen* ⇒ ‘stinkendes, eisenhaltiges Wasser, eine solches Wasser enthaltende sumpfige Stelle’; нулевая ступень в таутосиллабической позиции в лат. *rūta* f. ‘вырытое’, *rūtrum* n. ‘заступ, лопата’, в современных романских языках отражается только краткостный вариант, см. [Meyer-Lübke 1935: 618]; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: слав. **r̥ōvь*, gen. sg. **r̥ōva* > **rovā* < **r̥āuo-* (русск. диал. *ров*, gen. sg. *р́ова*, укр. галицк. сан. Черн. *r̥iv*, gen. *р̥ová*, *р́ова*, pl. *р̥ový*, покут. Печ. *r̥’iv*, gen. *р̥ová*, pl. *р̥ová* — а. п. *d*; подольск. *piv*, gen. sg. *р̥ová*; схрв. литер. *р̥ōv*, gen. sg. *р̥ōva* — а. п. *d* или *c*, диал. Ю. Бараня *r̥ōv*, gen. **r̥ōva* 382, 451, instr.

rovōt*, pl. **rovōvi* 382 — а. п. *b*; а. п. *b* и *d*, см. [ОСА (Словарь): 267—269]); лит. *rāvas* ‘Straßengraben’. Этот корень не удается отделить от корня, представленного в лат. *rūtum* и подобных, поэтому приходится считать с его лабильностью по отношению к валентности и интерпретировать его как имевший нисходящий тон. || [IEW: 868 (√reū-*, √**reū-* : **rū-* ‘aufreißen, graben, aufwühlen; ausreißen; raffen’); LIV₂: 510 (√**reūH*- ‘aufreißen’; (?) **ruH-je-* : an. *ryja* ‘Wolle abreißen’; др.-ц.-слав. *ryjo* (*ryti*) ‘graben’)].

10. лат. *spūtus*, -a, -um ‘выплюнутый’ (< **spiūtō-*), sup. *spūtum* (< **spiūtū-m*), от глагола *spiō* ‘spucke’; др.-инд. *ṣṭhīvati* ‘spuckt, speit aus’ ~ лтш. *splāūt*, praes. 1 sg. *splāiṣu*, супин *splāiṣtu*, to-part. *splāiṣts* ‘выплюнутый’; русск. *плевать*, praes. 1 sg. *плюю*, 3 sg. *плюет*. || [WH II: 580—581].

К структуре корня: и.-е. корень **spiū-*/*spiū-* (в ларингалистической интерпретации: **spieh_{2u}-*/*spih_{2u}-*): полная ступень в лит. *spīova* ‘плевака’, ‘Spucker-(in)’, *spīovimas* ‘плевание’, ‘Spucken, Speien’; лтш. *splāviēns* ‘das einmalige Speien’; -o-ступень, возможно, в авест. *spāma* ‘Speichel, Schleim’ (< **spiōmo-* < **spiōumo-*, с потерей глайда в долгом дифтонге); нулевая ступень: др.-инд. *ṣṭhyūtá-* ‘gespuckt, gespien’; лат. *spūtum* n. ‘плевок’; также в презентных основах: греч. πτύω ‘spucke’; лат. *spiō*; герм. **spūja-* (др.-исл. *spýja*; вост.-фриз. *spūjen* ‘spucken, sprühen’, ср.-нидерл. *spuwen* ‘spucken, speien’); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *ṣṭhīvati* ‘spuckt, speit aus’; герм. **spīwa-* (гот. *speiwan*; др.-англ. *spīwan*, др.-сакс. *spīwan*, др.-в.-нем. *spīwan*, *spīan*). Как показывают балтославянские и приводимые в этом разделе германские данные, глагол имел неподвижную баритонированную а. п. и, следовательно, корневая морфема была доминантной. || [IEW: 999—1000 (√(s)p(h)īēu- : (s)piū- : (s)piū- ‘speien, spucken’); LIV₂: 583—584 (√**sptieūH*- ‘spucken, speien’); Rasmussen 1989: 119].

11. лат. *lātus*, -a, -um ‘breit, breitspuring, gespreizt’ (< др.-лат. *stlātus* < **stl̥tō-* < **stl̥h₂-tō-* или < **stl̥tō-* < **stl̥h₂-tō-*): лтш. *slāt* AP, Bauske ‘(iz)klāt, kraut’ (< **stlā-*); слав. praes. 1 sg. **steljō*, 3 sg. **stèljetь*, l-part. **stlālь*, f. **stlāla*; (?) лит. *tiltas* (1), лтш. *tīlts* ‘мост’. || [WH I: 772; Дыбо 2000: 270; Karulis 2001: 850—851, 852; Mühl.-Endz. III: 924].

К структуре корня: и.-е. корень **stela-*/*stlā-* ‘ausbreiten, flach hinbreiten’ (в ларингалистической интерпретации: **stelh₂-*/*stlh₂-*): лтш. *slāt* AP, Bauske ‘(iz)klāt, kraut’, ‘(разо)стлать, нагрузить’ (< **stlā-*); слав. praes. 1 sg. **steljō*, 3 sg. **stèljetь*, l-part. **stlālь*, f. **stlāla* (русск. *стелю*, *стелешь*, укр. *стелю*, *стелеш*; словен. *stèljet*; болг. *стеля*, *стелиш*, с переходом в *i*-спряжение); (?) лит. *tiltas* (1), лтш. *tīlts* ‘мост’ ~ др.-инд. *tīrtá-* ‘Steig zum Wasser, Furt, Badeplatz’. Балтославянские соответствия указывают на доминантную валентность корневой морфемы. || [WH I: 772; Дыбо 2000: 270; Karulis 2001: 850—851, 852; Mühl.-Endz. III: 924; Fraenkel 1962—1965: 10/94; IEW: 1018—1019 (√**stel-*/*stela-*/*stlā-* ‘ausbreiten, flach hinbreiten’); LIV₂: 594 (√**stel-* ‘hinstellen, bereit machen’)].

12. лат. *strātus*, f. *strāta* ‘расстеленный’ (< **střtō-*); супин *strātum* (< **střtū-m*) от глагола *sternō* ‘breite aus, bedecke, bestreue’; др.-ирл. *sernim* ‘breite aus’; др.-инд. *stṛnāti* ‘breitet aus, streut’, part. praet. pass. *stīrṇáh* ‘ausgebreitet, hingestreut’, *stárīman-* n. ‘Ausbreitung, Ausstreuerung’; эту основу следует отделить от др.-инд. *stṛnóti*, *stáрати* ‘streckt nieder, unterwirft, besiegt’ (ср. [KEWA III: 518]) ~ др.-русск. sg. f. простёрта [Цв. 72б], pl. простёрты [Цв. 57б]; l-part. f. не простёрласа [Увар. 534б], m. простёрль [Цв. III—43]; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3 sg. прóстреть [Сенн. 194г] ([Зализняк 2011, II: 106]); совр. русск. *простёрт*, *простёрта*, ср. также лит. *stīrta* (1), лтш. *stiřta* ‘скирда’ (см. сноску 1). || [WH II: 590—591; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030].

К структуре корня: см. под А. -но-основы, 2, кельт. **starno-*.

13. лат. *sūtus* ‘шитый’ (< **siūtō-*) ~ лтш. *šūts* ‘шитый’; слав. praes. 1 sg. **šijō*, 3 sg. **šijetь*, to-part. **šitь*, f. **šíta*. || [WH II: 631—632; Дыбо 1961: 18; Дыбо 2000: 276, 489, 496, 509, 518—519, 522, 523 (= Дыбо 1981: 221), 542].

К структуре корня: и.-е. корень **siū-*/*siū-* (в ларингалистической интерпретации: **siēh_{2u}-*/*sih_{2u}-*): полная ступень первой основы: др.-инд. *sevanam* ‘das Nähen, die Naht’; полная ступень второй основы: др.-инд.

syota-, *syona-* m. ‘Sack’ (Lex.); нов.-перс. *yūn* ‘Satteldecke’ (< **hyuana-*), — и, возможно, в герм. **sjaumaz* (др.-исл. *saumr* m. ‘Saum, Naht’; др.-англ. *sēam*, др.-фриз. *sām*, ср.-н.-нем. *sōm*, др.-в.-нем. *soum*); нулевая ступень: др.-инд. *syūtā-* ‘genäht’; лат. *sūtus*; лит. *siūtas*, лтш. *šūts*, русск. *шум*, f. *шума*, n. *шумо*; др.-инд. *sūtra-m* (AV.) ‘Faden’; лат. *sūbula* ‘Ahle’ (< **s(i)ū-dhlā*); др.-в.-нем. *siula* ‘Ahle’ (< **sjū-dhlā*); слав. **šidlo* (русск. *шило*, укр. *шило*; болг. *шило*, схрв. *шило*, словен. *šilo*; чеш. *šidlo*, словц. *šidlo*, польск. *szydło*, в.-луж. *šidlo*, н.-луж. *šyđło*, полаб. *saidlú*); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *sīvana-m* ‘das Nähen, die Naht’, *sīvyati* ‘näht’, гот. *siujan*. Балтославянские и германские данные указывают на доминантность корня. || [WH: 631—632; Holthausen 1934: 296; Orel 2003: 329; Фасмер IV: 438; KEWA III: 477—478; IEW: 915—916 (√**sjū-* : **siū-* ‘nähen’); LIV₂: 545 (√**sjeyH-* ‘nähen’); Rasmussen 1989: 115—116, 118].

14. лат. *trītus*, -a, -um ‘abgerieben, geübt’ (< **trī-to-*), от лат. *terō* ‘reibe (ab), zerreibe, dresse’ ~ лит. *trīntas*; лтш. *trīts* ‘тертый’. || [WH II: 672—673; Дыбо 1961: 19; Fraenkel 1962—1965: 1124—1125, 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481—482, 488, 491, 503, 523; IEW: 1071—1073].

К структуре корня: и.-е. корень **terā-/trē-/tr̥-/tr̥i-/tr̥i-* ‘reiben; drehend reiben; durchbohren’ (в ларингалистической интерпретации: **terh₁-/trēh₁-/tr̥h₁-/tr̥h₁i-/tr̥h₁i-*): греч. τείρω ‘reibe (auf), bedränge, quäle, betrübe’, τίρωμι, τίρωα ‘zerreibe, durchbohre’, аор. ετρωσα ‘durchbohre’, fut. τρήσω; лат. *terō*, *trīvī*, *trītum*, *terere* ‘reibe, reibe ab, zerreibe’ ~ лит. *trīntas*, inf. *trīnti*, praes. 1 sg. *trīnū*, praet. 1 sg. *trīniau* ‘(durch)reiben, feilen’; лтш. *trīts* ‘тертый’, inf. *trīt*; слав. praes. 1 sg. **tbr(j)ǫ*, 3 sg. **tbr(j)etb*; inf.-sup. **tbrti-***tbrtb*; аор. 1 sg. **tbrxb*, 2—3 sg. *tbr*; l-part. **tbrlb*, f. **tbrla*; part. praet. act. **tbrb*, f. **tbrbšī*. Таким образом, и балтийские, и славянские формы показывают доминантность корневой морфемы. || [WH II: 672—673; Дыбо 1961: 19; Fraenkel 1962—1965: 1124—1125, 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481—482, 488, 491, 503, 523; IEW: 1071—1073].

15. кельт. **-rē-to-* или **-rī-to-* ‘wurde verkauft’ (< **h₂rē(i)-to-* или < **h₂rāi-to-* < **h₂r_hī-to-*). || [McCone 1991: 37—40; Irslinger 2002: 27—28; Matasović 2009: 313; Isaac 2007: 28 (< **h₂riH-tó-*)].

К структуре корня: и.-е. корень **arē(i)-* ‘geben, schenken’, ‘zählen, rechnen’ (в ларингалистической интерпретации: **h₂reh₁(i)-* ‘geben, schenken’, ‘zählen, rechnen’): лат. *reor*, *ratus sum*, *rēri* ‘berechnen, meinen, dafürhalten’, ‘думать, полагать, считать’, *ritus* ‘religious observances’, ‘религиозный обряд’; греч. ἀριθμός ‘Zahl’, νήριος ‘ungezählt’. || [McCone 1991: 37—40; Irslinger 2002: 27—28; Matasović 2009: 313; Isaac 2007: 28 (< **h₂riH-tó-*); IEW: 59—61, 860; LIV₂: 499].

16. лат. part. praet. pass. *lātus* (< **tlātos* < **tl̥-to-*) ‘getragen’. || [Matasović 2009: 380; IEW: 1060—1061; WH I: 772; II: 688—689].

К структуре корня: и.-е. корень **telā-/tlē(i)-/tl̥-* ‘aufheben, wägen; tragen; ertragen, dulden’ (в ларингалистической интерпретации: **telh₁-/tlēh₁(i)-/tl̥h₁-*): лат. *tollō*, -ere (*sustulī*, *sublātum*) ‘empor, in die Höhe heben’ (< **tl̥nō*, перестроено из **tl̥-nā-mi*), *tulī*, др.-лат. *tetulī*, perf. к *ferō*, др.-лат. conj. *tulam* ‘tragen, bringen’, *lātus* ‘getragen’; ср.-ирл. *tlenaim* ‘stehle’ (**tl̥nāmi*), валл. *flawd* ‘arm’ (*‘duldend’); лтш. *iztilt* ‘aushalten’ [Zb. XVIII, 370] (слоговая интонация не зафиксирована, *izstilt²*, -*stiļu* (Līvāni) od. -*stilstu²* (Pilda), -*stilu*, = *iztilt* ‘aushalten’ (по-видимому, -*il* < **-iļ-*, ввиду совпадения в восточных латышских диалектах плавной и нисходящей интонаций в нисходящей). || [Mühl.-Endz. I: 818; IEW: 1060—1061 (√*tel-*, *telā*, *tlē(i)*, *tlā-*); LIV₂: 622 (√**telh₂-* ‘aufheben, auf sich nehmen’)].

-tu-ОСНОВЫ:

1. кельт. **bīthu-* ‘Schlagen; Wunde’ (< **b^hīth_u-* < **b^hīH-t_u-*) ~ слав. praes. 1 sg. **bījō*, 3 sg. **bījeto*; sup. **bīt^o*; part. praet. pass. **bīt^o*, f. **bīta*, n. **bīto*. || [Matasović 2009: 65—66; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 29, 431; Isaac 2007: 27 (ошибочно: < **bhīh₂-tó-*)].

К структуре корня: см. под В. -to-основы, 1, кельт. **bīto-*.

2. кельт. **brāthu-* ‘judgement’ (< **b^hīth_u-*) ~ лит. *birti*, praes. 3 sg. *birsta* intr. ‘streuen, ausfallen, verstreut, zerstückelt werden, zerbröckeln’; лтш. *bērt* [*beřt* Ruj., Salis] (tr.), ‘schütten,

streuen (vom Getreide, Sand, Asche, Salz u. Ähnlichem)', лтш. *biřt*, praes. 1 sg. *biřstu*, praet. 1 sg. *biru* (intr.) 'streuen, aus-, abfallen, rieseln, fließen (von Tränen)', супин *biřtu* (< **bhř̥tum*). || [Irslinger 2002: 86—87; Stokes 1894: 168f.; Pedersen 1908-1913 I: 115; Mühl.-Endz.: 291—292; Karulis 2001: 122; IEW: 130; LIV₂: 61f.].

К структуре корня: см. под А. -но-основы, 3, кельт. **bar-no-*.

3. лат. *nātus, -ūs* 'Geburt' (< **gnātu-* < **ǵn̥-tu-*)

К структуре корня: см. под В. -то-основы, 4, др.-лат. *gnātus*.

4. кельт. **k^wrīthu-* 'Kauf' (< **k^wrīthu-* < **k^wrīh₂-tu-*) ~ др.-русск. *крънѹти* 'купить', praes. 3 sg. *крънеть*, part. praet. pass. *укриенъ* 'купленный', который свидетельствует о баритонезе праславянской формы **krītos* (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на -*tos* были заменены причастиями на -*enos*); о существовании в славянском причастия на -*tos* свидетельствует производное от него существительное: *по | криѹтии* 'по искуплении' [Усп. сб. 207_{В14-15}] || [Irslinger 2002: 29; Matasović 2009: 182; Льюис-Педерсен 1954: 335; Isaac 2007: 27—28 (ошибочно: < **k^wrīh₂-tó-*)].

К структуре корня: см. под В. -то-основы, 6, кельт. *k^wrīto-*.

5. лат. *spūtum* (< **spiūt_u-m*), супин от глагола *spiō* 'spucke'; др.-инд. *ṣthīvati* 'spuckt, speit aus'; греч. πτύω 'spucke' ~ лтш. *splāūt*, praes. 1 sg. *splāūju*, sup. *splāūtu*, to-part. *splāūts* 'выплюнутый'; русск. *плевáть*, praes. 1 sg. *плюю*, 3 sg. *плюет*. || [WH II: 580—581].

К структуре корня: см. под В. -то-основы, 10, лат. *spūtus*.

6. лат. *strātum* (< **stř̥tu-m*), супин от глагола *sternō, strāvī, strātum, -ere* 'breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue'; др.-ирл. *sernim* 'breite aus'; др.-инд. *strñāti* 'breitet aus, streut', part. praet. pass. *stīrñāh* 'ausgebreitet, hingestreut', *stārīman-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'; эту основу следует отделить от др.-инд. *strñōti, stārati* 'streckt nieder, unterwirft, besiegt' (ср. [KEWA III: 518]) ~ др.-русск. sg. f. *простѣрта* [Цв. 72б], pl. *простѣрты* [Цв. 57б]; l-part. f. *нѣ простѣрлася* [Увар. 534б], m. *простѣрль* [Цв. III—43]; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3 sg. *прбстреть* [Сенн. 194г] ([Зализняк 2011, II: 106]); совр. русск. *простѣрт, простѣрта*, ср. также лит. *stirta* (1), лтш. *stīrta* 'скирда' (см. сноску 1). || [WH II: 590—591; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030].

К структуре корня: см. под А. -но-основы, 2, кельт. **starno-*.

7. лат. *sūtum* (< **sūūt_u-m* < **sūh₁ú-tu-*) — супин от лат. *suō* 'nähe, nähe zusammen' ~ лтш. *šūts* 'шитый'; слав. praes. 1 sg. **šijō*, 3 sg. **šijetv*, to-part. **šitv*. || [WH II: 631—632; Дыбо 1961: 18; Дыбо 2000: 276, 489, 496, 509, 518—519, 522, 523 (= Дыбо 1981: 221), 542].

К структуре корня: см. под В. -то-основы, 13, лат. *sūtus*.

8. лат. *trītum* (< **trī-tu-*) — супин от лат. *terō* 'reibe (ab), zerreibe, dresche' ~ лит. *trintas*, inf. *trinti*, praes. 1 sg. *trinù*, praet. 1 sg. *trýniau* '(durch)reiben, feilen'; лтш. *trīts* 'тертый'. || [WH II: 672—673; Дыбо 1961: 19; Fraenkel 1962—1965: 1124—1125, 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481—482, 488, 491, 503, 523; IEW: 1071—1073].

К структуре корня: см. под В. -то-основы, 14, лат. *trītus*.

-но-ОСНОВЫ:

1. кельт. **flāno-* 'full' (< **p_lno-*) ~ лит. *pilnas*, лтш. *pīlns* 'полный'; слав. **pьlnъ*, f. **pьlna*, n. **pьlno*; афг. *pān*, f. *pāna* 'полный, наполненный'. || [Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76].

К структуре корня: и.-е. корень **pelā-/plē-/pl̄-* ‘gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen’ (в ларингалистической интерпретации: **pelh₁-/pleh₁-/plh₁-*): др.-инд. *pr̥nāti* (*pr̥nāti*) ‘füllt, sättigt, nährt, spendet reichlich, beschenkt’, также *pr̥nōti* то же, *pūryatē* ‘füllt sich’, аор. *áprāt* (: πλῆτο), perf. *paprāu* (: лат. *plēvī*), part. *prātá-* (= лат. *plētus*), *pūrtá-* ‘voll’, *prāṇa-* ‘voll’ (= лат. *plēnus*), *pūrná-* ‘voll’, др.-лит. *pilnas* (1, следы первоначальной баритонезы обнаруживаются у Донелайтиса и у Даукши), лтш. *pīl̄ns* (плавная интонация указывает на первоначальную баритонезу); но др.-инд. *páriman-* ‘Fülle’ долготой *-ī-* указывает на рецессивную валентность корневой морфемы, на это же указывает и лтш. *pīlt* ‘tröpfeln’. Такая двойственность выбора морфемой валентности, свидетельствует, как показано выше, о нисходящем тоне морфемы. || [Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76; IEW: 798—800 (*√*pel-/pelā-/plē-* ‘gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen’); LIV₂: 482 (*√*pleh₁-* ‘sich füllen, voll werden’)].

2. кельт. **grāno-* n. ‘grain’ (< **g₁r̥nō-*); лат. *grānum* n. ‘Korn, Kern’ (< **grānom* < **g₁r̥nō-m*) ~ слав. **zbr̄no* n. ‘Korn’, pl. **zbr̄na*. || [WH I: 618—619].

К структуре корня: и.-е. корень **g₁erā-/g₁r̄ē-/g₁r̄-* ‘morsch, reif werden, altern’ (в ларингалистической интерпретации: **g₁erh₁-/g₁r̄eh₁-/g₁r̄h₁-*): др.-инд. *járatī* ‘macht gebrechlich, läßt altern’, *jíryati*, *júryati* ‘wird gebrechlich, morsch, altert’, part. *jūrná-*, *jír̄ná-* ‘gebrechlich, abgelebt, abgenutzt, zerfallen, morsch, alt’; слав. **zbr̄no* n. ‘Korn’, pl. **zbr̄na*. Доминантность корня показывают славянские данные. || [Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76; IEW: 390—391 (*√*g₁er-/g₁erā-/g₁r̄ē-* ‘morsch, reif werden, altern’); LIV₂: 165 (*√*g₁erh₂-* ‘alt machen’)].

3. лат. **lāna* f. ‘Wolle’ (< **vlānā-* < **u₁l̄nā-*) ~ др.-инд. *úr̄nā-* f. ‘Wolle’; лит. *vilna*, лтш. *vīl̄na* ‘Wolle’; слав. **vbl̄na* f. ‘Wolle’. || [WH I: 756—757; Fraenkel 1962—1965: 1253—1254; Фасмер I: 339—340; Orel 2003: 474].

К структуре корня: и.-е. корень **uelā-/u₁l̄-* в словах для значений ‘волос’ и ‘шерсть’, возможно, от *√*uel-* ‘drehen’ или от *√*uel-* ‘reißen, rupfen’ (в ларингалистической интерпретации: **uelH-/u₁l̄H-*): др.-инд. *úr̄nā-* f. ‘Wolle’, ‘шерсть’; авест. *varnā* f. ‘Wolle’; герм. **wullō* f. [гот. *wulla*; др.-исл. *ull*; др.-англ. *wull*; ср.-н.-нем. *wulle*; др.-в.-нем. *wolla* ‘Wolle’]; лит. *vilna* ‘Wollhärchen’, лтш. *vīl̄na* ‘Wolle’; слав. **vbl̄na*, f. ‘Wolle’ [русск. *во́лна*, укр. *во́вна*, блр. f *во́ўна*; болг. *во́лна*, схрв. *во́йна*; словен. *vótna*; чеш. *vl̄na*, слвц. *vl̄na*; польск. *wetna*]. Балтославянские соответствия показывают накоренное удорение и, следовательно, доминантную валентность корневой морфемы. || [WH I: 756—757; Fraenkel 1962—1965: 1253—1254; Фасмер I: 339—340; Orel 2003: 474; IEW: 1139—1145; LIV₂: 675 (*√*uel-* ‘drehen, rollen’), 677 (*√*uelH-* ‘(sich) wälzen, wallen’)].

4. кельт. **mūno-* ‘urine’ [Noun] (< **m₁ūnō-*) ~ слав. **mýti*, praes. 1 sg. **mýjo*, 3 sg. **mýjetv*; inf.-sup. **mýti~mýtv*; аор. 1 sg. **mýxv*, 2—3 sg. **mýj*; l-part. **mýlv*, f. **mýla*, n. **mýlo*; part. praet. act. **mýsv*, f. **mýsvšī*. || [Matasović 2009: 281; KEWA II: 663—664; Дыбо 2000: 277—278, 307, 310, 330—331, 489, 496, 510, 517; IEW: 741—742].

К структуре корня: см. под А. *-to*-основы, 14, кельт. **muto-*.

5. кельт. **krīno-* (< **kr̄nō-*) ‘welk, decrepit’ ~ др.-инд. *śr̄nāti* (tr.) ‘destroys’ (AV, TB); лат. *cernit* ‘sifts, separates, discerns’ (< **krineti*). || [McCone 1991: 13, 17; Matasović 2009: 224; Льюис-Педерсен 1954: 414; KEWA III: 371—372; Frisk 1960—1972 I: 822, II: 20—21; IEW: 578 (*√ker-* и *kerā- : k̄rē-*)].

К структуре корня: и.-е. корень **kerā-/k̄rē-* ‘versehren’; (intr.) ‘zerfallen, vermorschen’ (в ларингалистической интерпретации: **kerh₁-/k̄reh₁-*): др.-инд. *śr̄nāti* (tr.) ‘zerschmettert, zermalmt, zerbricht’, ‘destroys’, ‘уничтожает, разрушает’, аор. *ásarīt* (AV, TB); part. *śīrná-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u.a.), *a-śīrta-* (*tanu-*) ‘unversehrt (en Leibes)’, *śūrtá-* ‘zerschmettert’ (RV); греч. κῶνει ‘separates, determines’, ‘отделяет, разделяет; определяет’ (< **krin-ye-*), κεῖραῖζω ‘verwüste, plündere’ (< **κεῖραῖ-ίζω*, на основе *κεῖραῖ-ος*; *κεῖρα-* = др.-инд. *śari-*); лат. *cernit* ‘sifts, separates, discerns’, ‘просеивает; отделяет, разделяет; различает’ (< **krineti*). В данном случае, по видимому, кельтский рефлекс причастия является единственным свидетельством акцентуационной ва-

лентности (доминантной) корневой морфемы. || [McCone 1991: 13, 17; Matasović 2009: 224; Льюис-Педерсен 1954: 414; KEWA III: 371—372; Frisk 1960—1972 I: 822, II: 20—21; IEW: 578 (√ *ker-* и *kerə- : krē-*)].

6. кельт. **mlīno-* ‘müde’ (< **blīno-*); лтш. *blīnis* ‘ein müder, matter Mensch, der sich nicht bewegen kann’, лтш. *blīnēt* Doblen, Siuxt ‘sehen, lauern, glupen, gaffen, faulzenen’; схрв. *млїтав* ‘вялый, апатичный, дряблый; нѣмощный, слабый’, *млїтати* ‘faul werden’ [RJA VI: 814] ~ др.-инд. *mlāyati* ‘welkt’; также **mūrṇa-* ‘schlaff geworden, verwelkt’ в ŚB (Kāṇv.) *parimūrṇā*. || [Barber 1932: 117, 121; Heidermanns 1993: 132—133; Raven 1963—1967 I: 10; IEW: 155—156, 716—718; Feist 1939: 99; Orel 2003: 49; Mayrhofer KEWA II: 698—699; Mayrhofer EWA II: 319—320, 387—388, 388—389].

К структуре корня: см. под В. -to-основы, 7, кельт. *mlāto-*.

Таким образом, для данного типа кельто-италийских производных мы получили следующее распределение материала: Табл. 1.

* * *

После того как Фредерик Кортландт познакомил англоязычного читателя с выводами и материалом моей работы [Дыбо 1961] в статье [Kortlandt 1981], изложенные в моей работе данные по сокращению индоевропейских долгот в германских языках в предударном положении перед сонорными были приняты, по-видимому, без возражений. В кельтологии же предложенные материалы и их объяснение вызвали определенную дискуссию, приведшую к ряду результатов фактографического и теоретического характера. С фактографической стороны значительно увеличилось количество материала, требующего и получающего объяснение в рамках предложенной теории.

Исследователи разделились на тех, кто не принимает предложенное мной правило, и тех, кто его принимает (в основном как спорадическое сокращение в предударном положении). Но в ходе дискуссии объем данных увеличивается. Не принимающие правило собирают материал, фактически подтверждающий парадигматический выбор. Так, 30 примеров, приводимых [Isaac 2007], которые, по его мнению, отрицают правило сокращения, на деле достаточно точно соответствуют «второму правилу» (как назвал его В. М. Иллич-Свитыч в статье «О втором правиле Дыбо»). Отбросив мои (и Педерсена!) рефлекс сокращенных **-r̄-*, **-l̄-* > *-ar-*, *-al-*, исследователи заменили их на *-rā-*, *-lā-*. В этой группе наблюдается ряд любопытных примеров. Из них наиболее интересны:

1. кельт. **gnāto* (< **gnā-tō-* < **gnō-tō-* < **gnō-tō-* < **gñeh₃-tō-*) ‘знаток’; др.-лат. **gnōtus* ‘известный’ (< **gñō-tō-*): лат. *nōta* f. ‘знак, отметка’, *nōtare* ‘обозначать, отмечать’, *cognitus* ‘известный, знакомый’, *agnitus* ‘признанный’ предполагают др.-лат. **gnōtus* ‘известный’; ср. др.-инд. *jñātāḥ*, греч. γνωτός ‘известный’ ~ др.-инд. *jānāti*, *jānīte* ‘kennt, weiß, versteit’, *jijñāsate* ‘verlangt kennenzulernen, wünscht zu erfahren’. || [Irslinger 2002; Дыбо 1961: 13; WH II: 177—178; IEW: 376—378; LIV₂; Isaac 2007: 28].

2. кельт. **mrāto-* (н. о) ‘deceit’ (< **mrā-tō-* < **mrā-tō-* < **mrēh₂-tō-* или < **mrā-tō-* < **mr̄-tō-* < **mr̄h₂-tō-*) ~ др.-ирл. *marnaid* ‘betrügt’, ‘обманывает’; др.-инд. *mṛṇāti¹* ‘zermalmt’, ‘дробит, крошит’; *mṛṇāti²* ‘raubt, packt’. || [Irslinger 2002: 271; Isaac 2007: 28 (< **mrh₂-tō-*); Matasović 2009: 279—280; KEWA II: 672—673, 673; Frisk 1960—1972 II: 177—178; Skok II: 472; IEW: 735—736; LIV₂: 440].

3. кельт. **frato-* м., н. ‘grace, virtue, good fortune’ (< **fra-tō-* < **prā-tō-* < **p̄-tō-* < **p̄-tō-* < **prh₃-tō-*) или кельт. **rato-* н. ‘grace, virtue, good fortune’; отглагол. сущ. к *ernaid* ‘gewährt; ver-

Таблица 1. Акцентные типы кельто-италийских отглагольных имен на *-t-* и *-n-*.

-tu-основы	
А. Подвижно-окситонированная а. п.	В. Баритонированная а. п.
1. лат. <i>rūtum</i> (< * <i>rūtú-</i>)	1. лат. <i>sūtum</i> (< * <i>siūtú-</i>)
2. лат. <i>lītum</i> (< * <i>lītú-</i>)	2. лат. <i>spūtum</i> (< * <i>spiūtú-</i>)
3. лат. <i>fūtu-</i> (< * <i>bhūtú-</i> в <i>fūturus</i>)	3. лат. <i>trītum</i> (< * <i>trítú-</i>)
4. лат. <i>cītum</i> (< * <i>kītú-</i>)	4. лат. <i>strātum</i> (< * <i>střtú-</i>)
5. ирл. <i>gūth</i> (< * <i>ghūtú-</i>)	5. лат. <i>nātū-</i> (< * <i>ghūtú-</i> в <i>nātūra</i>)
6. ирл. <i>brūth</i> (< * <i>bhrūtú-</i>)	6. ирл. <i>bíth</i> (< * <i>bhítu-</i> в <i>fo-bíth</i>)
7. ирл. <i>bíth</i> (< * <i>gʷítú-</i>)	7. ирл. <i>bráth</i> (< * <i>bhřtú-</i>)

-to-основы	
А. Подвижно-окситонированная а. п.	В. Баритонированная а. п.
1. лат. <i>rūtus</i> (< * <i>rūtó-</i>)	1. лат. <i>sūtus</i> (< * <i>siūtó-</i>)
2. лат. <i>lītus</i> (< * <i>lītó-</i>)	2. лат. <i>spūtus</i> (< * <i>spiūtó-</i>)
3. лат. <i>fūto-</i> (< * <i>bhūtó-</i> в <i>fūtāre</i>)	3. лат. <i>pūto-</i> (< * <i>pūtó-</i> в <i>pūtēre</i>)
4. лат. <i>cītus</i> (< * <i>kītó-</i>)	4. лат. <i>rūto-</i> (< * <i>rūtó-</i> в <i>rūta</i>)
5. лат. <i>pūtus</i> (< * <i>pūtó-</i>)	5. лат. <i>trītus</i> (< * <i>trító-</i>)
6. лат. * <i>gnōto-</i> (< * <i>ghnōtó-</i>)	6. лат. <i>grātus</i> (< * <i>gʷřtó-</i>)
7. лат. <i>pūto-</i> (< * <i>pūtó-</i> в <i>pūtāre</i>)	7. лат. <i>strātus</i> (< * <i>střtó-</i>)
8. лат. <i>in-clūtus</i> (< * <i>klūtó-</i>)	8. лат. <i>stlātus</i> (< * <i>stlūtó-</i>)
9. лат. <i>de-frūtum</i> (< * <i>bhrūtó-</i>)	9. лат. <i>nātus</i> (< * <i>ghūtó-</i>)
10. ирл. * <i>both</i> (< * <i>bhūtó-</i> в <i>ro-both</i>)	10. ирл. <i>bíth</i> (< * <i>bhító-</i> в <i>ro-bíth</i>)
11. ирл. <i>cloth</i> n. 'Ruhm' (< * <i>klūtóm</i>)	11. валл. <i>prid</i> (< * <i>kʷrító-</i>)
12. валл. <i>brwd</i> 'heiß' (< * <i>bhrūtó-</i>)	12. кельт. * <i>mlāto-</i> 'flour' (< * <i>młtó-</i>)
13. брет. <i>skant</i> 'Schuppen' (< *(s) <i>kñtó-</i>)	13. ирл. <i>gnáth</i> (< * <i>ghñtó-</i>)
14. кельт. * <i>balto-</i> (< * <i>gʷl̥tó-</i>)	14. кельт. * <i>gníto-</i> (< * <i>gnétó-</i>)
15. кельт. * <i>tantā-</i> (< * <i>tñ-tā-</i>)	15. кельт. * <i>rító-</i> (< и.-е. * <i>h₂rétó-/h₂rító-</i>)

-no-основы	
А. Подвижно-окситонированная а. п.	В. Баритонированная а. п.
1. кельт. * <i>darno-</i> 'piece, part' (< * <i>d̥r̥nó-</i>)	1. кельт. * <i>flāno-</i> 'full' (< * <i>pl̥no-</i>)
2. кельт. * <i>starno-</i> 'pavement' (< * <i>st̥r̥nó-</i>)	2. кельт. * <i>grāno-</i> 'grain' (< * <i>gh̥r̥no-</i>)
3. кельт. <i>barno-</i> 'Richter', 'Urteil', 'judgement'	3. лат. <i>lāna</i> 'Wolle' (< * <i>vlānā-</i> < * <i>u̥l̥nā-</i>)
4. кельт. * <i>drūna-</i> 'fest' (< * <i>drū-nó-</i>): др.-ирл. <i>dron</i> 'fest'	4. кельт. * <i>mūno-</i> 'urine' (< * <i>múno-</i>)
5. кельт. * <i>lonno-</i> 'баран (холощенный)' (< * <i>lūnó-</i>)	5. валл. <i>blin</i> 'müde' (< * <i>blīno-</i>)

leiht', 'предоставляет; дает займы, напрокат; награждает'. || [Irslinger 2002: 272; Matasović 2009: 140, 122; IEW: 816 f.; LIV₂: 427].

4. кельт. **strato-* 'valley', 'долина' (**strō-tó* < **strō̄-tó* < **st̥r̥eh₃-tō*): др.-ирл. *srath* m. 'Gras, Rasen, Tal, Grund', 'дно долины'; валл. *ystrad* 'valley'; прагерм. **strōđū-* < **strōpú-* (др.-англ.

strōd n. ‘bewachsenes Sumpfland’, н.-англ. *strood*; др.-в.-нем. *struot* ‘болото, болотистое место; кустарник’, ср.-в.-нем. *struot*, *strût* stf. ‘Sumpf; Gewoge, Flut; Gebüsch, Buschwald, Dickicht’) (< **strōbú-*); греч. στρωτός ‘ausgebreitet’, part. praet. pass. от греч. στρόγυμι ‘breite aus, streue’. || [Irslinger 2002: 275; Isaac 2007: 28: (< **strh₃-tō-*); WH II: 590—591; Holthausen 1934: 327; Lexers 1956: 215a].

5. кельт. **frasnā* ‘part’, ‘часть, доля’ (< **fra-snā-* < **fr̥-snā-* < **pr̥-snā-*): √*perh₃-* ‘bear, provide’. || [Matasović 2009: 138—139 (< **prh₃-snéh₂-* ‘gift, share’); IEW: 817].

6. кельт. **fotlo-* ‘drink, act of drinking’, др.-ирл. *ól, óol* n.: √*peh₃(i)-* ‘trinken’; **pōtlo-* < **pōtlō-* < **peh₃-tlō-* > **potlo-*) || [Matasović 2009: 137—138; LIV₂: 462; IEW: 839—840].

Все три суффикса, представленные в данных производных (субстантивирующий *-tō⁻²*, *-snā-*, *-tlō-*), — доминантные, все корни рецессивны или могут быть таковыми.

1. корень √*ǵn̥eh₃-* ‘erkennen’ — обычно доминантный, но встречается и рецессивное употребление (что, согласно принимаемой мною тонологической интерпретации, свидетельствует о нисходящем тоне);

2. корень √*perh₃-* ‘verschaffen’ (в двух основах) — рецессивный;

3. корень √*sterh₃-* ‘hinbreiten, ausbreiten’ — рецессивный и доминантный (т. е. тоже с нисходящим тоном);

4. корень √*peh₃(i)-* ‘trinken’ — рецессивный;

5. корень √*merh₂-* ‘gewaltsam packen, zerdrücken’ — для установления акцентуационной валентности нет материала.

В основах с акутированными рецессивными корнями при доминантных суффиксах в балтославянском происходила метатония (корни становились доминантными, «рецессивный» акут заменялся «доминантным» циркумфлексом). Ударение при этом падало на вторично доминантный корневой слог. До метатонии ударение, конечно, при рецессивном корне стояло на доминантном суффиксе. Но вся проблема в том, когда произошла эта метатония. В ведийском в словах с рецессивными корнями и с доминантным суффиксом *-tlo-* ударение стоит на корне. Это значит, что метатония в индоевропейском произошла раньше, чем из него выделился индоиранский. Следовательно, в кельтском ударение в этих основах могло стоять на суффиксе лишь в том случае, если он выделился из индоевропейского значительно раньше индоиранского и, по-видимому, раньше всей греко-арийской группы. Нисходящий тон перешел в низкий перед высоким слогом, вероятно, еще раньше. Так как тоновый характер доминантного суффикса — высокий — должен отличаться от характера суффикса, получившего свою доминантность из-за стяжения с ним доминантных окончаний — восходящего, — то позиции двух типов рефлексов рецессивных долгих слоговых плавных и носовых (*-ar-*, *-al-*, *-an-*, *-am-* и *-rā-*, *-lā-*, *-nā-*, *-mā-*) будут разными, и мы можем обойтись без предположения о метатонии в соответствующем слоге. Имеется, однако, один момент, делающий гипотезу метатонии весьма заманчивой: это поствокалический рефлекс слоговых сонантов и носовых в ударном слоге и предвокалический в предударном (см. ниже). Если мы примем, что метатония в подобных основах уже произошла, то можно думать, что резко восходящий акцент на метатонированном корневом слоге вызвал метатезу сочетаний *-ar-*, *-an-* > *-rā-*, *-nā-* и сокращение *-ō-* > *-ǝ-*.

² Суффикс отлагольных прилагательных **-to-* рецессивный, и подвижность их акцентной парадигмы и, соответственно, окситонеза в греко-арийском, кельто-италийском(?) и германском(?) возникла из-за доминантных окончаний.

Таким образом, предложенную Р. Матасовичем рефлексацию **-rǎ-, *-lǎ-, *-nǎ-, *-mǎ-* в виде долгих слоговых плавных и носовых в пракельтском в предударной позиции следует, скорее всего, считать не сокращением первичных рефлексов **доминантных** долгих плавных и носовых (**-rā-, *-lā-, *-nā-, *-mā-*), а метатезой первичных рефлексов **рецессивных** долгих плавных и носовых (**-ar-, *-al-, *-an-, *-am-*) в позиции **перед доминантным** суффиксом. Такое решение позволяет легко объяснить и часто появляющуюся рефлексацию **-rǎ-, *-lǎ-, *-nǎ-* вместо или наряду с рефлексацией **-ar-, *-al-, *-an-* в формах *to-part.* и пассивного претерита: доминантность, первоначально свойственная лишь определенным окончаниям, при стяжении с суффиксальным слогом передается суффиксу, что затем распространяется на всю основу.

* * *

Теперь следует рассмотреть рефлексацию двух акцентных парадигм личных форм пракельтского глагола. Так как этим парадигмам соответствуют две парадигмы балтославянского, которым в корпусе «долготных» глагольных корней соответствуют славянские а. п. *a* и а. п. *c*, обозначим таким же образом и пракельтские акцентные парадигмы. Ниже под арабской цифрой приводятся реконструкция пракельтской презентной основы и соответствующие материалы кельтских языков. Для подтверждения первичного акцентного типа и проверки сохранения парадигматического выбора акцентных типов глагольных категорий и отглагольного словообразования ниже под той же цифрой с добавлением соответствующей буквы латинского алфавита приводятся именные формы глагола и определенные отглагольные именные производные.

А. Глаголы с баритонированной акцентной парадигмой (а. п. *a*).

1) Рефлексы долгих монофтонгов в а. п. *a*.

1. Презентная основа: кельт. **knā-yo-* ‘bite, chew’ [Vb] (< **knā-yo-* < **knéh₂-jo-*); ~ лит. *knóti*, praes. 1 sg. *knóju*, praet. 1 sg. *knóju* ‘zdzierać (kore), odłupywać’; греч. *κνάω* ‘skrobać; łaskotać’, att. 1 sg. *κνῶ* (*κνᾶω*), 3 sg. *κνῆ*, inf. *κνᾶν*, att. *κνῆν*; герм. **hnōjan-* ‘to groove’. || [Matasović 2009: 211; Smoczyński 2007: 303; Frisk 1960—1972 I: 880—881; Kroonen 2013: 237; Orel 2003: 181].

К структуре корня: и.-е. корень **kenə- ~ *knā-* (в ларингалистической интерпретации: **kenh₂- ~ *kneh₂-*) ‘zusammendrücken, kneifen’: полная ступень корня в греч. praes. 3 sg. *κνῆ* (Hdt.) *κνᾶν*, praes. 3 sg. *κνᾶ*, praes. 1 sg. *κνῆθω* ‘schabe, kratze; jucke’; др.-в.-нем. *nūoen* ‘durch Schaben glätten, genau zusammenfügen’; лит. *knóti*, praes. 1 sg. *knóju* ‘драть, обдирать, лупить’, *knótis*, praes. 1 sg. *knójuos* ‘отставать, отдираться, отлупляться’, диал. жемайт. *kniótis*, praes. 3 sg. *kniójas* ‘atšokti, kerti, knotis’ [Vitkauskas 1976: 145]. Доминантность корня показывают германские данные. || [Orel 2003: 180; Frisk 1960—1972 I: 880—881, 887; IEW: 562 (558—563)].

2. Презентная основа: кельт. **rā-yo-* ‘row’ (< **r̥₂-jo-*, как лтш., или < **rō₂-jo-*, как герм.); ~ герм. **rōja-* ‘трести’; лтш. *iřt* ‘rudern’; греч. *ῥέεσσω* ‘rudere’, *ῥετμός* ‘Ruder’; лат. *rēm₂us* ‘Ruder’; др.-ирл. *rāte* ‘Ruder’. || [Matasović 2009: 306; Льюис-Педерсен 1934: 447; Orel 2003: 306; Mühl.-Endz. I: 710; KEWA I: 49].

К структуре корня: и.-е. корень **erē-/r̥₂-* (в ларингалистической интерпретации: **h₁erē₁-/*h₁r̥₂-*): полная ступень первой основы: др.-инд. *arítár-* ‘Ruderer’ (< **erater-* < **h₁erh₁ter-*); греч. микен. *e-re-ta*, греч. *ῥέτης* ‘Ruderer’; полная огласовка второй основы: лат. *rēm₂us* ‘Ruder’; -о-огласовка второй основы (?) или кельтский рефлекс нулевой ступени корня: др.-ирл. *rā-* ‘rudern’ (< **rō-* (?) или < **r̥₂-*); др.-исл. *rōa*; др.-англ. *rōwan*, ср.-и.-нем. *rūejen* ‘rudern’; др.-исл. *rōþr* ‘das Rudern’; др.-англ. *rōðor*, др.-в.-нем. *ruodar* п. ‘Ruder’; нулевая огласовка корня: лит. *irti* ‘rudern’, praes. 1 sg. *iriù*; лит. *irklas* ‘Ruder’; лтш. *iřkls* ‘Ruder’. Доминантность корня показы-

вают балтийские и германские данные. || [Seebold 1970: 381—382; Fraenkel 1962—1965: 187; Trautmann 1923: 105; IEW: 338 ($\sqrt{*er\grave{a}} : *r\grave{e} : *er(e)$ - ‘rudern; Ruder’); LIV₂: 251—252 ($\sqrt{*h_1reh_1}$ - ‘rudern’)].

2а. Отглагольное имя на *-tro-*: др.-инд. *áritram*, *arítram* n. ‘Steuerruder’; *aritraḥ* m. ‘Ruder’ ~ герм. $*r\acute{o}þraz$ ~ $*r\acute{o}þran$ m./n. (др.-исл. *rōþr* ‘Ruder’; др.-англ. *róðer*; др.-фриз. *rōder*; ср.-н.-нем. *rōder*; др.-в.-нем. *ruodar*). || [Orel 2003: 307].

3. Презентная основа: кельт. $*gn\acute{i}y-o-$ ‘beget, create, do’ [Vb] (< $*gn\acute{e}y-o/e-$), формы презенса сохраняют баритонезу, парадигматический выбор акцентных типов подтверждается кельт. $*-gn\acute{i}to-$; ~ др.-инд. *jánati* ‘erzeugt, gebiert’, *jánima*, *jánma* (-an-) n. ‘Geburt, Ursprung’. || [Thurneysen 1980: 438; Matasović 2009: 163—164; KEWA I: 415, 416; IEW: 373—374].

К структуре корня: см. под В. *-to*-основы, 4, кельт. $*-gn\acute{i}to-$.

3а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. $*-gn\acute{i}to-$ ‘порожденный, сотворенный’ (< $*-gn\acute{e}t\grave{o}-$) part. praet. pass. conjunct. от др.-ирл. praes. 1 sg. *gníu* ‘ich mache, tue’. || см. под В. *-to*-основы, 4.

2) Рефлексы кратких и долгих монофтонгов в а. п. а.

4. Презентная основа: кельт. $*be-na-$ < $*bi-na-$ ‘strike, hit’ [Vb], краткость корневого гласного объясняется вставкой *-ne-/n-*инфикса между *i-* и ларингалом; ~ слав. pras. 1 sg. $*b\acute{i}j\acute{o}$, 3 sg. $*b\acute{i}j\acute{e}t\acute{v}$; sup. $*b\acute{i}t\acute{v}$; l-part. $*b\acute{i}l\acute{v}$, f. $*b\acute{i}l\acute{a}$. || [Matasović 2009: 65—66; McCone 1991: 11; Дыбо 1961: 15, 19, 31—32; Pedersen 1908—1913 II: 461 ff., WH I: 502—504; IEW: 117—118 ($\sqrt{bhei(a)}$ -/ $\sqrt{bh\acute{i}}$ -)].

К структуре корня: см. под В. *-to*-основы, 1, кельт. $*b\acute{i}to-$.

4а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. $*b\acute{i}to-$ ‘geschlagen’ (< $*b\acute{i}h_2to-$). || см. под В. *-to*-основы, 1.

5. Презентная основа: кельт. $*k^wri-na-$ ‘buy’ [Vb] (< $*k^wri-ne-h_2-$), краткость корневого гласного объясняется вставкой *-ne-/n-*инфикса между *i-* и ларингалом; ~ др.-инд. *krīṇāti*, с восстановлением долготы $*-ī-$ по неличным формам глагола; ср. др.-русск. *крънѹти* ‘купить’, праes. 3 sg. *крънетъ*, где рефлекс говорит о сохранении первичной краткости; баритонеза подтверждается и славянским материалом: др.-русск. part. praet. pass. *укриенъ* ‘купленный’, ср. ст.-слав. *оукриенъ* ‘куплен’, последний свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы $*kr\acute{i}tos$ (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на *-tos* были заменены причастиями на *-enos*); о существовании ранее в славянском причастия на *-tos* от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: *по|критиѹ* ‘по искуплении’ [Усп. сб. 207_{B14–15}]. || [Matasović 2009: 182; Льюис-Педерсен 1934: 335; Isaac 2007: 27—28 (< $*k^wrih_2to-$ -)].

К структуре корня: см. под В. *-to*-основы, 6, кельт. $*k^wri\acute{t}o-$.

5а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. $*k^wri\acute{t}o-$ ‘куплен’ (< $*k^wrih_2to-$). См. под В. *-to*-основы, 6.

5б. Отглагольное имя (sup.) на *-tu-*: кельт. $*k^wri\acute{t}tu-$ (< $*k^wrih_2tu-$). См. под В. *-tu*-основы, 4.

6. Презентная основа: кельт. $*re-na-$ < $*ri-na-$ ‘count, sell, exchange’, др.-ирл. *renaid* ‘sells’, ‘продает’ (< кельт. $*ri-na-$ < $*h_2r\acute{e}n\acute{a}$ - < $*h_2r\acute{e}neh_1-$), краткостный рефлекс корневого $-r\acute{e}$ - объясняется вставкой *-ne-/n-*инфикса между $-r\acute{e}$ - и ларингалом; долготный рефлекс сохраняется в кельт. $*-r\acute{e}to-$ или $*-r\acute{i}to-$ ‘wurde verkauft’ (< $*h_2r\acute{e}(i)to-$ или < $*h_2r\acute{a}i\acute{t}o-$ < $*h_2r\acute{h}_1\acute{i}to-$): др.-ирл. *-rith* part. praet. pass. conjunct. от *renaid* ‘sells’, ‘продает’; ср. кельт. $*r\acute{i}m\acute{a}$ ‘number, count’ (Noun) [др.-ирл. *rím* [ā f.]; ср.-валл. *rif* [m.]; ср.-брет. *ri(m)* gl. summa]. || [McCone 1991: 37—40; Irslinger 2002: 27—28; Matasović 2009: 313].

К структуре корня: см. под В. *-to*-основы, 15, кельт. $*-r\acute{e}to-$ или $*-r\acute{i}to-$.

6а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. $*-r\acute{e}to-$ или $*-r\acute{i}to-$ ‘wurde verkauft’ (< $*h_2r\acute{e}(i)to-$ или < $*h_2r\acute{a}i\acute{t}o-$ < $*h_2r\acute{h}_1\acute{i}to-$), см. под В. *-to*-основы, 15.

3) Рефлексы кратких и долгих слоговых сонантов в а. п. а.

7. Презентная основа: кельт. **gni-na-* ‘recognize’ [Vb] (< **ǵn̥-neh₃-*), краткостный рефлекс *-n̥-* объясняется вставкой *-ne-/n-*-инфикса между *-n̥-* и ларингалом; долготный рефлекс *-ñ-* (< *-n̥H-*) или долгота второй основы сохраняется в кельт. **gnāto-* ‘known, usual’ [Adj] (< **ǵñto-* < **ǵñh₃-to-*); ~ др.-инд. *jānāti, jānītē* ‘kennt, weiß, versteht’. || [Matasović 2009: 162; KEWA I: 446, 446—447; Fraenkel 1962–1965: 1300—1301; IEW: 377; Дыбо 1961].

К структуре корня: см. под В. *-to-*основы, 3, кельт. **gnāto-*.

7а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **gnāto-* ‘known, usual’ (< **ǵñto-* < **ǵñh₃-to-* или < **ǵnōto-* < **ǵnōh₃-to-*). || [Matasović 2009: 162; Isaac 2007: 27 (< **ǵnoh₃-tō-*)].

7б. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: лат. **gnōto-* < **ǵnōtō-* < **ǵnōh₃-tō-*. || [Дыбо 1961: 19].

7с. Отглагольное имя на *-tro-*: др.-инд. *jñātram* n. ‘Erkenntnisfähigkeit, Einsicht’ ~ прагерм. **knōpla-* [в др.-в.-нем. *be-cnuodelen* ‘ein Erkenntniszeichen geben’] (< **ǵnōtrō-* < **ǵnōtrō-* < **ǵnōtrō-*) и др.-лит. *žėnklas* m. (1) ‘Zeichen’ (DP: nom. pl. *žėktai* 13₁₄, 13₃₀, *žėktai* 14₉, 19₄₆, 225₃₀, 318₁₀, 347₃₄, 355₁₂, 373₅₃, 374₁₇; *žėklai* 254₃₄; gen. pl. *žėktu* 86₇, 201₃₉, 251₃₇, 254₃₃, 254₄₃, 356₁₂, 436₅₀, 457₃₆, 531₃₃ *žė|klū* 7_{13–14}), *žėktu* 68₁₆, 228₁₁, 254₃₇, *žėktu* 155₃₀, *žė|klū* 398_{47–48}, *žėkt[u?]* 228₄; dat. pl. *žėklamus* 51₁₂; instr. pl. *žėktais* 17₂₅, 204₅₀, 380₁₄, 481₃₄, *žėktais* 19₂₃; loc. pl. *žėktūse* 161₄₈; позиции закона Соссюра: instr. sg. *žėktu* 51₇, 51₁₄, 51₂₀, 51₃₂, 54₉, 54₁₂, 54₂₁, 69₃₃, 119₅₀, 152₃₇, 174₄, 294₄₆, 455₂₃, 455₄₃, 455₄₈, 456₃, 456₉, 458₄₃, *žėklu* 51₁₁, 51₂₇, 51₂₇, 51₃₄, *žėktu* 54₁₈, *žėktu* 142₅₄, *žėktu* 455₁₆, *žėktu* 51₂₄; acc. pl. *žėktus* 12₃₁, *žėktus* 19₄₉, 77₃₅, 123₁₈, 181₃₄, 225₃₇, 245₃₃, 265₁, 347₂₉, 375₆, 455₁₅, 481₃, *žė|ktus* 327_{27–28}; еще два примера из DK: instr. sg. *žėktu* 18₂, *žėktu* 19₇³ (< **ǵñh₃-tō-*). || [Fraenkel 1962–1965: 1300—1301; IEW: 377; Дыбо 1961: 19].

8. Презентная основа: кельт. **kri-ni-* ‘sift, shake’ [Vb]: ([IEW] < **-kr̥-nu-t*); ~ др.-инд. *śṛṇāti* tr. ‘zerschmettert, zermalmt, zerbricht’ (AV, TB); part. *śīrṇá-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u. a.), *a-śīrta-(tanu-)* ‘unversehrt(en Leibes)’, *śūrtá-* ‘zerschmettert’ (RV); лат. *cernit* ‘sifts, separates, discerns’ (< **krineti*). || [McCone 1991: 13, 17; Matasović 2009: 224; Льюис-Педерсен 1934: 414; KEWA III: 371—372; Frisk 1960—1972 I: 822, II: 20—21; IEW: 578].

К структуре корня: см. под В. *-no-*основы, 5, кельт. **kr̥i-no-*.

8а. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **kr̥i-no-* ‘welk, decrepit’: др.-ирл. *crín* (W. *crin*) ‘welk’, ‘decrepit’ ([Льюис-Педерсен 1934] ‘увядший’, приводится также ирл. *crínaim* ‘вяну’; валл. *crino* ‘вянуть’); см. под В. *-no-*основы, 5.

9. Презентная основа: кельт. **tlina-* ‘take away, steal’ [Vb] (< **t̥lnā-* < **t̥l̥-ne-h₂-*); ~ лат. *tollo* (< **t̥lnō*, перестройка древнего **t̥lnāmi*) ‘hebe auf, hebe weg, entferne’. На доминантность корневой морфемы может указывать слав. **tolíti*, praes. 1 sg. **toljǫ*, 3 sg. **tōlītъ* — а. п. б. || [Matasović 2009: 380; WH II: 688—689; IEW: 1060—1061].

К структуре корня: см. под В. *-to-*основы, 16, лат. part. praet. pass. *lātus*.

9а. Отглагольное имя на *-to-*: лат. part. praet. pass. *lātus* (< **tlātos* < **t̥l̥-tō-*) ‘getragen’. || [Matasović 2009: 380; IEW: 1060—1061; WH I: 772; II: 688—689], см. под В. *-to-*основы, 16.

9б. Отглагольное имя на *-ti-*: кельт. **tlāti-* ‘weak, sick’ [Adj] (< **t̥l̥-ti-*) ~ греч. τλήσις ‘das Dulden’ (< **t̥l̥tis*); герм. **pūlp̥i* и **pūld̥i*. || [Matasović 2009: 380; Orel 2003: 428; Barber 1932: 31; Feist 1939: 504—505; Frisk 1960—1972 II: 848—849; WH I: 772; II: 688—689; IEW: 1060—1061].

10. Презентная основа: кельт. **kli-nu-* ‘hear’ [Vb] (< **k̥l̥-n-u-*; предложено объяснение этой формы как результата транспозиции формы **klu-ni-*, извлеченной из приставочных

³ Кроме этих примеров и примеров, нерелевантных по отношению к грамматической подвижности и к закону Соссюра, в DP отмечены: **nom.sg.** *žėktás* 54₂₂, *žėktás* 444₃₂; **gen.sg.** *žėktó* 300₉; **acc.sg.** *žėktá* 335₁₁; **instr.sg.** *žėktu* 585₂₃; **nom.pl.** *žėktái* 6₆; **gen.pl.** *žėktú* 354₄₇, 399₄₃, *žėktú* 254₄₈; **acc.pl.** *žėktús* 372₁₅; **instr.du.** *žėktáis* 204₄₇. В DK отмечен **nom.sg.** *žėktás* DK 15₁₅. Эти данные явно не влияют на определение а. п. этого слова.

типа др.-ирл. *ro-cluinethar* [< **fro-kli-nu-tor*], но это предложение лишь ставит под сомнение точность пракельтской реконструкции, не отвергая само сближение); эта этимология точно соответствует др.-инд. *śṛṇōti* (**k̑l̑-neu-*) ‘hört’, *śrudhí* ‘höre’ (= **κλύθι*), part. *śrutá-* (= *κλυτός*), *śrūyate* ‘wird gehört’; авест. *surunaōiti* (**k̑lu-n-*) ‘hört, steht im Rufe, heißt’ и т. д., part. *srūta-* ‘gehört, berühmt’, *srūti* ‘das zu Gehörbringen, Vortrag’, др.-инд. *śraváyati* ‘läßt hören’; греч. κλέ(φ)ω, -ομαι, эп. κλείω ‘rühme’ вторичны; ἔκλυον ‘hörte’ (=др.-инд. *śruvam*), κλύθι, κέκλυθι ‘höre!’, и в плане валентностей согласуется с греч. κλυτός ‘berühmt’, κλειτός ‘berühmt’ (< **κλεφετος*, ср. *γενετή*, лат. *genitus*), что, согласно анализу С. Л. Николаева (1983; 1986), данный корень мог относиться к I классу, т. е. быть доминантным; однако показания балтославянского и германского [др.-в.-нем. *hlūt*, др.-англ. *hlūd*, др.-сакс. *hlūd*, н.-в.-нем. *laut*] относят его к рецессивным. || [McCone 1991: 13; Matasović 2009: 208].

К структуре корня: см. под А. -*to*-основы, 15. кельт. **kluto-*.

10а. Отглагольное имя на -*to-*: кельт. **kluto-* (< **klu-to-* < **k̑lūtó-*) ‘heard’ ~ герм. **xlūdaz* < **xlūpáz*; лтш. *slūt* ‘слыть’; слав. **slǫti*, praes. 1 sg. **slǫvo*, 3 sg. **slovětb*; l-part. *slǫlv*, f. **slylá*, n. **slǫlo*. || [McCone 1991: 13; Matasović 2009: 208; Дыбо 2000: 286], см. под А. -*to*-основы.

В. Глаголы с окситонированной (подвижной) акцентной парадигмой (а. п. с).

1) Сокращение долгого монофтонга в а. п. с.

-*ie*-глаголы:

1. Презентная основа: кельт. **bu-yo-* ‘be, become’ (< **bū-yó-*) ~ др.-инд. inf. *bhávītum*, pass. *bhūyate*; ~ лтш. *būt*, буд. *būšū*, супин *būtu*, part. praet. *būts*, gen. sg. *nuo būtu dienu* [Endz.Gr. 798]; слав. **bǫti*, l-part. *bǫlv*, f. **bylá*, n. **bǫlo*. || [McCone 1991: 37; Irslinger 2002: 400—409; Matasović 2009: 85].

К структуре корня: см. под А. -*to*-основы, 2. кельт. **buto-*.

1а. Отглагольное имя на -*to-*: кельт. **buto-* (< **bhū-tó-*), part. praet. pass. от кельт. **bu-yo-* ‘be, become’. || [McCone 1991: 37; Irslinger 2002: 400—409; Matasović 2009: 85], см. под А. -*to*-основы, 2.

2. Презентная основа: кельт. **dam-yo-* ‘allow, permit, endure’ [Vb] (< **dā̃-íó-* < **dā̃h-íó-*); ~ др.-инд. *dāmyāti* ‘ist zahm; zähmt’ (< **dā̃-ietī*), *dāmtá-* ‘gebändigt’ (< **dā̃-tós*). || [Matasović 2009: 88; IEW: 199—200].

К структуре корня: и.-е. корень **demə-/dāmā-/dā̃-* ‘zähmen, bändigen’ (в ларингалистической интерпретации: **demh₂-/dmeḥ₂-/dā̃h₂-*): др.-инд. *dāmyāti* ‘ist zahm; zähmt’ (см. [KEWA II: 35]: < **dā̃-ietī*), *dāmtá-* ‘gebändigt’ (< **dā̃-tós*); корень в греческом языке относился ко II классу (т. е. был рецессивным), что было показано С. Л. Николаевым в работе «К исторической морфонологии древнегреческого глагола» [Николаев 1983, 1986]. || [KEWA II: 35 (*dāmyāti* Br.); EWA I: 698 (imp. *dāmyata* ‘seid ruhig, seid zahm!’ ŚB); IEW: 199—200 (*dāmyāti*); ОСА (Словарь): 181; Николаев 1983: 80; Николаев 1986: 185—187].

3. Презентная основа: кельт. **gan-yo-* ‘be born’ [Vb] (< **gā̃-íó-* < **gā̃h-íó-*); ~ др.-инд. *jáyate* ‘wird geboren’; авест. *zayeite* ‘wird geboren’, н.-перс. *zāyad* ‘wird geboren’. || [Matasović 2009: 150—151 (< **gā̃yator* < **gā̃h₁-ye-tor*, с падением ларингала перед -*y-* по закону Пино); McCone 1994: 70; IEW: 373—374; LIV₂: 163—165].

К структуре корня: и.-е. корень **genə-/gā̃-/gā̃-* ‘erzeugen’ (в ларингалистической интерпретации: **genh₁-/gā̃h₁-/gā̃h₁-*), см. под В. -*to*-основы, 3—4. Нулевая ступень корня, отразившаяся в латинском страдательном причастии прошедшего времени, хорошо представлена в германском: герм. **kún̄pa-z* part. ‘рожденный’ [др.-исл. *-kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. ‘af alve-herkomst’, *ás-kunnr* adj. ‘oprunden af aserne, af gudeherkomst; богорожденный’, *regin-kunnr* adj. ‘fra guderne stammende, om runerne’; др.-в.-нем. aD *gomman-kund* ‘männlich’, MF *man-kund* ‘männlich’, Т, BR, aD, Ab *got-kund* ‘göttlich’; в гот. *ga-kunþs* ‘Geburt’ (только в *uf*

gakunpai [Luc. 3:23; греч. ἀρχόμενος]). Относительно доминантности корня ср. тж. лит. *žentas* (1) ‘зять’ и лтш. *zniuōts* ‘Schwiegersohn; Schwager, Schwagermann’. В отличие от корня **gēna-/gēnē-/gēnō-* ‘erkennen, kennen’, этот корень показывает доминантность во всех формах (степенях аблаута). Следовательно, в индоевропейском он имел высокий тон, о чем свидетельствуют балтийские примеры (**gēna-/gēnē-/gēnō-* ‘erkennen, kennen’, как показано выше, имел, вероятно, нисходящий тон). Так что поведение данного корня в представленном пассиве легче всего объяснить просодической контаминацией с **gneh₁-/gñh₁-* ‘erkennen, kennen’, — надежнее, чем принимать закон Пино, так как ряд кельтских материалов, приведенных выше, этот закон не поддерживают. || [WH I: 597—600; Дыбо 1961: 9—34; Дыбо 2007; IEW: 373—375].

-не-глаголы:

4. Презентная основа: кельт. **li-na-* ‘течет, льется; заливает’ (< **lī-né-mi* < **lai-né-mi* < **lh₁i-né-mi* или < **lē-né-mi* < **leh₁-né-mi*). || [Matasović 2009: 239; Преображенский: 458—459; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533 (*√lēi-/lai-*); Фасмер II: 504; Fraenkel 1962—1965: 368; Mühl.-Endz. II: 491, 505; WH I: 794—795; IEW: 664—665 (*√lēi-*); ср. McCone 1991: 13, 18 (*√leih₂-*) и LIV₂: 405—406 (*√leiH⁻¹* ‘gießen’)].

К структуре корня: и.-е. корень **lēi-/lī-* (в ларингалистической интерпретации: **leh₁i-/lh₁i-*): лит. *liėti*, praes. 1 sg. *lieju* ‘лить’, *lyti*, praes. 3 sg. *lįja* ‘идти (о дожде)»; лтш. *līt*, praes. 1 sg. *listu* ‘изливаться, струиться’, *liēt*, praes. 1 sg. *leju*, praet. 1 sg. *lėju* ‘лить’; слав. inf. **liti* ~ sup. **lītъ*; praes. 1 sg. **lijō*, 3 sg. **lijetъ*; aor. 1 sg. **līxъ*, 2—3 sg. **lītъ*; l-part. **lilъ*, f. **lilá*, n. **lilo*, part. praet. act. **līvъ*, f. **līvъši*, part. praet. pass. **lītъ*, f. **litá*, n. **lito*; inf. **lvjāti* ~ sup. **lvjatъ*; praes. 1 sg. **lějō*, 3 sg. **lějetъ*; aor. 1 sg. **lvjāxъ*, 2—3 sg. **lvja* или **lvjatъ*; l-part. **lvjalъ*, f. **lvjalá*, n. **lvjalo*; part. praet. act. **lvjavъ*, f. **lvjavъši*; part. praet. pass. **lvjanъ*, f. **lvjaná*, n. **lvjano*. || [Matasović 2009; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533; Фасмер II: 504; Fraenkel 1962—1965: 368; Mühl.-Endz. II: 491, 505; WH I: 794—795; IEW: 664—665 (*√lēi-*); LIV₂: 405—406 (*√leiH⁻¹* ‘gießen’)].

5. Презентная основа: кельт. **de-na-* (< **dī-na-* или **dē-na-*) ‘suck’ [Vb] (< **dhī-ne-mi* < **dhai-ne-mi* < **dhh₁i-ne-mi* или < **dhē-ne-mi* < **dheh₁-ne-mi*), рефлексация личных форм подтверждает их окситонезу; ~ др.-инд. *dháyati* ‘saugt, trinkt’ (< **dhájeti*), *dháyas-* n. ‘das Saugen’; лтш. *dēt*, praes. 1 sg. *dėju* ‘saugen’; слав. caus. inf. **dojiti* ~ супин **dōjitъ*; praes. 1 sg. **dōjō*, 3 sg. **dōjitъ*; l-part. f. **dojilá*. || [Matasović 2009: 99; Льюис-Педерсен 1934: 417; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 575, 641; Mühl.-Endz. I: 465; KEWA II: 93; IEW: 241—242].

К структуре корня: и.-е. корень **dhēi-/dhī-* (в ларингалистической интерпретации: **dheh₁i-/dhh₁i-*), полная ступень этого корня отражена в лтш. *dēt*, *dėju* ‘сосать’ и др.-инд. *dhátaven* ‘zu trinken’, (*payo*)-*dhā-* ‘(Milch) saugend’ (RV), *go-dhā-* ‘*Kuhsaugerin’; греч. *θησαυαί* ‘saugen’, *θη-λή* f. ‘Mutterbrust’; лат. *fēlāre* ‘saugen’ (все с потерей второго элемента долгого дифтонга); нулевая ступень: др.-инд. *dhítá-* ‘gesogen’ (AV+); в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *dháyati* ‘saugt’ < **dhaje-*, *-a-* — регулярный рефлекс *-ə-* перед *-i-* (др.-швед. *dāa* ‘saugen’, датск. *die* ‘saugen’, *vi* ‘сосать (о ребенке)’, *vt* ‘кормить грудью’; ср.-в.-нем. *dien* (*tien*) ‘saugen, die Brust geben’ < **dhāie-*); фонетически закономерное отражение *o*-ступени, по-видимому, лишь в герм. **dajja-* ‘кормить грудью’ (гот. *daddjan* ‘säugen’, др.-швед. *dægga* ‘säugen’) < **dhōi-ēie-* < **dhōi-ēie-*. || [KEWA II: 93, 97—98, 101, 113—114; EWA I: 776—777; Frisk 1960—1972 I: 670—671, 673—674, 676—677, 701; WH II: 374—377; Holthausen 1934: 71, 73; Fraenkel 1962—1965: 87; Mühl.-Endz. I: 154; IEW: 241—242 (*√dhē(i)-* ‘saugen, säugen’); LIV₂: 138—139 (*√d^heh₁(i)-* ‘(Muttermilch) saugen’)].

6. Презентная основа: кельт. *wi-na-* ‘bend, enclose’ [Vb] (< **wi-n-h₂-*) ~ др.-инд. *vyáyati* ‘wraps, envelops’, *váyati* ‘webt’; лат. praes. 1 sg. *vīeō* ‘binde, flechte’, 3 sg. *vīet* ‘bindet, flechtet’, лит. *vūti* ‘вить’; лтш. *vīt* ‘winden; flechten’; слав. inf. **vīti* ~ sup. **vītъ*, praes. 1 sg. **vījō*, 3 sg. **vījetъ*; l-part. **vīlъ*, f. **vīlá*, n. **vīlo*. || [Matasović 2009: 422; McCone 1991: 11; Fraenkel 1962—1965: 1267; Mühl.-Endz. IV: 645; Фасмер I: 322; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); KEWA III: 147; WH II: 786—787].

К структуре корня: см. под А. *-tu*-основы, 9. лат. *vitus* ‘Radfelge’.

6а. Отглагольное имя на *-tu-* и на *-to-*: лат. *vitus* ‘Radfelge’ ~ др.-инд. *vítas* ‘запутанный, витой’ ~ лит. *výtas*, лтш. *vīts* ‘gewunden’ ~ слав. part. **vítъ*, f. **vítǫ*, n. **vító*. || [Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 135], см. под А. *-tu*-основы, 9.

2) Метатеза рефлекса долгого сонанта в а. п. с.

7. Презентная основа: кельт. **bal-ni-* ‘throw away, die’ [Vb] (< **-g^wal-né-mi* < **-g^w̄-né-h*), сокращенная рефлексация **-l̄-* объясняется окситонезой личных форм кельтского глагола, что подтверждается др.-ирл. praet. pass. *at-ru-balt* ‘mortuus est’ (< **-g^w̄-l̄-tó-*) ~ ср. такую же рефлексацию в лат. *vallessit* ‘perierit’ (< **g^w̄-l̄-ná-*); лит. *gilti, gélti*; лтш. *dzel̄t* ‘stechen, brennen, beissen’; герм. **kwelan-* [str. vb.] ‘to be subject to torture, to die’. || [Matasović 2009: 53; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2007: 22; WH II: 729—730; Mühl.-Endz. I: 541; Fraenkel 1962–1965: 145—146; Orel 2003: 227; IEW: 470—471; LIV₂: 207—208].

К структуре корня: см. под А. *-tu*-основы, 10. кельт. **balto-*.

7а. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **balto-* [part. praet. pass.]: др.-ирл. praet. pass. *atrubalt* ‘mortuus est’ < **-g^w̄-l̄-tó-*) от глагола др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’, ‘dies’; лит. *gilti, gélti*; лтш. *dzel̄t* ‘stechen, brennen, beissen’; герм. **kwelan-* [str. vb.] ‘to be subject to torture, to die’. См. под А. *-tu*-основы, 10.

8. Презентная основа: кельт. **bar-na-* ‘proclaim’ [Vb] (ср.-брет. *barn*); ~ др.-инд. *gr̥ṇāti, gr̥ṇtē* ‘singt, lobt, preist, kündigt an’. || [Matasović 2009: 57—58; McCone 1991: 19; IEW: 478].

К структуре корня: см. под В. *-to*-основы, 5. лат. *grātus*.

9. Презентная основа: кельт. **dam-na-* ‘subdue, break a horse’ [Vb]; ~ греч. δάμνᾱμι, ион. δάμνημι ‘bändige’, дор. δμᾱτός ‘gebändig’ (< **d̥m̄-tós*). || [Matasović 2009: 88; IEW: 199—200].

К структуре корня: и.-е. корень **dem̄-/dm̄-/d̥m̄-* ‘zähmen, bändigen’ (в ларингалистической интерпретации: **demh₂-/dmeh₂-/d̥mh₂-*): др.-инд. *dāmyati* ‘ist zahm; zähmt’ (см. [KEWA II: 35]: < *d̥m̄-īeti*), *dāmtá-* ‘gebändig’ (< **d̥m̄-tós*); корень в греческом языке относился ко II классу (т. е. был рецессивным), что было показано С. Л. Николаевым в работе «К исторической морфонологии древнегреческого глагола». || [KEWA II: 35 (*dāmyati* Br.); EWA I: 698 (imp. *dāmyata* ‘seid ruhig, seid zahm!’ ŚB); IEW: 199—200 (*dāmyāti*); ОСА (Словарь) 181; Николаев 1983: 80; Николаев 1986: 185—187].

10. (?) Презентная основа: кельт. **darna-* ‘tear up’; личные основы, вероятно, полностью перестроены по именным производным); ~ др.-инд. *dr̥ṇāti* ‘лопается, трескается, раскалывается’. || Реконструкция основана на неясной валлийской форме [Falileyev 2000: 40; IEW: 206—208; но ср. Stokes 1860: 191, который читает ее как именную; LIV₂: 119].

К структуре корня: см. под А. *-no*-основы, 1. кельт. **darno-*.

10а. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **darno-* ‘piece, part’ [Noun]: ср.-валл. *darn* [m]; ср.-брет. *darn*; корн. *darn* ‘Stück, Teil’, ‘кусочек’ (< **d̥r̄-nó-* < **d̥rh₁-nō*); ~ др.-инд. *dīrnāḥ* ‘доля добычи’. || [Дыбо 1961: 14 (№39); IEW: 206—208; ср. Matasović 2009: 90]; см. под А. *-no*-основы, 1.

11. Презентная основа: кельт. **mar-na-* ‘betray’ [Vb] (< **m̄r̄-né-h₂-* < **m̄r̄-né-h₂-mi*, с восстановлением долготы корневого слога по именным основам); др.-инд. *m̄r̄ṇāti* ‘zermalmt’; *m̄r̄ṇāti*² ‘raubt, packt’; греч. μάραμαι ‘kämpfe’; др.-исл. *merja*, Prät. *marða* ‘schlagen, zerstören’. || [Дыбо 1961: 22; Matasović 2009: 257; 279—280; KEWA II: 672—673, 673; Frisk 1960—1972 II: 177—178; IEW: 735—736; LIV₂: 440].

К структуре корня: и.-е. корень **mer̄-* ‘aufreiben, reiben; gewaltsam packen, zerdrücken; rauben’ (в ларингалистической интерпретации: **merh₂-* ‘gewaltsam packen, zerdrücken’): др.-инд. *m̄r̄ṇāti* ‘zermalmt’, ‘дробит,

крошит'; *mṛṇāti*² 'raubt, packt', *mūrṇā-* 'zermalmt, aufgerieben'; греч. μάρασμα 'Kämpfe', μαράινω 'reibe auf, vernichte'; кельт. **mṛāto-* (n. o) 'deceit', 'обман; измена, предательство': [др.-ирл. *mṛath* [o n.], ср.-ирл. *brath*; ср.-валл. *brad* [m. and f.] 'treachery, trick'; др.-брет. *brat* ~ слав. **mṛvā-* f. 'крошка' (схрв. *mṛva* f. 'kleiner Brocken'; *mṛviti*, -īm impf. 'drobiti'). || [Irslinger 2002: 271; Isaac 2007: 28 (< **mṛh₂-tō-*); Matasović 2009: 279—280; KEWA II: 672—673, 673; Frisk 1960—1972 II: 177—178; Skok II: 472; IEW: 735—736; LIV₂: 440].

11a. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **mṛath* (part. praet. pass. в praet. pass. от др.-ирл. *marnim* 'обманываю'); ~ др.-инд. *mṛṇāti*¹ 'zermalmt'; *mṛṇāti*² 'raubt, packt'; греч. μάρασμα 'Kämpfe'. || [Irslinger 2002: 271; Matasović 2009: 257; 279—280; KEWA II: 672—673, 673; Frisk 1960—1972 II: 177—178; Skok II: 472; IEW: 735—736; LIV₂: 440; Isaac 2007: 28 (ошибочно < **mṛh₂-tō-*).

11b. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **mṛath* 'deceit' [o n].

12. Презентная основа: кельт. **star-na-* (по [McCone 1991: 11], < **stṛṇéti* < **stṛṇāti*, с переносом долготы из неличных форм); ~ др.-инд. *stṛṇāti* 'breitet aus, streut' (< **stṛ-ne-ṛ-ti*), *stārī-man-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'. || [McCone 1991: 11; Matasović 2009: 354; KEWA III: 517—518].

К структуре корня: см. под А. *-no-*основы, 2, кельт. **starno-*.

12a. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **starno-* 'pavement' ~ др.-инд. part. *stīrṇā-* 'ausgebreitet, hingestreut', *stṛṇāti* 'breitet aus, streut', *stārī-man-* 'Ausbreitung, Ausstreuung'. || [Matasović 2009: 354; KEWA III].

13. Презентная основа: кельт. **marw-ā-* 'die' [Vb]. || [McCone 1997: 27; Matasović 2009: 259].

13a. Отглагольное имя на *-wo-*: кельт. **marwo-* 'dead' [Adj] (< **mṛ₂-wō-*). || [Matasović 2009: 259].

3) Метатеза рефлексов краткого и долгого слоговых сонантов в а. п. с.

14. Презентная основа: кельт. **fel-na-* < **fīl-ná-* 'approach, drive' [Vb] (не < **fal-na-*, как в [Matasović 2009]) (< **p_l-né-H-mi*); ~ лат. *pellō* 'strike, drive'; греч. πίλναμαι 'sich nähern'. || [McCone 1991: 19; Matasović 2009: 121; WH II: 276—277; Frisk 1960—1972 II: 536, 494—495].

К структуре корня: см. под А. *-to-*основы, 11, кельт. **falto-*.

14a. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **falto-* 'joint' [Noun]: др.-ирл. *alt* [o n] 'joint, articulation, state' (< **p_l-tō-* < **p_lH-tō-*). || [Matasović 2009: 121; WH II: 276—277; Frisk 1960—1972 II: 536, 494—495]; см. под А. *-to-*основы, 11.

15. Презентная основа: кельт. **fer-na-* < **fīr-na-* 'bestow' [Vb] (не **far-na-*, как в [Matasović 2009]); ~ др.-инд. *pṛṇāti* 'gives'; лат. *parō*, *-āvī*, *-ātum*, *-āre* 'bereite (vor, zu), rüste, schicke mich an; verschaffe mir, erwerbe, kaufe', 'prepare'. || [Matasović 2009: 122; WH II: 256—257].

К структуре корня: и.-е. корень **perə-* 'zuteilen' (в ларингалистической интерпретации и с уточнением (расширением) значения: **perh₃-* 'verschaffen, zuteilen'): др.-инд. вед. *pṛṇāti* 'gibt, schenkt, spendet', *pūrtā-* n., *pūrtī-* f. 'Lohn' = лат. *pars*, *-tis* 'Teil'; греч. πέρωται 'ist (vom Schicksal) bestimmt'; др.-ирл. *rann* 'Teil' (**p_l-snā*); др.-ирл. *ern(a)id* 'gewährt', *ro-rath* 'ist gewährt worden' (**p_l-tō-*). || [IEW: 817 (√**perə-* 'zuteilen'); LIV₂: 474—475 (√**perh₃-* 'verschaffen')].

15a. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **fra-to-*; здесь мы обнаруживаем, как и в ряде других случаев, метатезированный вариант «сокращенного» рефлекса долгого слогового сонанта, то есть рецессивный долгий слоговой сонант ведет себя как перед доминантным суффиксом, см. 16b. || [Matasović 2009: 122; WH II: 256—257].

15b. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **fra-to-* 'grace, virtue, good fortune' [Noun]. || [Matasović 2009: 140, 122; WH II: 256—257].

16. Презентная основа: кельт. **k^wel-na-* 'go around' [Vb] < **k^wil-na-* (не **k^wal-na-*, как в [Matasović 2009: 174]); ~ др.-инд. *cāraṭi* 'bewegt sich, wandert, weidet, treibt', *cāritum*, *caritā-*, *cīrṇā-*, *caritra-*; лат. *colo* 'inhabit, take care of, cultivate'. || [Matasović 2009: 174; IEW: 639—640; LIV₂: 386—388].

К структуре корня: и.-е. корень $*k^{w}el\bar{a}-/*k^{w}l\bar{H}-$ 'drehen, sich drehen, sich herumbewegen' (в ларингалистической интерпретации: $*k^{w}elH-/*k^{w}lH-$): др.-инд. *cáрати* 'bewegt sich, wandert, weidet, treibt', *cáritum, caritá-, cīrṇá-, caritra-*; греч. *πέλω, πέλομαι* 'bin in Bewegung'. Корень относится ко II классу, т. е. рецессивен. || [Matasović 2009: 174; IEW: 639—640; LIV₂: 386—388; Николаев — Старостин 1982].

17. Презентная основа: кельт. $*ster-na- < *stir-na-$ 'strew, broaden' [Vb] (не $*star-na-$, как в [Matasović 2009: 354]); ~ лат. *sternō, strāvī, strātum, -ere* 'breite aus, breite hin, streue hin'; др.-инд. *stṛṇāti* 'breitet aus, streut' RV (< $*stṛ-ne-ṛ-ti$), *stári-man-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'. || [Matasović 2009: 354; McCone 1991, 26; WH II: 590—591; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030].

К структуре корня: см. под А. -no-основы, 2, кельт. $*starno-$.

17а. Отглагольное имя на -no-: кельт. $*starno-$ 'pavement' ~ др.-инд. part. *stīrṇá-* 'ausgebreitet, hingestret', *stṛṇāti* 'breitet aus, streut', *stári-man-* 'Ausbreitung, Ausstreuung'; греч. *στροτός* 'ausgebreitet', *στρομα* n. 'Ausgebreitetes, Teppich, Lager'. || [Matasović 2009: 354; KEWA III: 517—518; IEW: 1029—1030]; см. под А. -no-основы, 2.

* * *

Представленные выше рефлексы отглагольных имен на -to-, -tu- и -no- довольно хорошо согласуются с установленной в балтославянском системой акцентуационных валентностей, но рефлексация двух основ окситонированного типа (а. п. с) заставляет принять для кельтского материала лабильность по отношению к валентностям для двух и.-е. корней: $\sqrt{*ḡenH_1-}$ 'erzeugen' и $\sqrt{*ḡerH-}$ 'Zustimmung bekunden'.

Поскольку рефлексы *ar-*, *al-*, приписываемые кратким слоговым сонантам перед -n-, встречаются исключительно в презенсах с -n-суффиксами (инфиксами), то их следует рассматривать как результат восстановления долготы корневого слогового сонанта под влиянием неличных форм. Аналогичные рефлексы в -iṅ-презенсах также, вероятно, не следует приписывать закону Пино, так как достаточно большой материал не поддерживает предположение о наличии этого закона в кельтском. Наблюдается также возможность двойственности рефлексации кратких слоговых сонантов: *ri, li, ni* под ударением, *-ir, -il, -in* в предударном положении; но обследованный материал пока слишком мал.

Источники

- Цв. — Триодъ Цветная. М., 1591.
- Ев.-апр. — Ев.-апр. № 7364 — Евангелие-апракос (полный), сербская рукопись XV в. РГБ, отдел рукописей, ф. 178, № 7364.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. Цитируется по изданию: Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского. М., 1892.
- Хлуд. — Почерк 112-1596 в рукописи: Сборник, 1560-е гг. ГИМ, Хлуд. 147Д (§ 1.28)
- Сб. №151 — Сборник: среднеболгарская рукопись начала XV века. Библиотека Зографского монастыря, № 151. Четыре листа из этой рукописи находятся в РГБ, № 3070.
- Тар. — Псалтирь. М., 1568 (§ 1.27).
- Увар. — Кормчая, сер. XVI в, ГИМ, Увар. 296 (§ 1.30).
- Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелие от Матфея и от Марка, 1499-1500 г., ГИМ, Синод. 302.

Сокращения

ОСА (Словарь) = Дыбо, Замятина, Николаев 1993.	IEW = Pokorny 1959
Усп. Сб. = Князевская и др. 1971	KEWA = Mayrhofer 1956—1980
ЭССЯ = Трубачёв 1972—	LIV ₂ = Rix 2001
DK = Daukša et al. 1995	Mühl. — Endz. = Mühlenbachs 1923—1932
DP = Wujek et al. 1926	WH = Walde, Hofmann 1930—1956.
EWA = Mayrhofer 1986—2001.	

Литература

- Дыбо В. А. 1961. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балтославянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания* 5. Москва. С. 9—34. [Dybo, V. A. 1961. Sokrashchenie dolgot v kel'to-italijskikh yazykakh i ego znachenie dlya balto-slavyanskoj i kel'to-italijskoj akcentologii. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija* 5. Moskva. S. 9—34.]
- Дыбо В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация. *Балто-славянские исследования*. Москва. С. 67—105. [Dybo, V. A. 1974. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlya indoevropskoj i balto-slavyanskoj akcentologii. I. Imennaya akcentuacija. *Balto-slavyanskie issledovaniya*. Moskva. S. 67—105.]
- Дыбо В. А. 1981. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва. [Dybo, V. A. 1981. *Slavyanskaya akcentologiya. Opyt rekonstrukcii sistemy akcentnykh paradigim v praslavyanskom*. Moskva.]
- Дыбо В. А. 2000. Морфологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. Москва. [Dybo, V. A. 2000. *Morfologizirovannye paradigmaticheskie akcentnye sistemy. Tipologiya i genezis*. Т. 1. Moskva.]
- Дыбо В. А. 2007. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология (глагольная акцентная система западных индоевропейских языков). [Dybo, V. A. 2007. *Balto-slavyanskaya akcentologicheskaya rekonstrukciya i indoevropskaya akcentologiya (glagol'naya akcentnaya sistema zapadnykh indoevropskikh yazykov)*. *Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology*. Zagreb, 2007, p. 47—73.]
- Дыбо В. А. 2009. О системе акцентных парадигм в прусском языке. *Балто-славянские исследования XVIII*. Москва. С. 131—182. [Dybo, V. A. 2009. O sisteme akcentnykh paradigim v prusskom yazyke. *Balto-slavyanskie issledovaniya XVIII*. Moskva. S. 131—182.]
- Дыбо В. А. 2015а. Балтославянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции. *Славистички зборник*, књ. 1. Нови Сад. С. 17—94. [Dybo, V. A. 2015. *Baltoslavyanskaya akcentnaya sistema i itogi indoevropskoj akcentologicheskoy rekonstrukcii*. *Slavistički zbornik*, knj. 1. Novi Sad. S. 17—94.]
- Дыбо В. А. 2015б. Язык — этнос — археологическая культура (северо-западная группа индоевропейских языков с точки зрения акцентологии). *Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности*. Книга 2. Москва. С. 138—193 [Dybo, V. A. 2015a. *Yazyk — etnos — arkheologicheskaja kul'tura (severo-zapadnaya grupa indoevropskikh yazykov s tochki zreniya akcentologii)*. *Aktual'nye etnojazykovye i etnokul'turnye problemy sovremennosti*. Kniga II. Moskva. S. 138—193.]
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. 1993. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Москва. [Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolaev S. L. 1993. *Osnovy slavyanskoj akcentologii. Slovar'. Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*. Moskva.]
- Зализняк А. А. 2011. Труды по акцентологии. Том 2. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.). Москва. [Zalizniak A. A. 2011. *Trudy po akcentologii*. Tom 2. *Drevnerusskij i starovelikorusskij akcentologicheskij slovar'-ukazatel' (XIV—XVII vv.)*. Moskva.]
- Зализняк А. А. 2014. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. Москва. [Zalizniak A. A. 2014. *Drevnerusskoe udarenie. Obschie svedeniya i slovar'*. Moskva.]
- Иллич-Свитыч В. М. 1962. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балтославянском (о «втором правиле Дыбо»). *Краткие сообщения Института славяноведения*. Москва. С. 63—

72. [Illich-Svitych V. M. 1962. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельтско-италийском и балтославянском (о «втором правиле Дыбо»). *Kratkie soobscheniya Instituta slavjanovedeniya*. Moskva. S. 63—72.]
- Льюис Г., Педерсен Х. 1954. *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*. Москва. [Lewis H., Pedersen H. 1954. *Kratkaya sravnitel'naya grammatika kel'tskikh yazykov*. Moskva.]
- Николаев, С. Л. 1983. К исторической морфонологии древнегреческого глагола (части 1-я и 2-я). *Балтославянские исследования* 1982. Москва. С. 68—103. [Nikolaev, S. L. 1983. К istoricheskoy morfonologii drevnegrecheskogo glagola (chasti 1-ya i 2-ya). *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1982. Moskva. S. 68 — 103.]
- Николаев С. Л. 1986. К исторической морфонологии древнегреческого глагола (часть 3-я). *Балтославянские исследования* 1984. Москва. С. 157—208. [Nikolaev, S. L. 1986. К istoricheskoy morfonologii drevnegrecheskogo glagola (chast' 3-ja). *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1984. Moskva. S. 157—208.]
- Николаев, С. Л., Старостин С. А. 1982. Парадигматические классы индоевропейского глагола. *Балтославянские исследования* 1981. Москва. С. 261—343. [Nikolaev, S. L., Starostin S. A. Paradigmaticheskie klassy indoevropskogo glagola. *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1981. Moskva. S. 261—343.]
- Трубачёв О. Н. (ред.). 1972—. *Этимологический словарь славянских языков*. Москва. [Trubachëv O. N. 1972—. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov*. Moskva.]
- Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. 1971. *Успенский сборник XII—XIII вв.* Москва. Указываются столбцы рукописи. [Knyazevskaya O. A., Dem'yanov V. G., Lyapon M. V. 1971. *Uspenskij sbornik XII—XIII vv.* Moskva.]
- Фасмер М. 1964—1973. *Этимологический словарь русского языка*. 4 тома. Москва. [Fasmer. M. 1964—1973. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. 4 toma. Moskva.]
- Barber, C. C. 1932. *Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva*. Heidelberg.
- Bartholomae, Chr. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Straßburg.
- De Bernardo Stempel, P. 1999. *Nominale Wortbildung des älteren Irischen: Stammbildung und Derivation*. Tübingen.
- Daukša, M., V. Jakštienė, J. Palionis, and J. Ledisma. 1995. *Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas. Katechismus von Mikalojus Daukša vom Jahre 1595*. Vilnius.
- Falileyev, A. 2000. *Etymological Glossary of Old Welsh*. Tübingen.
- Feist, S. 1939. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden.
- Fraenkel, E. 1962—1965. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* (2 volumes). Heidelberg.
- Frisk 1960—1972, H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch* (3 volumes). Heidelberg.
- Grassmann, H. 1976. *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Wiesbaden.
- Heidermanns, F. 1993. *Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive*. Berlin.
- Holthausen, F. 1934. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Irslinger, B. S. 2002. *Abstrakta mit Dentalsuffixen im Altirischen*. Heidelberg.
- Isaac, G. R. 2007. *Studies in Celtic sound Changes and their Chronology*. Innsbruck.
- Karulis, K. 2001. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. Riga.
- Kortlandt, F. 1981. More Evidence for Italo-Celtic. *Ériu* 32: 1—22.
- Kroonen, G. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Brill.
- Lexers, M. 1956. *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Leipzig.
- Loth, J. 1883. *Vocabulaire vieux-breton avec commentaire contenant toutes les gloses en vieux-breton, gallois, armoriques, connues, précédé d'une introduction sur la phonétique du vieux-breton et sur l'âge et provenance de gloses*. Paris.
- Matasović, R. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden.
- McCone, K. 1991. *The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures*. Innsbruck.
- Mayrhofer M. 1956—1980. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (4 volumes). Heidelberg.
- Mayrhofer M. 1986—2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* (3 volumes). Heidelberg.
- Meyer, K.H. 1935. *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*. Glückstadt.
- Meyer-Lübke, W. 1935. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Mühlenbachs, K. 1923—1932 *Latviešu valodas vārdnīca* (prepared for publication by J. Endzelin, 4 vols). Riga.
- Orel, V. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden.
- Pedersen H. 1908-1913. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen* (2 volumes). Göttingen.
- Pokorny, J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.
- Rasmussen, J.E. 1989. *Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache*. Innsbruck.
- Raven, F.A. 1963—1967. *Die schwachen Verben des Althochdeutschen* (2 volumes). Gießen.

- Rix, H. 2001. *Lexikon der indogermanischen Verben* (2nd edition). Wiesbaden.
- Seebold, E. 1970. *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. The Hague / Paris.
- Skok, P. 1971—1973. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (3 volumes). Zagreb.
- Smoczyński, W. 2007. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius.
- Stokes, W. 1860. *Cambrica*. *Transactions of Philological Society* 7: 204—249.
- Stokes, W. 1894. *Urkeltischer Sprachschatz*. Göttingen.
- Thurneysen, R. 1980. *A Grammar of Old Irish*. Revised and enlarged Edition with Supplement. Dublin.
- Trautmann, R. 1923. *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen.
- Vitkauskas, V. 1976. *Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas*. Vilnius.
- de Vries, J. 1977. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch* (2nd ed.). Leiden.
- Walde, A. and J.B. Hofmann. 1930—1956. *Lateinisches etymologische Wörterbuch* (2 volumes). Heidelberg.
- Wujek, J, M. Daukša, and M. Biržiška. 1926. *Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas*. Kaunas.

Vladimir Dybo. Proto-Celtic accent system against the background of other north-western Indo-European languages.

In this paper, I revisit the results of my 1961 study on the shortenings of unaccented Indo-European long vowels in Italo-Celtic languages. A significant amount of new material confirming the original hypothesis has been uncovered; however, some of the results are modified as I demonstrate another type of shortenings of the original long sonorants in Celtic languages. I also show that interpretation of the discovered rules in the laryngealistic paradigm is compatible with a more traditional interpretation.

Keywords: prosodic reconstruction, Celtic languages, vowel shortening, accent paradigms, metatony

Accentuation in early Malay and Javanese epigraphy

The paper deals with long vowels in early Old Malay and Old Javanese epigraphy. It is argued that long vowels in inherent wordstock marked stress in Old Malay, hence the shift of the length, resp. stress, if a suffix or enclitic is added to a stressed word. Words lacking the marker of vowel length were phonologically unstressed like Japanese atonal zenhei forms. In early Old Javanese the length was etymological and diacritics showing vowel length could not be used, as in early Old Malay, as stress marks on etymologically short syllables. However, if, due to word formation processes, two long vowels emerged in a word, only the second retained length mark; stress shift akin to that of Old Malay was probably taking place. It appears that both early Old Javanese and early Old Malay were characterized by tonal system of accentuation with sliding tonal platforms.

Keywords: accentuation, tonal systems, epigraphy, Malay, Javanese.

Modern Malay/Indonesian and Javanese know neither dynamic stress or tone nor the differentiation of vowels by quantity/duration (short/long). Early Old Malay and Old Javanese inscriptions, however, regularly marked the length of vowels not only in Sanskrit loanwords where it was phonemically and semantically significant, but also in inherited wordstock where it was quite probably superfluous, at least with regard to Old Malay, or sometimes etymologically unfounded. Hence the need to explain these cases as well as the lack of length marking in a large number of vernacular words. As to stress marking in Old Malay, scholars have long been aware that “[i]n the inscriptions, the quality of the vowel varies with the presence or absence of an accent. This fact, which had already been pointed out by Kern (1913; *VG*, VII: 212–213), is defined as follows by Blagden (1913a: 70): the addition of a suffix, or even simply an enclitic, to the root word, induces a shift in the accent of intensity; it is an old Indonesian law that has become somewhat obliterated in the Malay spoken today in the Peninsula, but classic Malay spelling shows that it was already used at an early date; thus we find *marjahāti* derived from *jāhat*, *datūa* derived from *dātu*, etc.” (Sriwijaya 1992: 64–65). This explanation, however, does not take into account the existence of unstressed vernacular words and therefore fails to describe the system of Old Malay accentuation *in toto*, which is one of the purposes of my paper.

The relevant data are collected from early Old Malay (up to the late 9th century A.D.) and early Old Javanese (up to the early 10th century A.D.) epigraphy, since later texts do not mark vowel length in their Austronesian vocabulary. Early Malay inscriptions originate mainly from South Sumatra and Java. An Old Malay inscription dated to 822 of the Śaka era, i.e. A.D. 900, was encountered in the Philippines, on the Luzon Island. The reading of the relevant passages was verified, whenever possible, from photographs of inscriptions.

Since the principles of unorthodox marking of vowel length in Old Malay and Old Javanese differ, below they will be dealt with separately.

As mentioned above, in Old Malay, when suffixes or enclitics are added to disyllabic words with a long (at least in writing) first syllable, length marking on the latter is transferred to the next syllable.

Cf. the following examples: *dīri* ‘self’ (Telaga Batu: 14) — *dirīña* ‘themselves’ (Ibid. 15); *jāhat* ‘evil; wicked’ (Kota Kapur: 6) — *marjjahāti* ‘to injure, harm’ (Ibid.: 7); *tāhu* ‘to know; knowledge’ (Telaga Batu: 12) — *tahūña* ‘their knowledge’ (Ibid.: 11); *dātu* ‘chief’ (Telaga Batu: 10; Kota Kapur: 4) — *datūa* ‘to become a chief’ (Telaga Batu: 15; Kota Kapur: 4); *waropāyāña* ‘their best means or expedient’ (Talang Tuwo: 4; cf. Sanskrit *varopāya-*); *kasīhan* ‘philtre’ (Karang Brahi: 12–13; Kota Kapur: 6; if the diacritic were indeed marking length, it should have been marked on the first, etymologically long, syllable where the addition of the prefix *ka-* resulted in the fusion of two vowels: *ka-asih-an*, cf. Old Javanese *asih*, *kāsihan* ‘love¹’), cf. Tag. *pag-kasi* ‘love,’ etc.

Thus, it appears that the length-marker in inherited wordstock was restricted to a single syllable of a word.² In Sanskrit loanwords, length continued to be marked after the addition of enclitics, but with the penultimate syllable acquiring an additional ‘length’ as well. This seems to imply that the alleged ‘length’ actually marked stress/tone/pitch. It seems likely that the latter was usually expressed on the ultimate and penultimate syllables, but not on the antepenultimate ones (cf., however, supra, note 2.)³ An additional argument in favour of the above-proposed interpretation of the Old Malay ‘vowel-length’ is the fact that it appears in etymologically short syllables; cf., for instance, *hāji* ‘king’ (the reflex of the same etymon in early Old Javanese where etymological length is regularly marked shows not a single example of the long penultimate syllable.) Moreover, when this Old Malay word was borrowed into Tagalog, it acquired paroxytonal stress in the process: Tag. *harì*, i.e. *hàri?*⁴

It is worth noting that Philippine (and Formosan) reflexes of protolanguage etyma often, though not always, show stress or length on the syllable that is marked as long in Old Malay: Old Malay *hanāu* ‘sugar palm’ (Talang Tuwo: 2) — Bikol *anáhaw*, Tagalog *anàhaw* ‘fan palm,’ etc. (ACD s.v. **qanahaw*; the only reflex with oxytonal stress is Hanunoo *?anahaw* ‘palm species’), Old Malay *dīri* ‘self’ (Telaga Batu: 14) — Tag. *sa-rìli* ‘id.,’ Old Malay *kāyu* ‘tree, wood’ (Talang Tuwo: 3) — Bikol *kāhoy* ‘tree, wood, timber,’ Bontok *ká?ew*, Tag. *kàhoy*, Ilokano *káyo* ‘id.,’ Kankanaey *káiw* ‘wood, timber, tree, shrub,’ etc. (ACD s.v. **kaSiw*,)⁵ Old Malay *tūwa* ‘poison’ (Karang Brahi: 12; Kota Kapur: 5) — Tag. *tùba*, Ilokano *tùba* ‘id.,’ etc. (ACD s.v. **tuba*; all the reflexes are stressed on the penultimate syllable), Old Malay *marsārak* ‘to separate oneself from’ (Talang Tuwo: 10) — Tag. *sàlak* ‘id.,’ Old Malay *lāki* ‘man; male’

¹ As to the meaning of the Old Malay word, cf. Latin *venenum* ‘potent herb; poison’ deriving from *venus* ‘love; charm’ (Ernout, Meillet 2001: 719, 721–722; De Vaan 2008: 660).

² A single exception to this rule, as well as to that of the antepenultimate syllable being unstressed, is Old Malay *larīyākan* (Telaga Batu 9–10) ‘make or help someone to flee.’ cf. *maṃ-lāri* (Ibid.: 9) ‘to flee.’ Unfortunately, in Casparis’s publication the former word is cited in three different forms, i.e. *larīyākan* (Casparis 1956: 33), *-larīyākan* (Ibid.: 40, note 31) and *larīyakan* (Ibid.: 347), and no photograph of the inscription is available to verify the transcription.

³ This is also implied by the fact that in Modern Malay the original vowel **a* (represented in cognate languages such as, for instance, Tagalog and Javanese) changed into schwa in the antepenultimate syllable of trisyllabic forms (cf. the prefixes **ma(N)-*, **pa(N)-* changing into **mə(N)-*, **pə(N)-*, where *N* is any nasal), yet survived in disyllabic words: *makan* ‘to eat’ (cf. *ikan* ‘fish, lit. food,’ a derivate of the same root with the article *i-*), *mabuk* ‘drunk’ (< **buk* ‘drugged’; for more details, see Kullanda 2010), etc. The spelling *kadātuan* (Telaga Batu 8, 11) could be due to the change of *-u-* into *-w-* before a vowel. Cf. also infra, note 9.

⁴ Malay *j* regularly changes into Tagalog *r* in early borrowings; cf. Malay *taraju* ‘scales; balance’ (from Persian *tarāzu* ‘id.’) > Tag. *tararò* (*talàro?*) ‘id.,’ etc.

⁵ Penultimate stress is more prevalent among the relevant cognates, though there are such exceptions as Pan-gasinan *kiéw* ‘tree, stick, timber,’ Agta *kayú* ‘living tree,’ Casiguran Dumagat *kayó* ‘tree, wood, stick,’ Palawan Batak *kayó* ‘wood, tree, stick.’

(Talang Tuwo: 13) — Tag. *la-làki* ‘id,’ Isneg *lâki* ‘male,’ Bontok *lâki* ‘male animal,’ Batad Ifugao *lâki* ‘a male pig’ (ACD s.v. **laki*), Old Malay *lâgi* ‘still; more; moreover’ (Talang Tuwo 9) — Tag. *lâgi?* ‘always’.⁶

At the same time, words without any markers of vowel length, resp. stress, including cases with added enclitics and suffixes, can be encountered in the same inscriptions: *wañakñā* ‘in quantity; numbering’ (Kedukan Bukit: 7), *wañakta* ‘you all’ (Karang Brahi: 6; Kota Kapur: 2), *winiñā* ‘their wives’ (Talang Tuwo: 8), *dalamñā* ‘the inside of’ (Karang Brahi: 7; Kota Kapur: 3), *manñhidupi* ‘to bring up, raise’ (Talang Tuwo: 6), etc. It seems likely that those were phonologically unstressed words, akin to Japanese atonal *zenhei* forms. Interestingly, in Tagalog and some other Philippine languages where stress is phonologically relevant, the reflexes of etyma whose derivatives in Old Malay show no length markers have oxytonal stress which can be regarded, like in Japanese, as a demarcation accent at the end of the phonetic word (cf. Dybo 2005: 103–111): Old Malay *niminumñā* ‘drunk by them’ (Talang Tuwo: 5) — Tag. *uminóm* ‘to drink,’ *inumín* ‘a drink,’ Isneg *inúm*, Bontok *ʔinúm*, Bikol *inôm*, Cebuano *inúm*, Hanunoo *ʔinúm*, etc. ‘to drink’ (ACD s.v. **inum*), Old Malay *mata* ‘eye’ — Tag. *matá*, Bontok *matá*, Bikol *matá*, Ilokano *matá* ‘id.,’ *mata-mata-án* ‘to stare at,’ etc. (ACD s.v. **maCa*),⁷ Old Malay *huma* ‘dry rice field’ — Bikol *umá* ‘lowland rice field, farm, field’, Cebuano *umá* ‘piece of land on which crops or animals are raised, cultivate or till a piece of land’, Ifugaw *umá* ‘a tract of land cleared for cultivation’, Ilokano *umá* ‘clearing, tract of land cleared for cultivation’, Isneg *umá* ‘clear a patch of ground preparing it for a ricefield’, etc. (the only exception is Bontok *ʔúma* ‘cut down grass, make a swidden’), Old Malay *ñiyur* ‘coconut’ — Bikol *niyóg*, Palawan Batak *niyóg*, Ifugaw *niyúg*, Ilokano *nióg*, Pangasinan *nióg*, Tag. *niyóg* ‘id.’, etc. (ACD s.v. **niuR*).⁸ This is indirect evidence in favour of the above-mentioned treatment of Old Malay ‘long vowels’. Yet another argument in favour of the hypothesis that Old Malay words without marked long vowels were phonologically unstressed are Old Malay *mantrā* ‘magical formula’ and *waduā* ‘servant; follower’, being adaptations of Sanskrit *mantra* and *badva* (both with a short final syllable) respectively. Oxytonal stress in Old Malay is implied by Modern Malay *mentera* with *schwa* in antepenultimate and penultimate positions. It seems likely that loanwords without

⁶ The divergence between Old Malay ‘length’ and Tagalog stress can be seen, e.g., in the reflexes of protolanguage etyma with *shwa*. The latter changed to *i* in Tagalog and often attracted stress, especially in the final syllable, while in Old Malay it changed to *a* and, as far as we can judge, remained unstressed: cf. such pairs as Old Malay *dātāṃ* ‘to come’ (Telaga Batu: 18; Kedukan Bukit: 7, 9) — Tag. *datíng* ‘id.’ (cf. Old Javanese *ḍatāṃ* ‘id.’ borrowed from Proto-Malay (?), since in an inherited word **d-* would have changed to *r-*), Old Malay *-tānaṃ* ‘to plant’ (Talang Tuwo: 2) — Tag. *taním* ‘plant’ (cf. Old Javanese *tanāṃ* ‘to plant’), Old Malay *mar-lapas* ‘to free oneself from, to leave’ (Kedukan Bukit 4) (Modern Malay *lepas*) — Tag. *naka-lipas* ‘past, bygone.’ The only exception is Old Malay *dalam(ñā)* ‘the inside of’ — Tag. *lâlim* ‘depth.’ Divergences also occur in the reflexes of etyma with **u* in an open final syllable: cf. Old Malay *āku* ‘I’ (Telaga Batu: passim; Karang Brahi: 9, 14; Kota Kapur: 4, 7, 8) — Bikol *akó*, Hiligaynon *akú*, Tag. *akó*, etc. ‘id.’, Old Malay *wātu* ‘stone’ (Kota Kapur: 7) — Tag. *bató* ‘id.’, Philippine reflexes invariably have oxytonal stress yet cf. Kanakanabu *váatu* ‘stone’ (ACD s.v. **batu_i*)

⁷ The only exceptions are Kanakanaby *máta*, Palawan Batak *máta* ‘eye.’

⁸ True, there are numerous exceptions to this rule that so far defy explanation, e.g. Old Malay *waraṃ* ‘thing, something, whatever’ — Bontok *bálaṃ* ‘take anything, not be particular’, Hanunoo *báraṃ* ‘perhaps’, Isneg *báraṃ* ‘if perhaps, haply, let us hope’, Kanakanaby *bálaṃ* ‘provided, it is to be seen if’. Occasionally reflexes of relevant protolanguage etyma are controversial with regard to stress: Old Malay *sumpaḥ*, *parsumpahan* ‘oath’ — Bikol *sumpá?* ‘oath’, Tag. *sumpâ* id., *parsumpáin* ‘to swear in, administer the oath’, Pangasinan *sumpá* ‘amulet, antidote, oppose, resist’, yet Hiligaynon *súmpa?* ‘oath, sworn statement, vow’, Casiguran Dumagat *súmpa* ‘oath, pledge, act of swearing’, etc., Old Malay *wulan* ‘moon; month’ — Kanakanabu *vuáne*, Tag. *buwán* (intervocalic *l* was regularly dropped in Tagalog inherited wordstock), Casiguran Dumagat *bulán*, Pangasinan *bulán*, yet Bontok *búlan*, Ilokano *búlan*, Isneg *búlan* id.

long syllables that were not regarded, like inherited words, as phonologically atonal, could acquire a regular oxytonal stress instead of a demarcational one.⁹

This system is strikingly similar to that of Tagalog. The latter also shows “the ‘sliding’ character of accent contour: oxytones transmit their accent to the following syllable of suffix, thus restoring oxytonese in derivates. Similarly paroxytones, while suffixed, transmit their accent to the next syllable restoring paroxytonese in derivates... This ‘sliding’ type of accent contours sends us in search of analogies to this paradigmatic accent system among tonal languages with ‘sliding’ tonal platforms” (Dybo 2005: 174; the translation is mine.)

Thus, it seems likely that the language group ancestral to (Old) Malay and Tagalog was characterized by a tonal system of accentuation with sliding tonal platforms.

The accentuation in early Old Javanese was somewhat different. The length there was invariably etymological, arising after the loss of a consonant owing to either a compensatory lengthening or a fusion of identical vowels. It was clearly regarded as such by early Old Javanese speakers, and, therefore, diacritics indicating vowel length could not be used as stress marks on short syllables.¹⁰

However, if, due to word formation processes, two long vowels emerged in a word, only the second retained length mark: *rāma* ‘village elder’ (Kurungan 1a: 4) — *karamān* ‘village council’ (Ibid. 1a: 1); *nāyaka* ‘title of an official’ (a Sanskrit loanword) (Mantyasih I, 2a: 9) — *kanayakān* ‘corporation of *nāyaka*’s’ (Ibid. 1b: 3); *banyāga* ‘merchant’ (a Prakrit loanword, cf. Sanskrit *vaṇijaka*-) (passim in inscriptions) — *kabanyagān* ‘guild of merchants’ (Tulang Air I, a: 34). As it appears from the above-cited examples, this rule was applied not only to inherited wordstock, but also to assimilated borrowings. It can be surmised that vowel length acquired stress/tonal characteristics as well, as it is the case in Russian where the stressed vowel is longer than the unstressed; hence the formation of a ‘sliding’ accent contour in Old Javanese

⁹ At first glance it would seem that the Old Malay alternation *kadātuan/kadatuan* ‘state, principality; princely residence’ (the reality of spelling without length marking was verified from the photograph of the Kota Kapur inscription where one can see the forms *dātu* and *datūa* as well) defies interpretation. It can be surmised, however, that here we have to do with an attempt to distinguish artificially, at least in writing, different shades of meaning: for instance, *kadatuan* in the word combination *kadatuan śrīwijaya* clearly means ‘the kingdom of Śrīwijaya’ while *kadātuan* in the Telaga Batu inscription may well signify ‘residence, palace’. Such alternation of long and short vowels was practiced, e.g., in Old Javanese in order to avoid undesirable homonymy. Thus, the word *rāma* meaning ‘father’ was written with a short vowel in the first syllable and the same word meaning ‘village elder’ — with a long one, though etymologically the relevant vowel was long in both cases. It goes back to the fusion of vowels of the honorific prefix *ra-* and the word *ama* ‘father’ (cf. Paiwan *ama*, Tagalog *amá*, etc. ‘id.’). A similar expedient was used in Russian before the reform of orthography in 1918: the divergent reflexes of a formerly single word were written as *миръ* in the meaning ‘peace’ yet as *миръ* (in violation of the orthography, since *i* could not be used in preconsonantal position) in the meaning ‘world; universe’.

¹⁰ True, many linguists believe that “characters and diacritics denoting long vowels had been borrowed in the course of adoption of Indian script for the transcription of Sanskrit words, while in the inherent lexemes vowel length was marked arbitrarily... For example, A.K. Ogloblin holds, after L.-Ch. Damais, that long vowels in the original Javanese words “...had the only function of fulfilling metre requirements in quantitative verses of Indian origin;... the opposition of long and short vowel was not functional, except in learned poetry... only an enormous number of borrowings serve as a support for the quantitative opposition...” (Ogloblin 1996: 50). At the same time, Ogloblin agrees that a compensatory lengthening of a vowel after the loss of **R* could have taken place occasionally, as in *ulā* [snake. — S.K.] from **ulaR* (Ibid.)... Yet such an explanation would imply that the scribes in the ninth-century Java were versed in historical linguistics: otherwise, given the alleged irrelevance of vowel length in Old Javanese, they could hardly have correctly identified the etymological length of a vowel. The only alternative to such a far-fetched assumption is the hypothesis that at least at the time of the borrowing of writing the relevant phonemes were long and differed in quantity from the short ones” (Shmelev 2002: 76–77).

that resembles, though by no means is identical to that of Old Malay and Tagalog. It is not inconceivable (though, of course, indemonstrable) that words containing only short vowels were phonologically unstressed, like the above-mentioned Japanese *zenhei* forms, and their accentuation eventually spread to once-stressed words, which led — as it did, *mutatis mutandis*, in Malay — to the formation of the modern Javanese system.

It may be inferred that Old Malay and Old Javanese literati elaborated original conceptions of stress/tone in their native languages, not going back to Sanskrit grammar, as well as means for stress marking.

References

- ACD — *The Austronesian Comparative Dictionary*, web edition. By Robert Blust and Stephen Trussel. Available: www.trussel2.com/ACD (ongoing: 2010–), revision 7/2/2015
- Blagden 1913[a] — C.O. Blagden. The Kota Kapur (Western Bangka) Inscription. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*, 64: 69–71.
- Casparis 1956 — J.G. de Casparis. *Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Century A.D.* II. Bandung: Masa Baru.
- Coedès 1930 — Georges Coedès. Les inscriptions malaises de Çrīvijaya. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*, 30: 29–80.
- Dybo 2005 — V.A. Dybo. Raboty E.D. Polivanova po japonskim aktsentnym sistemam i obschaja aktsentologija. In: *Aktual'nye voprosy japonskogo i obshego jazykoznanija. Pamjati I.F. Vardulja*. Moscow: 101–176.
- Ernout, Meillet 2001 — Alfred Ernout, Antoine Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. Paris.
- Kern 1913 — H. Kern. Inscriptie van Kota Kapur (eiland Bangka ; 608 Çāka). *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van de Koninklijk Instituut* 67: 393–400 (reprinted in: H. Kern. *Verspreide Geschriften* VII: 205–214).
- Kullanda 2010 — Sergey Kullanda. The etymology of Malay *amuk*. *Studia Anthropologica: Sbornik statej v chest' M.A. Chlenova*. Pod red. A.M. Fedorchuka i S.F. Chlenovoj. Moscow/Jerusalem.
- Ogloblin 1996 — A.K. Ogloblin. *Oчерк diaхronической типологии малайско-яванских языков*. Moscow.
- Shmelev 2002 — Aleksei A. Shmelev. Long vowels in Old Javanese: were they phonemic? *Malay-Indonesian Studies* XV. Moscow: Nusantara Society and The Asia and Pacific Museum: 76–81.
- Sriwijaya 1992 — *Sriwijaya: History, Religion and Language of an Early Malay Polity*. Collected Studies by George Coedès and Louis-Charles Damais. Monograph of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society no. 20. Kuala Lumpur.
- De Vaan 2008 — Michiel de Vaan. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden/Boston.

С. В. Кулланда. Акцентуация в ранней древнемалайской и древнеяванской эпиграфике.

В статье рассматривается обозначение долгих гласных в ранней древнемалайской и древнеяванской эпиграфике. Автор считает, что в письменном древнемалайском долгие гласные в исконных словах обозначали ударные слоги, отсюда переход долготы, resp. ударения, на последующий слог при добавлении суффикса или энклитики. Слова без обозначения долготы были, видимо, фонологически безударными, подобно японским дзенхайным формам. В раннем древнеяванском долготы была обусловлена этимологически, поэтому ею не могли обозначаться, как в малайском, этимологически краткие слоги. Однако если в процессе словообразования в слове появлялись два долгих гласных, первый из них терял на письме долготу, т.е. происходил, как и в древнемалайском, переход ударения. Видимо, в обоих языках существовала акцентуационная система со скользящими тональными платформами.

Ключевые слова: акцентуация, тональные системы, эпиграфика, малайский, яванский.

М. А. Живлов

Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва); zhivlov@yandex.ru

Saskia Pronk-Tiethoff.

The Germanic loanwords in Proto-Slavic.

Leiden Studies in Indo-European 20. Amsterdam / New York, NY: Rodopi, 2013. 316 pp.

Книга Саскии Пронк-Титхофф «Германские заимствования в праславянском» основана на докторской диссертации, защищенной автором в Лейденском университете в ноябре 2012 года под руководством А. Лубоцкого и Ф. Кортландта. Автор ставит перед собой двойную цель — представить новый обзор германизмов в праславянском и установить правила, по которым германские заимствования приписываются к одной из праславянских акцентных парадигм (а. п.). Необходимость в таком исследовании давно назрела: последние исследования по этой теме вышли до революции в славянской акцентологии, начавшейся с выхода книги Х. Станга [Stang 1957] и продолженной в работах В. М. Иллич-Свитыча и В. А. Дыбо. Соответственно, все выводы, касающиеся акцентуации германизмов в праславянском, должны быть пересмотрены в свете современных представлений о славянской акцентологии.

Книга состоит из предисловия, восьми глав, библиографии и указателя. В главе первой (1. Introduction) дается общий обзор использованных источников и литературы по теме. Вторая глава (2. The Proto-Slavic prosodic system), представляет собой краткое изложение основных терминов славянской акцентологии. В третьей главе (3. Research history on the accentuation of Germanic loanwords in Proto-Slavic) автор излагает существующие в литературе взгляды на акцентуацию праславянских германизмов. Глава 4 (4. Language contact between Proto-Slavic and Germanic tribes) представляет собой обзор внешней истории германских и славянских языков. Пятая глава (5. The main corpus: Germanic loanwords in Proto-Slavic) содержит основную сводку материала по достоверным германизмам в праславянском; рассматриваемые слова сгруппированы по славянским акцентным парадигмам. К сожалению, автор, по всей видимости, не имела возможности во время написания книги воспользо-

ваться «Древнерусским и старовеликорусским акцентологическим словарем-указателем» А. А. Зализняка [Зализняк 2011]. Со времени издания рецензируемой книги вышла новая, значительно более полная версия акцентологического словаря Зализняка — «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь» [Зализняк 2014]. Данные этого словаря могут быть использованы для того, чтобы проверить и дополнить представленную в рецензируемой работе акцентологическую реконструкцию. Так, на с. 121 автор, полемизируя с В. Кипарским, отвергает предложенную последним реконструкцию а. п. *a* для слова **rylkъ* ‘полк’ и на основании сербохорватских данных предлагает восстанавливать а. п. *b*. Этот вывод подтверждается данными словаря Зализняка [Зализняк 2014: 485].

В шестой главе (6. Words that cannot be regarded as certain Germanic loanwords in Proto-Slavic) рассматриваются как возможные германизмы, для которых есть альтернативные этимологии (исконное происхождение, заимствование из латинского), так и слова, германское происхождение которых может быть окончательно отвергнуто. Седьмая глава (7. The origin of the loanwords) посвящена подробному разбору критериев, по которым можно установить конкретный источник — готский или западногерманский — праславянских германизмов. Также в главе дается семантическая классификация германских заимствований. В восьмой главе (8. Accentological analysis of the material) автор предлагает свое объяснение распределению германизмов по славянским акцентным парадигмам.

Основные выводы автора можно вкратце изложить так. Все германизмы в праславянском разбиваются на две группы: заимствования из готского и заимствования из западногерманских (собственно, верхне- и нижненемецких) диалектов. Нет оснований выделять отдельный слой заимствований из прагерманского; кроме того, автор отвергает суще-

ствование таких заимствований по историко-географическим причинам. Подавляющее большинство германизмов имеют а. п. *a* или *b*, что ожидаемо, т. к. неподвижное германское ударение едва ли могло субституироваться подвижным славянским. Заимствования с краткостным слоговым отрезком в корне (light syllabic nucleus) автоматически получают а. п. *b*, поскольку такие слова не могут иметь а. п. *a* по фонетическим причинам. Слова с долготным слоговым отрезком в корне (heavy syllabic nucleus) по умолчанию также получают а. п. *b* и имеют а. п. *a* лишь в двух типах случаев. Первый — это праславянские *o*-основы мужского рода, восходящие к германским словам мужского рода. В результате действия правила Иллич-Свитыча имена мужского рода с неподвижным ударением и неаккутированным корнем (т. е. те имена мужского рода, которые по общим правилам должны были бы относиться к а. п. *b*) перешли в праславянском в а. п. *c* (автор не признает реконструкции а. п. *d*). Поскольку после действия этого правила в праславянском не было *o*-основ мужского рода, принадлежащих к а. п. *b*, заимствованные *o*-основы мужского рода получали а. п. *a*. Это правило относится к заимствованиям как из готского, так и из западногерманского. Следовательно, правило Иллич-Свитыча действовало до проникновения в праславянский германских заимствований: иначе они получили бы а. п. *b* и затем вместе с исконными словами перешли бы в а. п. *c* (или а. п. *d* по версии Московской акцентологической школы). В свою очередь, тот факт, что германизмы по умолчанию относятся к а. п. *b*, указывает, что заимствование имело место до действия закона Дыбо (после него неподвижное ударение на первом слоге имели только слова а. п. *a*).

Второй случай, в котором германизмы получают а. п. *a*, касается только заимствований из западногерманского. Такие заимствования, по мнению автора, получают а. п. *a*, если их корни оканчиваются на глухой смычный. Это распределение объясняется автором в духе глоттальной теории в ее «лейденской» версии: праславянский акут фонетически интерпретируется как глоттализация гласного (ср. прерывистую интонацию в латышском), а для прагерманских глухих смычных (восходящих к праиндоевропейским «звонким», т. е., согласно данной теории, глоттализованным) предполагается преглоттализованное произношение. Есть и отдельные исключения из постулируемых автором правил. Дальнейшие исследования в области акцентологического анализа германизмов в праславянском должны быть сосредоточены на анализе и

объяснении этих исключений, а также перепроверке акцентологических реконструкций автора с учетом как словаря [Зализняк 2014], так и других дополнительных источников.

Безусловным достоинством рецензируемой книги является строгость и эксплицитность аргументации автора. Для каждого анализируемого слова приводятся все доводы, позволяющие отнести его к тому или иному слою заимствований. Так, возведение праславянского **kъnędźь* ‘князь’ к западногерманскому источнику аргументируется тем, что суффикс *-inga-* не используется в готском (в отличие от западногерманского) для образования отыменных имен мужского рода, обозначающих людей; кроме того, в готском значение ‘монарх’ передается другим словом — *huidans* (с. 134, 238). На наш взгляд, строгая и убедительная классификация германизмов по их происхождению является одной из самых больших заслуг автора.

Проблематичным представляется употребление автором термина «праславянский» (Proto-Slavic). Как отмечает автор на с. 15, «в данной книге термин “праславянский” употребляется не по отношению к одной конкретной системе в один конкретный момент времени, но, скорее, к языку, на котором говорили праславяне как на прародине, так и когда они стали распространяться на территории, занимаемые ими сегодня. Пока язык разделял общие инновации, его можно называть “праславянский»» (“In this book, the term Proto-Slavic does not refer to one specific system at one specific point of time, but rather to the language the Proto-Slavs spoke both in their homeland and when they started to spread over the territory they inhabit today. As long as the language shared common innovations, it can be called ‘Proto-Slavic’”). Вопрос, который остается без ответа, — какие именно общие инновации достаточны для того, чтобы продолжать говорить о праславянском? На с. 111, где обсуждается слово **korljь* ‘король’, восходящее к имени Карла Великого, мы читаем: «Тот факт, что **korljь* очевидно относится к праславянскому периоду (это слово представлено во всех трех ветвях славянских языков, при этом оно подвергается действию регулярных праславянских звуковых законов), — одна из причин для датировки конца праславянского периода девятым веком» (“The fact that **korljь* clearly belongs to the Proto-Slavic period (it is represented in all three branches of Slavic and it underwent regular Proto-Slavic sound laws) is one of the reasons to date the end of Proto-Slavic to the ninth century”). Автор явно недооценивает возможности фонетического «пересчета» заимствований в уже разошедшихся

родственных языках по системе соответствий для исконных слов. Подобный «пересчет» частично действует между финским и северносаамским — языками, самостоятельная история которых насчитывает не меньше трех тысяч лет [Aikiö 2007]. Еще один вопрос — если называть «праславянским» диалектно расчлененный славянский язык эпохи миграций, то как должен называться последний общий предок славянских языков непосредственно перед его распадом (= появлением диалектов)? Поскольку именно этот последний общий предок реконструируется сравнительно-историческим методом (в результате применения которого снимаются все инновации, в том числе диалектные), он безусловно заслуживает отдельного наименования. Возможно, лучше было бы все же называть «праславянским» именно эту сущность, а для обозначения диалектно расчлененного языка славян эпохи миграций использовать термин «общеславянский».

Рецензируемая книга написана с позиций Лейденской школы индоевропеистики, и вполне естественно, что автор отдает предпочтение идеям и решениям, принятым в рамках этой школы (ср., например, ключевую роль глоттальной теории в интерпретации Кортландта при решении вопроса о германизмах, принадлежащих к а. п. *a*). В ряде случаев, однако, автор просто игнорирует гипотезы и идеи, принадлежащие представителям других школ. Так, на с. 34 дается обзор попыток датировать действие закона Дыбо с разбором точек зрения Кортландта, Хольцера и Матасовича. При этом автор не упоминает ни предложенную в [Дыбо, Замятина, Николаев 1993] концепцию «правостороннего дрейфа» ударения в а. п. *b*, т. е. поэтапного действия закона Дыбо в уже разошедшихся раннеславянских диалектах, ни критику этой концепции в [Ослон 2011]. Еще более странным выглядит обсуждение закона Винтера (с. 271—272), в котором нет ссылки на работу [Dybo 2002] — самую полную сводку материалов по данному закону.

Обосновывая отказ от реконструкции праславянской а. п. *d* (с. 37), автор пишет: «Свидетельства для реконструкции а. п. *d* в основном обнаруживаются в диалектах хорватского, поскольку слова, предположительно принадлежавшие к а. п. *d*, акцентуируются согласно а. п. *c* в большинстве других славянских систем» (“Evidence for AP (d) has mainly been found in dialects of Croatian because the words that supposedly belong to AP (d) are stressed according to AP (c) in most other Slavic systems”). При этом никак не комментируется приведенный в [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 129—154] мате-

риал, показывающий особые рефлексы а. п. *d* в ряде других славянских диалектов и средневековых акцентуированных рукописей.

На с. 193, в обсуждении слова **gōsь* ‘гусь’, которое иногда рассматривается как германизм, мы читаем: «Повод для этой этимологии — начальное **g*- в славянском, которое не может быть объяснено, если это слово непосредственно восходит к ПИЕ **ǵ^heh₂ns-* ‘гусь’; если бы это было так, мы бы ожидали, что это слово имело бы начальное **z*- в балтославянском (действительно засвидетельствованное в балтийских формах)» (“The reason for this etymology is the initial **g*- in Slavic, which cannot be explained if the word directly derives from PIE **ǵ^heh₂ns-* ‘goose’; if that were the case, one would expect the word to have initial **z*- in Balto-Slavic (as is indeed attested in the Baltic forms)”). Отсутствие «сатемного» рефлекса в славянском при его наличии в балтийском было объяснено еще А. Мейе [Мейе 2001: 24—25]: в славянском (в отличие от балтийского) в словах, содержащих сибилант **s*, не наблюдается результатов перехода ПИЕ **k̑* > **s* и **ǵ^h* > **z*. Правило Мейе не было опровергнуто позднейшими исследователями — оно было просто забыто. Мейе приводит в обоснование своего правила пять примеров. Кроме уже упомянутого слова ‘гусь’, это праслав. **gvězda* ‘звезда’ (ср. лит. *žvaigždė*; в этимологическом словаре Дерксена славянский рефлекс не объясняется [Derksen 2008: 195—196]), **gvizdati* ‘свистать’ (сравнивается Мейе с лит. *žviėgti*, что сомнительно), **kosa* ‘коса (орудие)’ < ПИЕ **kōs-*, ср. др.-инд. *śāstra-* н. ‘нож’ (Дерксен отвергает индоевропейскую этимологию из-за славянского **k* [Derksen 2008: 238]) и **svekry* ‘свекровь’ < ПИЕ **suekruH* (Дерксен имплицитно предполагает депалатализацию перед сонантом [Derksen 2008: 475]). Ср. также **svekrь* ‘свекор’ из ПИЕ **suekuro-*, давшего в литовском *šėšuras* (Дерксен предполагает для славянского аналогию со **svekry* [Derksen 2008: 475]). Мейе приводит одно исключение, заставляющее его предположить, что указанное правило в середине слова, возможно, действовало только перед **r*: **sъvsati* ‘сосать’ (< ПИЕ **suk-*, ср. лат. *sūcus* ‘сок’). Это исключение едва ли может дискредитировать правило: как замечает сам Мейе, «по своему характеру это слово не может служить для установления фонетических соответствий» [Мейе 2001: 25] (имеется в виду принадлежность этого слова к экспрессивной «детской лексике»). Полный просмотр нового этимологического словаря славянских языков [Derksen 2008] дает лишь одно возможное исключение из правила Мейе: праслав. **sъršěнь* ‘шершень’ < ПИЕ **k̑rh₂s-en-* [Derksen 2008: 485—486].

Очевидно, что считать это слово исключением можно только при принятии определенной относительной хронологии: если правило Мейе действовало до правила RUKI, то этот пример — исключение; если же сначала действовало правило RUKI, то естественно полагать, что *x (возникшее по правилу RUKI) не вызывало диссимилятивного сохранения/восстановления велярного по правилу Мейе.

Автор рецензируемой работы, вслед за Ф. Кортландтом, объясняет сохранение велярного в слове *gqsъ позицией перед ларингалом, причем для объяснения балтийского рефлекса (лит. *žąsis*) оказывается необходимым постулировать аблаут, якобы сохранившийся вплоть до прабалто-славянского, с дальнейшим обобщением разных ступеней в балтийском и славянском: ном. sg. *ǵ^heh₂ns, асс. sg. *ǵ^hh₂nsm, gen. sg. *ǵ^hh₂nsos. Как указывает автор, ранее Кортландт постулировал для этого слова такой же аблаут, но объяснял депалатализацию в славянском позицией перед сонантом *-n-. Реконструированный таким образом аблаут служит аргументом в дальнейших построениях (с. 194): Кортландт «сейчас анализирует ПИЕ *ǵ^heh₂ns- ‘гусь’ как -nt-причастие от глагола *ǵ^heh₂- ‘зевать’, поскольку аблаутная схема, восстанавливаемая для ‘гуся’, соответствует аблаутной схеме nt-причастий» (“He now analyses PIE *ǵ^heh₂ns- ‘goose’ as an -nt-participle of the verb *ǵ^heh₂- ‘to yawn’ because the ablaut pattern that has been reconstructed for ‘goose’ corresponds to the ablaut pattern of the nt-participles”). Между тем единственным основанием для реконструкции какого бы то ни было аблаута в ПИЕ слове ‘гусь’ служит кентумный рефлекс начального палатального в славянском, объясняемый правилом Мейе.

В кратком очерке славянской акцентологии вызывает недоумение описание акцентной парадигмы с (с. 36). Автор пишет про нее следующее: «А. п. с имеет подвижное ударение. Ударение чередуется между начальным и конечным слогами слова. Формы с начальным ударением имеют падающий тон» (“AP (c) has mobile accent. The stress alternates between the initial and the final syllable of the word. Forms with initial stress have a falling tone”). Далее в качестве признаков, по которым можно распознать а. п. с, автор приводит особенности краткости/долготы гласных в западно- и южнославянских языках и тона в южнославянских. Ни слова не сказано про то, что формы а. п. с с «начальным ударением» являлись в праславянском фонологически безударными (энклиноменами), а фонетическое ударение падало в них на первый слог тактовой группы (а при наличии в тактовой группе энклитик падало на энклитики). Эти особенности можно

проиллюстрировать следующими формами из Чудовского Нового Завета (XIV в.): древо, на древѣ, ни на древо; и время, время же, до времени; страха же ихъ, по страху; князи бо, и князи (цит. по [Зализняк 2014]). Может показаться, что данное упущение несущественно для анализа германизмов в праславянском, однако это не так. Анализируя на с. 260 слово *kъnędzъ ‘князь’, имеющее нетипичную для германизмов а. п. с, автор, вслед за Ф. Кортландтом, предлагает сценарий того, как это слово могло перейти из ожидаемой а. п. b в а. п. с. Ключевым моментом этого сценария является отождествление долготного нисходящего акцента, возникшего во втором слоге формы им. п. данного слова в результате действия закона Дыбо и оказавшегося после падения редуцированных в первом слоге, с «нисходящим акцентом» начальноударных форм а. п. с. Но даже если фонетически эти два типа акцента не отличались друг от друга, их поведение в тактовых группах было различным, что делает предложенный сценарий достаточно сомнительным. Хуже всего, однако, что в ряде мест рецензируемой работы этот гипотетический сценарий трактуется как факт: само слово *kъnędzъ рассматривается в разделе 5.4 “Loanwords with AP (b) and a light syllabic nucleus”, со следующим пояснением: «Вероятно, а. п. b (ср. § 8.3.1), хотя это слово часто считается принадлежащим к а. п. с (ср. Зализняк 1985: 137, Дыбо 1981: 171)» (“Probably AP (b) (cf. § 8.3.1), although the word is often thought to have AP (c) (cf. Zaliznjak 1985: 137, Dybo 1981: 171)”) (с. 134). Между тем в цитируемой работе Зализняка излагается вовсе не мнение автора (“thought to have...”), а следующий из анализа акцентуированных рукописей факт, что это слово в древнерусском имело а. п. с (см. теперь [Зализняк 2014: 545—546]).

В разделе 6.4 “Words of indeterminable origin” автор, на наш взгляд, проявляет в ряде случаев гиперскептицизм по отношению к предполагаемым германизмам, для которых в литературе были предложены альтернативные «исконные» этимологии. Многие из этих этимологий требуют дополнительных допущений *ad hoc* или просто недостоверны. Так, для слова *čedo ‘чадо’ (с. 189—190) конкурируют две этимологии: заимствование из западногерманского *kinpa- ‘ребенок’ и производность от *četi (ср. *načeti ‘начать’). При этом «исконная» этимология требует отдельного семантического обоснования, а также предполагает наличие в слове крайне редкого суффикса *-do- с неясным значением. Для слова *gotoviti ‘готовить’ (с. 192—193) альтернативой заимствованию из готско-

го *gataujan* ‘to do, realize, accomplish’ является сравнение с албанским *gatuaj, gatuej* ‘готовить’ и древнегреческим *νηγᾶτεος* ‘new-made’. Албанское слово в этимологическом словаре албанского языка рассматривается как заимствование из славянского [Orel 1998: 111]. Что касается греческого *νηγᾶτεος*, и точное значение этого слова, и его этимология неизвестны [Beekes 2010: 1015]. Гипотеза о заимствовании славянского **melko-* ‘молоко’ из германского **meluk-* ‘id.’ (с. 197—198) действительно сталкивается с трудностями фонетического характера (отсутствие в славянском рефлекса **-u-*). Однако предлагаемая автором альтернатива еще хуже: для объяснения славянского слова, которое не может восходить к ПИЕ корню **h₂melǵ-* (имеющему, к тому же, регулярное отражение в славянском **melz-ti*), постулируется *ad hoc* ПИЕ корень **h₂melk-* с нерегулярными депалатализацией и оглушением, не отраженный больше ни в одной ветви индоевропейских языков. Для слова **opica* ‘обезьяна’ (с. 200—201) альтернативой германской этимологии является заимствование из неизвестного языка. Во всех этих случаях германская этимология славянского слова представляется явно предпочтительной.

На с. 140 автор пишет: «Германское **o-* должно отражаться в праславянском как **a-*» (“Germanic **o-* is expected to yield **a-* in Proto-Slavic...”). Под «германским **o-*» в данном случае имеется в виду рефлекс прагерманского **u*, подвергшийся действию *a*-умлаута. Совершенно непонятно, почему краткий огубленный гласный языка-источника при заимствовании должен адаптироваться как долгий неогубленный гласный. Более того, в рецензируемой книге нам не удалось найти ни одного примера такой адаптации. Тем не менее на с. 187 в связи с возможностью заимствования славянского **avorъ* ‘явор’ из западногерманского (ср. д.-в.-н. *āhorn* ‘платан’ < **ēhurna-*) автор повторяет ту же ошибку: «Эта идея, однако, предполагает, что слово было заимствовано в праславянский позже, чем другие заимствования, обсуждаемые в данной книге, в которых германское **o* соответствует праславянскому **a*, а германское **a* — праславянскому **o*...» (“This idea would, however, presuppose that the word was borrowed into Proto-Slavic later than the other loanwords discussed in this book, in which Germanic **o* corresponds to PS. **a*, and Germanic **a* to PS. **o*...”). В разделе 7.2, посвященном фонологической адаптации германизмов, о возможных соответствиях германского краткого **o*, возникшего из прагерманского **u* в результате *a*-умлаута, ничего не сказано.

В связи с этим нельзя не пожалеть о том, что в славистике для записи праславянских форм тра-

диционно используется антиисторическая транскрипция, основанная на позднем общеславянском (но не праславянском!) произношении (см. о праславянской фонетике, например, [Mareš 1965; Kirparysky 1963; Holzer 2003; Касьян 2012]). За символом **o* этой транскрипции скрывается праславянское краткое **a*, а за символом **a* — долгое **ā*. Использование этой транскрипции затемняет фонетические отношения между славянскими формами и формами контактировавших с праславянским языков, в том числе германских.

В рецензируемой книге имеются также отдельные мелкие ошибки и недочеты.

Так, на с. 10 написано: «Графема *au* отражает прагерм. **o* перед *h, lv* и *r*» (“The grapheme *au* reflects PGmc. **o* before *h, lv* and *r*”). Имеется в виду готское /o/ из прагерманского **u*.

На с. 102 в обсуждении слова **cǣsarjъ*, получившего в результате действия закона Дыбо ударение на втором слоге, говорится: «В результате закон Станга действовал только в форме ном. sg., в то время как другие падежные формы сохраняли ударение на суффиксе, поскольку закон Дыбо действовал только на конечных слогах (не считая конечных еров)» (“Consequently, Stang’s law operated only in nom. sg., whereas the other case forms retained the accent on the suffix because Dybo’s law operated only on final syllables (not counting final yers)”). Имеется в виду, конечно, не закон Дыбо, а закон Станга.

В обсуждении слова **xqsa* ‘разбой’ на с. 108 автор пишет: «Дыбо также предлагает а. п. *b* на основании др.-рус. хоўлици (1981: 187)» (“Dybo also suggests AP (b) on the basis of OR *xǔlnici* (1981: 187)”). В цитируемом месте В. А. Дыбо говорит, что к а. п. *b* принадлежит **xula*, а слово **xqsa* там не упоминается.

На с. 112 дана ошибочная форма 2 sg. от русского глагола ‘купить’: *kǔpis’*.

На с. 135 в связи со славянским словом **lvъ* ‘лев’ автор пишет о происхождении греческого λέων: «Греческое слово может происходить из семитских языков, ср. ассирийское *labbu*, египетское *labu*, древнееврейское *layiṣ* ‘лев’...» (“The Greek word might stem from Semitic languages, cf. Assyrian *labbu*, Egyptian *labu*, Hebrew *layiṣ* ‘lion’”). Во-первых, египетский не является семитским языком, во-вторых, «египетское *labu*» с выписанными гласными не похоже на древнеегипетскую форму, записанную в общепринятой транслитерации. Еще одна вокализованная древнеегипетская форма приводится на с. 147: “Old Egyptian *āb(u)* ‘ivory, elephant’” (корректная транслитерация этой формы — *ʒbw*). Судя

по давно устаревшей транслитерации, прежде чем попасть в рецензируемую работу, эти формы кочевали из одного этимологического словаря в другой не меньше столетия. При том что такие формы не всегда легко сверить с современными словарями соответствующих языков, возможно, лучше было бы не приводить их вовсе, тем более что к собственно славянской этимологии они имеют в лучшем случае косвенное отношение.

На с. 227 мы читаем: «В традиционном анализе рефлексy ПИЕ звонких смычных $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ восставливались для прагерманского как звонкие фрикативные $*b̥$, $*d̥$, $*g̥$ » («In the traditional analysis, the reflexes of the PIE voiced stops $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ were reconstructed for Proto-Germanic as voiced fricatives $*b̥$, $*d̥$, $*g̥$ »). Вместо «рефлексy ПИЕ звонких смычных $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ » следует читать «рефлексy ПИЕ звонких придыхательных смычных $*b^h$, $*d^h$, $*g^{h(w)}$ ».

Перечисленные выше отдельные недостатки не умаляют гораздо более существенных достоинств рецензируемой работы: полноты приведенного материала, эксплицитности и логической ясности его анализа. Книга Саскии Пронк-Титхофф будет служить не одному поколению как славистов, так и германистов в качестве основного пособия по германизмам в праславянском.

Литература

- Дыбо, В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. 1990. *Основы славянской акцентологии*. Москва: Наука. [Dybo, V. A., Zamjatina G. I., Nikolaev S. L. 1990. *Osnovy slavjanskoj aktsentologii*. Moskva: Nauka.]
- Дыбо, В. А., Николаев С. Л., Замятина Г. И. 1993. *Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода*. Вып. 1. Москва: Наука. [Dybo, V. A., Nikolaev S. L., Zamjatina G. I. 1993. *Osnovy slavjanskoj aktsentologii. Slovar'. Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*. Vyp. 1. Moskva: Nauka.]
- Зализняк, А. А. 2011. *Труды по акцентологии*. Т. 2: *Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.)*. Москва: Языки славянских культур. [Zaliznjak, A. A. 2011. *Trudy po aktsentologii*. Т. 2: *Drevnerusskij i starovelikorusskij aktsentologičeskij slovar'-ukazatel' (XIV—XVII vv.)*. Moskva: Jazyki slavjanskikh kul'tury.]
- Зализняк, А. А. 2014. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры. [Zaliznjak, A. A. 2014. *Drevnerusskoe udarenie: Obschie svedenija i slovar'*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.]
- Касьян, А. С. 2012. Отражение праславянской фонемы $*y$ в старопсковском диалекте разговорника Т. Фенне как архаизм. *Вопросы языкознания* 4: 73—100. [Kassian, A. S. 2012. Otrazhenie praslavjanskoj fonemy $*y$ v staropskovskom dialekte razgovornika T. Fenne kak arkhajzm. *Voprosy jazykoznanija* 4: 73—100.]
- Мейе, А. 2001. *Общеславянский язык*. Москва: Прогресс. [Meillet, A. 2001. *Obsčeslavjanskij jazyk*. Moskva: Progress.]
- Ослон, М. В. 2011. Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа» [Osłon, M. V. 2011. Zakon Križanicha: dovody protiv teorii «pravostoronnego drejfa»]. *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology IV (Scheibbs, 2—4 Juli 2008)*. Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage I, Hrsg. E. Stadnik-Holzer. Frankfurt-am-Main.
- Aikio, A. 2007. Etymological Nativization of Loanwords: A case study of Saami and Finnish. In *Saami Linguistics*, edited by I. Toivonen and D. Nelson. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Beekes, R. S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- Derksen, R. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Dybo, V. A. 2002. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law. *Studia Linguarum* 3(2). Moscow.
- Holzer, G. 2003. Urslavische Phonologie. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 49: 23—40.
- Kiparsky, V. 1963. *Russische historische Grammatik*. Т. 1: *Die Entwicklung des Lautsystems*. Heidelberg.
- Mareš, F. V. 1965. *The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity*. Transl. by J. F. Sponek & A. Vitek. Ann Arbor.
- Orel, V. E. 1998. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden / Boston / Köln: Brill.
- Stang, Ch. S. 1957. *Slavonic accentuation*. Oslo.